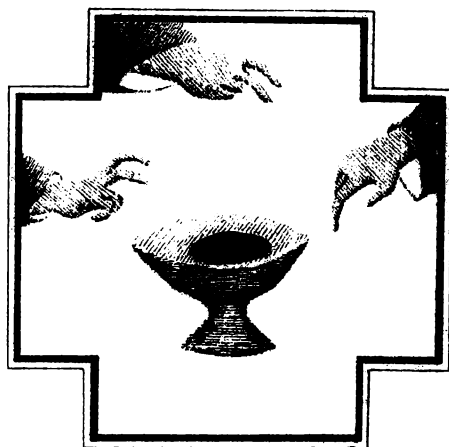

Ф_{илософское}
О_{бразование}

Ю.И.МИРОШНИКОВ

**АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

РОССИЙСКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО

МЕЖВУЗОВСКИЙ ЦЕНТР
ПРОБЛЕМ НЕПРЕРЫВНОГО ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ПРИ УРАЛЬСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ИМ. А.М. ГОРЬКОГО

Серия
«Философское образование»

Редакционный совет серии:

В.В.Ким (председатель),
В.И.Колосницын, В.И.Копалов,
И.Я.Лойфман, К.Н.Любутин, В.И.Плотников,
В.Д.Толмачев (редактор-координатор), Н.Н.Целищев,
Л.П.Чурина (ученый секретарь)

РОССИЙСКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО

МЕЖВУЗОВСКИЙ ЦЕНТР
ПРОБЛЕМ НЕПРЕРЫВНОГО ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПРИ
УРАЛЬСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ИМ. А.М.ГОРЬКОГО

Серия
«Философское образование»
Выпуск 6

Ю.И.МИРОШНИКОВ

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Екатеринбург
1998

ББК Ю217+С550.74+Ч110

М 645

УДК 130.1:316.77

Печатается по решению Межвузовского
центра проблем непрерывного гуманитарного образования

Мирошников Ю.И.

- М 645** Аксиологическая структура социокультурной коммуникации / Рос. филос. о-во; Межвуз. центр проблем непрерыв. гуманитар. образования при Урал. гос. ун-те им. А.М.Горького. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1998. – 160 с. – (Сер. «Философское образование»/Ред. совет: В.В.Ким (предс.) и др.; Вып. 6).
ISBN 5–7851–0098–3
ISBN 5–7851–0177–7 (Вып. 6)

В монографии рассматриваются проблемы социокультурной коммуникации, которая ставится в зависимость, во-первых, от ценностного измерения мира (деления культуры на «верх» и «низ»), а во-вторых, от форм непосредственного общения людей. Эта основная идея разворачивается на историко-философском и историко-культурном материале. В работе используются также данные лингвистики, литературоведения, социальной психологии, педагогики, позволяющие понять особенности социокультурной динамики, для которой сегодня характерно мощное и неуклонное развитие технических средств создания, распространения и потребления культурной информации. Прикладной смысл выявленных закономерностей раскрывается в образовательной деятельности, процессах популяризации и понимания.

Книга предназначена для научных работников, специалистов СМК, преподавателей, аспирантов и студентов вузов.

УДК 130.1:316.77

ББК Ю217+С550.74+Ч110

Рецензенты:

И.Я.Ло й ф м а н, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор философских наук, профессор.

Н.В.Б р я н и к, доктор философских наук, профессор.

ISBN 5–7851–0098–3

ISBN 5–7851–0177–7 (Вып. 6)

© Ю.И.Мирошников, 1998

© И.Ю.Мирошников, рисунок, 1998

© Банк культурной информации, оформление,
серия, 1998

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа предполагает решение нескольких задач, вытекающих из попытки анализа статистики и динамики культуры, сущностью которой выступает духовная жизнь личности и народных масс. Грань между двумя этими типами носителей духовности достаточно гибка и подвижна: продукты индивидуального сознания так или иначе «вступают, – как писал К.Р.Мегрелидзе, – в более или менее широкий круг общественного оборота, обращения, циркуляции, делаются составной частью общественного сознания»¹. Стать фактором социального действия продукты индивидуального сознания могут лишь благодаря общению. Для данной работы эта мысль является исходной и определяющей в исследовании закономерностей социокультурной коммуникации. Именно общение позволяет человеку искать в себе истинно человеческое начало, «созерцать в самом себе человечество»².

Формы человеческого общения развивались вместе с развитием человека и человечества, всегда сохраняя в себе неповторимый колорит эпохи и национальных основ. В монографии мы прослеживаем эволюцию человеческого общения и типы культурной коммуникации в истории европейской культуры. Для нас античность – это эпоха агоры, перипатов, экседры, симпозиумов, остраконов и глашатаев; средневековье – время монастырских библиотек, скрипториев, церковных амвонов, университетских кафедр, торговых площадей и рыцарских ристалищ; Просвещение – век салонов, выставок, парламента, морских путешествий и съездов естествоиспытателей.

Коммуникативные процессы обратили на себя внимание сравнительно недавно. Предыстория изучения закономерностей социокультурной коммуникации начинается в эпоху Просвещения, когда, во-первых, было установлено, что разные народы обладают различными обычаями, социальными институтами, формами государственного устройства и психологией, и диалог между ними может быть взаимно полезен. Такими сравнительными характеристиками изобилует, например, работа Ш.Монтескье «О духе законов». А во-вторых, была революционно-критически пе-

реосмыслена роль различных субъектов духовной жизни общества. Главным субъектом культуры, лидером общественного мнения были признаны ученые и философы, отвергнувшие былой авторитет церкви и деспотического абсолютизма. В дальнейшем коммуникационные аспекты культуры попали в поле зрения этнографии, заговорившей в конце XIX в. о роли диффузии культуры в развитии общества (Л.Фробениус, Фр.Гребнер, Г.Э.Смит)³, и социальной психологии, появившейся примерно в то же время и исследующей феномены массового общества: толпу, публику, общественное мнение, моду, рекламу (Г.Тард, Г.Лебон, Н.К.Михайловский и др.).

В данной работе основное внимание мы уделяем не «горизонтальной», а «вертикальной» социокультурной коммуникации, то есть динамическому и противоречивому единству культуры народного «низа» и профессионального «верха». Именно эта сторона социокультурной динамики претерпела революционные изменения с тех пор, как ее технической основой стали выступать средства массовой коммуникации (СМК). В дальнейшем изложении мы много внимания уделим развитию и функционированию СМК, их влиянию на духовную жизнь людей, характер социокультурной коммуникации и непосредственное общение. Сегодня многие авторы уверенно говорят о возникновении нового пласта культуры – массовой культуры, которая наслаивается на более древний – этнический и национальный. Появление этого нового витка культурного развития, как считают эти авторы, целиком обязано средствам массовой коммуникации⁴.

Анализ взаимодействия полюсов культуры приводит нас к пониманию этого феномена как сложной и многоплановой структуры. В этом аспекте мы прежде всего считаем необходимым охарактеризовать субъекты социокультурной коммуникации и установить их отношение к духовной жизни в целом и к духовному производству в частности. «Вертикальная» коммуникация складывается из последовательных циклов движения культурных сообщений, уходящих из пунктов отправлений и затем вновь туда возвращающихся. Нас интересует схема движения, характер движущих сил этого процесса и те изменения, которые сопровождают социокультурную динамику. По нашей гипотезе, «вертикальная» коммуникация, выступая одной из фундаментальных общественных закономерностей, внутренне связана с аксиологической структурой социума. Отсюда наш интерес к ценностному анализу человеческой деятельности, сознания и культуры в целом.

Монография разбивается на три части, каждая из которых рассматривает феномен социокультурной коммуникации с определенной точки зрения. В первой части мы освещаем вопросы становления и развития само-

го феномена социокультурной коммуникации и постепенное созревание интереса к ее исследованию. Здесь мы знакомим читателей с различными точками зрения, которые позволяют обнаружить основные проблемы изучаемой темы. Впервые феномен социокультурной динамики был замечен философами эпохи Просвещения. Перемещение культурной информации в обществе представлялось им естественным процессом, детерминированным разнородной культурной структурой социума. Движение идей было задано, на взгляд просветителей, наличием социальных слоев, имеющих разное отношение к производству духовных ценностей и их потреблению. Так, Ж.А. Кондорсе выделял в этом смысле три субъекта культуры: философов (ученых), народную массу и образованных людей, связывающих «верх» и «низ» культуры.

Новый поворот тема нашего исследования получает в общественно-научной литературе второй половины XIX в. В ходе формирования особой социокультурной общности – публики, выступающей носителем общественного мнения, и развития СМК, тесно связывающих две эти категории – публику и мнение – воедино. Ответом на эти активные социальные процессы стали различные концепции и доктрины, в которых видное место занимал анализ СМК и их влияние на социокультурную динамику. В этом русле возникают такие ключевые понятия, как «общественное мнение», «толпа», «публика», «духовное производство», «субъект духовного производства», «социокультурная коммуникация» и др. Так случилось, что к вопросам культурной коммуникации проявил интерес целый ряд общественных и философских дисциплин: философия, эстетика, социология, культурология, лингвистика, социальная психология, науковедение, литературоведение, журналистика, теория коммуникации, информатика, кибернетика и т.д. Наиболее известные западноевропейские исследователи, внесшие заметный вклад в понимание характера сдвигов в массовых и личностных формах культуры, это Т.В. Адорно, А.Вебер, М.Вебер, В.Вундт, Г.Зиммель, Г.Лассуэлл, Г.Лебон, Г.Маклуэн, К.Маркс, А.Моль, Ф.Ницше, Х.Ортега-и-Гассет, Ж.-П. Сартр, Г.Тард, З.Фрейд, Й.Хейзинга, М.Хоркхаймер и многие другие. В своей работе мы подвергли критическому анализу их позиции и при этом опирались на конструктивные идеи Т.В. Адорно, К.Маркса, Ф.Махлупа, А.Моля, Ф.Ницше, Ж.-П. Сартра, Г.Тарда, Й.Хейзинга, М.Хоркхаймера и др. Обозначенная нами тема привлекла внимание российских обществоведов в конце 60-х годов нынешнего века. Мы назовем здесь таких авторов, как Ю.Ф.Абрамов, Г.К.Ашин, Л.М.Баткин, М.М.Бахтин, Н.П.Ващекин, Ю.Р.Вишневский, Г.Г.Воробьев, А.Я.Воскунский, В.Ю.Борев, Ю.Б.Борев, А.А.Брудный, Ю.П.Буданцев, А.Б.Гофман, А.Ф.Еремеев, М.С.Каган, В.Е.Кемеров,

В.В.Ким, В.З.Коган, Л.Н.Коган, А.В.Коваленко, В.А.Колеватов, В.С.Коробейников, К.Н.Любутин, М.К.Мамардашвили, В.М.Межуев, О.Ю.Медведева, Б.С.Мейлах, Н.В.Мотрошилова, В.К.Нишанов, Б.Д.Парыгин, Д.В.Пивоваров, Б.Ф.Поршнев, Б.А.Радионон, В.М.Соковнин, А.Н.Соколов, А.К.Уледов, В.А.Уханов, Б.М.Фирсов, И.А.Федякин, Ю.А.Шерковин, Б.Д.Яковлев и др.

Во второй части книги мы обсуждаем роль ценностного восприятия мира в жизни людей и основные аксиологические характеристики культуры. Мы хотим показать, что ценностная структура общественного и индивидуального сознания – устойчивое образование, дающее о себе знать на всем протяжении человеческой истории. Она выступает конституирующим началом духовной жизни, помогает организовать духовную жизнь общества в единое целое, она превращает пеструю, нестройную картину культурных явлений в динамическое равновесие «высокого» и «низкого». Вместе с тем, и это показано в зарубежной и отечественной литературе, ценности культуры заявляют о себе как амбивалентные феномены и тем самым затрудняют аксиологический анализ, делают его выводы неоднозначными. Ценностные аспекты структуры общественного сознания активно исследовались в работах В.К.Бакшутова, М.М.Бахтина, В.А.Блюмкина, В.А.Василенко, Г.П.Выжлецова, В.В.Гречаного, А.В.Гулыги, Б.И.Додонова, О.Г.Дробницкого, А.Г.Здравомыслова, Н.В.Иванчука, А.А.Ивина, Р.Г.Кетхудова, Б.А.Кислова, И.Я.Лойфмана, М.Г.Макарова, Л.А.Микешинной, В.Ф.Навозова, В.И.Плотникова, С.Х.Раппопорта, Л.Н.Столовича, Ю.К.Субботина, В.И.Толстых, В.П.Тугаринова, Ю.Н.Тундыкова, А.К.Уледова, А.Я.Хапсирокова, Г.Ф.Хильми и др.

Мы полагаем, и говорим об этом в третьей части монографии, что представление о бинарной структуре культуры, складывающейся из взаимодействия представителей «верха» и «низа», не отражает подлинной картины, ибо фактически прямой контакт, понимание между ними невозможны. Мы хотим утвердить мысль, что духовная жизнь общества – это единство трех сфер сознания: специализированного («чистого»), обыденного (природного) и образованного. Последняя сфера сознания как раз и призвана опосредовать взаимодействие двух первых. В духовную жизнь общества вносит существенное дополнение участие в социокультурной коммуникации образованной общественности – профессионалов общения, каждодневно вступающих в тот уникальный процесс, в котором можно исключить все неподлинное и сделать его «колыбелью Действительной Жизни»⁵. Мы видим единственно возможный ответ на вопрос об источнике движущей силы социокультурной коммуникации в том, что энергия движения культурного сообщения поступает из тектонических недр не-

посредственных человеческих отношений Я и Ты, в образовательном взаимодействии, в сфере непосредственного общения, в ходе которого рождается дружба, любовь, творчество, культура.

Выражение признательности.

Данная работа не только не увидела бы свет, но и не была бы написана, если бы не кропотливая многолетняя помощь автору его давнего наставника в науке доктора философских наук, профессора И.Я.Лойфмана. Как я теперь понимаю, главное, что Исаак Яковлевич всегда стремился передать мне как ученый, – уважение к культуре философского мышления и к стилю философского письма. Я хотел бы превратить эти установки в максимы своей научной деятельности.

Над рукописью книги много трудился уже ушедший из жизни доктор философских наук, профессор Л.Н.Коган. Его влияние, проблематика его научных интересов запечатлелись на страницах данной монографии. Пусть это будет доброй о нем памятью.

Ф.Ницше утверждал, что читать и писать нужно медленно. Автору, отчасти по не зависящим от него обстоятельствам, во многом удалось выполнить завет великого мыслителя, но единственный видимый выигрыш от реализации этого императива – солидный список ученых, благожелательно согласившихся прочесть книгу в рукописи и высказать свои конструктивные замечания. Я выражаю благодарность С.В.Аржанухину, А.А.Баталову, Н.В.Брянник, Н.В.Иванчуку, В.Е.Кемерову, В.А.Киселеву, О.Ю.Медведевой, Г.В.Мокроносову, И.М.Лисовец, А.И.Савенкову, И.И.Субботину, С.М.Шалютину.

Чтобы издать книгу, как обнаружилось, должны быть в наличии не только идеи, нужно уметь работать на компьютере. Эту задачу любезно согласилась решить Марина Ковязина. Потребовались и деньги. Тут оказалась весьма кстати финансовая помощь К.А.Устиловского. Именно благодаря этим практическим шагам и усилиям близких мне людей данная книга из мира идей стала перекочевывать в мир вещей.

В работе над рукописью на последнем этапе ее подготовки к печати деятельное и плодотворное участие приняли мои давние и верные друзья Е.А.Жуков, Р.Л.Лившиц и И.П.Сивков. Они правили мой стиль, спорили с моими идеями, подбадривали меня. Я неизмеримо признателен им и всем, кто помогал мне в создании этой книги.

Часть I

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ

Мнение людей – наше ежедневное горнило.

Аврелий Августин

Глава 1

РАЗВИТИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В европейской философской традиции ценность общения была обнаружена Сократом. В диалоге Платона «Федр» Сократ, когда его зовут за город на природу, заявляет, что его любознательность не могут удовлетворить деревья: они его «ничему не хотят научить, не то что люди в городе»¹. Характерна в этом же плане одна из мыслей, высказанных Сократом на суде, который, как известно, привел его к трагическому концу. Сократа восхищает возможная перспектива встречи после своей смерти с Орфеем, Мусеем, Гесиодом и Гомером. В платоновской «Апологии Сократа» он произносит: «Да, я готов умереть много раз, если все это правда (т.е. возможность встречи с названными выше мудрецами. – Ю.М.): для кого другого, а для меня было бы восхитительно вести там беседы...»². Беседы с самыми знающими давали Сократу случай сопоставить собственное знание с чужим и таким образом не только оценить, кто более мудр, но и сделать ряд новых шагов, приближающих его к истине. Таким образом, Сократ отождествлял общение с познавательным процессом (понятым им не только как искание истины, но и обретение добродетели), в ходе которого, если его правильно осуществлять, можно успешно совершенствоваться как в том, так и в другом.

Мы вспомнили здесь прежде всего Сократа не случайно. Для нас его фигура показательна тем, что Сократ всегда строит свои взаимоотношения с людьми на основе личностных отношений. Окружающих учеников он называет друзьями, подчеркивая их равноправие с собой и отказыва-

ется от письменной фиксации своих идей. Он отказывает письменной коммуникации в праве на полноценное существование и снижает конструктивность ее роли в культуре. Подчеркивая коммуникативные недостатки философского текста, отчужденного от автора, Сократ замечает о рукописях: «Думаешь, будто они говорят как разумные существа, но если кто спросит о чем-нибудь из того, что они говорят, желая это усвоить, они всегда отвечают одно и то же»³. Не то, чтобы Сократ совершенно игнорировал коммуникативный процесс вне непосредственного общения, но он рассматривал его как второсортный. Более того, например, в уже упомянутом нами диалоге «Федр» поведение Сократа показывает, что он предпочитает точность и определенность рукописи Лисия в выражении его теоретической позиции искусному, заранее подготовленному пересказу этой рукописи Федром. Зоркий Сократ примечает, что рукопись Лисия Федр захватил с собой, и заставляет прочесть ее. Но чтение текста здесь только повод для беседы и двух речей Сократа.

Много столетий спустя, когда устная традиция сменилась рукописной, а рукописная уступила место книгопечатанию и оно стало определяющим фактором в структуре социокультурной коммуникации, личное общение и переписка еще будут серьезно влиять на развитие специализированных форм сознания – на науку и философию в частности. Так, например, известно, что задолго до издания своего основного труда «Об обращении небесных сфер» Н.Коперник разослал нескольким ученым (вероятно, лично с ним знакомым) рукописное сочинение под заглавием «Малый комментарий» с изложением в сжатой форме и без математического обоснования основных положений гелиоцентрической системы⁴. То же самое делали в разное время и другие ученые А.Везалий, Г.Галилей, Ч.Дарвин, М.В.Ломоносов.

Возвращаясь к Сократу, скажем, что его позиция на первый взгляд представляется исторически несостоятельной и подвергается практическому пересмотру уже его учеником Платоном, благодаря гениальным диалогам которого нам и известны идеи великого афинянина. Платон в своих произведениях сумел запечатлеть искусство, с каким Сократ беседовал с друзьями и со всеми желающими с ним поговорить. Приемы беседы, ее логическая квинтэссенция – диалектика – легли в основу развития всей европейской философии, ставшей, в свою очередь, важнейшим элементом культуры. Заметим, что Платону не приходилось выбирать жанр своих произведений. Изображать Сократа, человека, поразившего его воображение и ставшего учителем всей жизни, вне стихии беседы-диалога значило лишить духовного наставника драматического понимания мысли, «в котором не могло быть и речи о раз и навсегда законченной систе-

ме», чьи «усилия ума были направлены на вечные поиски, недоверие к очевиднейшему, сочетавшиеся со странной влюбленностью в живое слово, в риторику»⁵. Эти характеристики сознания стали общими для учителя и ученика, так что невозможно понять, где кончается попытка представить читателю подлинного Сократа и начинается выражение мысли самого автора.

Общественная жизнь в античном полисе долгое время могла развиваться на основе непосредственного личностного общения его граждан, хотя уже в эпоху Сократа устная традиция разрушалась и уступала свое место письменной культуре. Прямую противоположность жизни человека в древнегреческом полисе представляет собой современное общество, где, к примеру, выборы главы государства на основе личного знакомства большинства граждан и непосредственного устного изъяснения своей воли абсолютно невозможны. В ключевых моментах функционирования современного общества в действие вступают средства массовой коммуникации (в дальнейшем мы будем пользоваться аббревиатурой СМК), консолидирующие и координирующие активность миллионов его человек. Без СМК сегодня невозможна не только политическая активность, но и все другие, не менее основополагающие стороны жизни социума: материальное производство, наука, искусство, спорт, военная, досуговая деятельность и т.д.

Несмотря на то, что устная традиция в европейской культуре отступила в прошлое, Сократ не ошибся в своей оценке общения. Сегодня общение не только не утратило своей ценности, но стало роскошью, как реки и озера, из которых можно зачерпнуть воды и напиться без риска для здоровья. Чем больше общество приобретало современный вид, тем более массовидными становились социальные процессы, тем чаще массы выступали творцами истории. Общение людей все безнадежнее теряло свою гармоничную целостность, непосредственность и личностный характер. От него отделялись в виде механических, обезличенных аналогов и превращались в господствующие силы средства массового воздействия и средства массовой коммуникации. Процессы массовой коммуникации вытесняли непосредственное общение людей из сферы публичной жизни, оставляя ему по преимуществу область быта. Однако глубинное родство между непосредственным общением и СМК по настоящее время до какой-то степени оправдывает существование и развитие последних и определяет их позитивное содержание.

Общение и коммуникация имеют генетическую связь. В феномене общения современные исследователи видят процесс взаимодействия людей, вступающих в него в качестве субъектов⁶. Общение понимается как

процесс превращения состояния каждого партнера в их общее достояние⁷. Сущность общения они видят в индивидуально-личностном содержании⁸. Коммуникация – неперенный элемент любого акта общения. Под коммуникацией авторы обычно имеют в виду обмен мнениями, настроениями, желаниями⁹. Коммуникация – редуцированное общение, его абстракция, информационная часть. Общение богаче, многосторонне, сложнее коммуникативного элемента. Коммуникативный процесс, оторванный от других элементов общения, взятый сам по себе, не имеет внутреннего смысла, он не способен объяснить суть человеческих поступков, а значит, и характер человеческой культуры в конце концов, взятый лишь в аспекте ее коммуникационных связей, тоже будет не прояснен.

Общение и коммуникация – это явления, лежащие в двух плоскостях – личностного и социального взаимодействия. Наряду с формами личностного общения, как мы уже сказали, в современную эпоху давно сложились разновидности группового общения и особых технических средств, предназначенных для хранения и распространения информации. Влияние СМК на современный образ жизни, на характер образования, на все виды сознания, на культуру в целом носит глобальный характер. Эта роль СМК, в XIX–XX вв. связанная с массовизацией современного человека, породила на Западе большой поток литературы: философской, социологической, социально-психологической, культурологической и т.д. Обширный массив работ, созданный западноевропейскими исследователями, пока недостаточно глубоко и зачастую тенденциозно освещался российским обществоведением. Однако несмотря на ярко выраженную идеологическую заданность большинства публикаций в недавнем прошлом, отечественным авторам тоже удалось, на наш взгляд, далеко продвинуться в обозначенной нами теме.

Наша концепция сложилась из нескольких важных для нас посылок, одна из которых заключается в следующем. Отмечая массивность воздействия СМК на современную культуру, мы, однако, не соглашались с теми, которые, как А.Моль, утверждают, что «то, что не попало в каналы массовой коммуникации, в наше время почти не оказывает влияния на развитие общества»¹⁰. Мы не присоединяемся к позиции известного страбургского руководителя исследований СМК в силу вторичного, производного характера коммуникативных процессов (и в личностной, и в массовой модификациях), их сущностной зависимости в конечном итоге от непосредственного общения людей, которое прямо выражает бытийную экзистенциальную сторону существования человека, его социальную природу. Не в односторонних коммуникативных процессах осуществляет себя человек прежде всего, а в целостном общении. Первое не способно заме-

нить второе. Как бы пышно ни расцветали социальные формы коммуникации, они не могут удовлетворить потребность в полноценном общении. Непосредственное общение первично, а массовые формы коммуникации вторичны.

Общение – это со-бытие людей, сопричастность людей бытию и друг другу; это любовь и ненависть, верность и вероломство, преданность и подлость, смирение и гордость, связывающие и взаимоопределяющие отношения человека к человеку. Как говорил А.Августин, «любящий зажигает любовью и другого»¹¹. Коммуникация – необходимый момент общения, особенно ясно это для понимания человеческого мышления. Анализируя творчество Ф.М.Достоевского, М.М.Бахтин писал: «Человеческая мысль становится подлинною мыслью, то есть идеей, только в условиях живого контакта с чужою мыслью, воплощенной в чужом голосе, то есть в чужом выраженном в слове сознании. В точке этого контакта голов – сознаний и рождается и живет идея»¹². Но еще раз подчеркнем, что коммуникация – это лишь одна из слагаемых жизни, ее образ, – словесный, живописный, – имеющий относительную, условную ценность настолько, насколько вообще субъективный образ способен выразить ценности объективной реальности. Мы полагаем, что фундаментальность, первичность личностного общения для понимания сущности любых форм и типов коммуникативных средств носит принципиальный характер. СМК как особый тип коммуникативных систем при всей важности их роли в современной культуре выполняют служебную роль и наполняются различным содержанием.

СМК в Европе появились давно. Уже в XV в. формируется книгопечатание, которое в XVIII в. приобретает весьма оживленный характер. Даже в России с временной отменой Екатериной II цензуры возникла масса вольных типографий, наперебой печатающих сочинения Вольтера и других светских авторов. Однако вплоть до XIX, а то и XX вв. человечество, в отличие от европейских столиц, жило без газет, радио, телефона, толстых и тонких журналов и т.д. Если начинать с предпосылок СМК, то нужно заглянуть намного дальше XV в. Уже первые цивилизации, древнейшие государства оснащают себя институтами слова: школой, канцелярией, почтой, библиотекой (хранилищем текстов)¹³. Так хорошо известна организация почтового дела персидским царем Дарием в V веке до н.э. Благодаря обслуживанию почты по принципу эстафетного бега пикетами всадников, корреспонденция шла с быстротой, необычной для того времени¹⁴.

Печатная продукция известна в Европе, как мы уже сказали, с XV в. благодаря открытиям И.Гутенберга. Однако печатные книги, журналы и

даже газеты, которые появились в XV–XVII вв., еще не были средствами массовой коммуникации, так как в действительности они имели хождение среди узкого круга читателей. В XIV–XV вв. умело читать 4–5% всего населения. Темпы развития образования и одновременное ослабление власти духовенства в XVI–XVII вв. нарастают, но как пишет Ж.-П. Сартр, «аудитория писателя остается узко ограниченной»¹⁵. Только в XIX в., когда грамотность становится массовым явлением, начинается издание книг и другой печатной продукции, рассчитанной на простого (массового) читателя.

Как мы уже отметили, почта возникает вместе с формированием древнейших цивилизаций, но до XIX в. список ее пользователей был крайне ограничен. Для России эта черта является весьма характерной: вспомним, какой переполох и какую реакцию вызвало письмо, пришедшее в Обломовку. Тем не менее перемены ждали европейцев и россиян именно в XIX в. Возникшая возможность быстрой доставки почты по железной дороге вызвала реформу почтового дела. Пионером учреждения современной почты, адекватной индустриальным потребностям и возможностям, стала Англия. В результате введения марки, стандартного конверта, снижения и унификации тарифа по пересылке и т.д. почта резко модернизировала социокультурную коммуникацию. Возможности массовой коммуникации еще больше возросли с изобретением сначала телеграфа (электрического в 40-х годах XIX в., а беспроводного в начале XX в.), а затем телефона (70-е годы XIX в.) и радио (20-е годы XX в.). Нынешний век дал мировой цивилизации еще несколько мощных средств массовой коммуникации – кинематограф, телевидение и INTERNET.

Развитие СМК в XIX–XX вв. стало показателем резко изменившегося характера общественной жизни, вставшей на рельсы индустриального производства материальных благ. Последние два века придали массовидный характер материальному производству, общению людей, всем элементам общественной и даже частной жизни человека, культуре в целом. Как это показано в «Манифесте Коммунистической партии» К.Маркса и Ф.Энгельса, капитализм разрушил феодальные перегородки между условиями, ликвидировал различные формы изоляционизма (природного, экономического, политического, национального, религиозного), усилил значение демонстративности в поведении людей. Развитие транспорта, дорог, средств связи соединило миллионы людей. Промышленное развитие прежде всего ведущих государств Европы вызвало урбанизацию, то есть превращение сельского населения в городских жителей. Условия города сконцентрировали людей в большие конгломераты, расширили масштабы и частоту массового взаимодействия благодаря деловым контактам, массовым зрелищам, туризму, спорту и т.д.

Общественная и личная жизнь, общение людей до капитализма регулировались обычаями, а информация в таком традиционном обществе распространялась, если отвлечься от правительственной почты, в виде слухов, молвы, преданий, рассказов очевидцев и бывалых людей. Субъектом культуры здесь выступал весь народ, он не делился на производителей и потребителей; культурные ценности – нравственные нормы, народная педагогика и медицина, погодоведение, агрономические знания и т.д. – накапливались и функционировали за счет участия в духовной жизни всех. В традиционном обществе обычай – универсальная форма социальной регуляции. Он организует все стороны жизни и сопровождает человека от рождения до смерти. Обычай приобщает к культурному и социальному опыту, регламентирует поведение индивида и различных социальных общностей. Он сплачивает людей и освящает их социальные отношения¹⁶.

Европейское общество в Новое время развивалось под знаменем мятежа против обычаев и традиций прошлого. Так, Р.Декарт утверждал: «Я научился не придавать особой веры тому, что мне было внушено только посредством примера и обычая»¹⁷. Т. Гоббс писал: «Если бы даже во всех местах земного шара люди строили свои дома на песке, то из этого нельзя было сделать вывод, что так именно и следует строить»¹⁸. Новоевропейский рационализм разрушал традиции и обычаи прежних эпох. Творцы новой философской парадигмы подвергали сомнению любую веру, любое мнение, любой обычай, поскольку они верили, что сил разума, которыми наделены все люди от рождения, достаточно для познания истины и выработки собственных принципов поведения. Рационалист не ищет образцов для подражания в прошлом, он хочет всеми своими знаниями и поведением быть обязанным лишь самому себе.

Эпоха становления капитализма в странах Европы в середине XIX в. получила классическую характеристику в «Манифесте Коммунистической партии». К.Маркс и Ф.Энгельс отметили, что прежде всего буржуазия вырвала национальную почву из-под ног промышленности. «Дешевые цены ее товаров – вот та тяжелая артиллерия, с помощью которой она разрушает все китайские стены», разделявшие народы многие сотни и тысячи лет¹⁹. Тотальность этого влияния индустрии заключалась в том, что ее преимущества – качество машинной выделки, практичность, дешевизна – быстро распространились на все продукты деятельности человека, в том числе и на его духовную жизнь. Именно здесь в буржуазном обществе приходят к определенному завершению глубинные процессы духовной жизни, которые мы выразили в трех положениях.

Во-первых, технические возможности новоевропейского общества позволяют придать духовной жизни ярко выраженный характер обществен-

ного производства, а не только личностного существования. Это хорошо заметно на процессе перехода от письменного способа коммуникации к печатному. Печатный станок как раз и есть выразительный символ такого духовного производства, обособившегося от частной жизни философа, ученого, поэта, монаха. Вдруг обнаружилось, что «не продается вдохновение, но можно рукопись продать». Духовное творчество приобретает черты экономической категории. В экономическом плане производство предполагает потребление, на пути к которому вырастают и другие элементы производственного цикла: хранение, транспортировка, распределение, продажа. Один элемент тянет за собой и все остальные. Пушкинский книгопродавец произносит:

Что ж медлить? уж ко мне заходят
Нетерпеливые чтецы;
Вкрут лавки журналисты бродят,
За ними толпы певцы...

Во-вторых, духовное производство в условиях капитализма в экономическом и юридическом смыслах окончательно отрывается от стихии народной жизни. Анонимность образцов духовной жизни народа, творчество безвестных служителей монастырских скрипториев уходят в прошлое. Им на смену водворяется институт авторства, четко регламентирующий права и обязанности писателя, поэта, художника, архитектора, ученого и т.д. Деятельность автора институционализируется и становится законным элементом в ряду других сторон духовного производства. Авторская мысль, напечатанная в книге, за которой стоят разнообразные институты печатного слова, приобретает огромный авторитет в обществе. Как замечают В.Ю.Борев и А.В.Коваленко, печатная информация вызывает значительно большее доверие, чем та, которая исходит от индивида в устном или письменном способе ее распространения. Мнение автора подкреплялось надиндивидуальной силой институтов печати, включающих в себя издателя, редактора, наборщиков типографий, корректора, цензора²⁰. По сути дела, за любой книгой, изданной типографским способом, стоит авторитет государства, легализовавшего процесс производства, распространения и потребления книжной продукции.

В-третьих, духовное творчество приобретает черты всеобщности. Как писали в прошлом веке классики марксизма, «плоды духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся все более и более невозможными, и из множества национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература»²¹. К.Маркс и Ф.Энгельс считали, что

причина победы всемирного начала культуры над национальной носит прогрессивный и окончательный характер, и она коренится в экономических свойствах любого товара, в том числе и духовного. Нам не представляется бесспорным это положение, но об этом мы скажем в другом месте.

Наша характеристика современной культуры в условиях бурного развития СМК будет неполной, если мы не обратим внимание еще на один формирующийся элемент общественной жизни. Оригинальное событие новейшей истории Европы XIX в. – явление публики. Формирование этого нового социокультурного слоя общества настолько изменило картину социума, что все сколько-нибудь известные философские системы стали утверждать себя в ученом мире, в глазах общественности, давая различные объяснения сущности этой социальной структуры, выдумывая рецепты ее укрощения, пытаясь предугадать ее развитие в будущем, вырабатывая отношение к ней в настоящем. К.Маркс, Ф.Ницше, З.Фрейд – эти величайшие умы последних двух веков совершенно по-разному понимали сущность человека, движущие силы истории и поведения индивида, но все их мысли были сосредоточены на проблемах существования человека как представителя массы, класса, толпы, публики.

Публика – основной массовидный субъект политической и культурной жизни буржуазного общества. Это особая часть социума, читающая книги и газеты, следящая за новинками театра и кино, посещающая выставочные и концертные залы, откликающаяся на очередные культурные и политические события. Благодаря непосредственному участию в потреблении продуктов духовного производства публика стимулирует творчество авторов, связывает творцов культуры с остальной частью общества.

Исторически случилось так, что ядром публики в Европе оказалась читающая публика. Организующее начало в формировании читающей публики в России в первой трети XIX в. принадлежало столичным литературным журналам, благодаря которым литераторы держали речь перед всем обществом. Благодаря журналистике они становились национальными просветителями, сеятелями разумного, доброго, вечного. В становлении русской классической литературы в XIX в., с одной стороны, и читающей публики, с другой, особую благотворную миссию выполнили литературные критики: прежде всего В.Г.Белинский, потом А.В.Дружинин, позднее А.А.Григорьев, Н.Г.Чернышевский, Н.А.Добролюбов, Д.И.Писарев, Н.К.Михайловский.

Возникновение публики означает расслоение единой народной культуры, фундаментом которой являются обычаи и верования данного этноса,

его язык. Начиная с 40-х годов XIX в. образованная часть российского общества (публика) становится все более зависимой от культурной информации, идущей из Западной Европы. Явление становится заметным, и вот в 1857 г. в газете «Молва» появляется статья К.С.Аксакова «Опыт синонимов. Публика – народ». Как утверждал автор статьи, «публика и составляет нашу постоянную связь с Западом: выписывает оттуда всякие, и материальные и духовные наряды, преклоняется перед ним, как перед учителем, занимает у него мысли и чувства, платя за это огромною ценою: временем, связью с народом и самою истиною мысли»²². Далее автор продолжает так: «Публика подражает и не имеет самостоятельности: все, что принимает она, чужое, – принимает она наружно, становясь всякий раз сама чужою. Народ не подражает и совершенно самостоятелен: а если что примет чужое, то сделает это своим, усвоит»²³. А заканчивает К.С.Аксаков следующими афористическими мыслями: «У публики парижские моды. У народа – свои русские обычаи. Публика у нас – почтеннейшая, а народ – православный»²⁴. Статья замечательна ясным, кратко, но сильно выраженным пониманием свершившегося факта расслоения российского общества на две социокультурные категории, укладывающиеся в схему из нескольких оппозиционных качеств публики и народа. Нам еще предстоит сделать анализ сознания публики и народа, и мы еще воспользуемся выводами К.С.Аксакова. То, что он увидел действительную тенденцию тогдашней культурной жизни России, доказывается еще одним документом эпохи – незаконченным трактатом Ф.И.Тютчева «Россия и Запад»²⁵. Из всех идей, нашедших место в работе гениального русского поэта, мы обратим внимание читателя на две.

Взор Ф.И.Тютчева здесь обращен к современной западноевропейской цивилизации, в которой он констатирует как сторонний наблюдатель, во-первых, разрушение цельности общества и его народной основы, его верований и интересов. А во-вторых, на взгляд автора трактата, в этом обществе голос народа подавляется силой общественного мнения, выражающего интересы публики. «Странная, кстати сказать, вещь, эта часть общества – публика, – замечает Ф.И.Тютчев, – именно это меньшинство западного общества (по крайней мере, на континенте) ... порвало с исторической жизнью масс и отрешилось от всех положительных верований»²⁶. В период работы над трактатом «Россия и Запад», а это середина XIX в., автору хватает зоркости лишь на то, чтобы увидеть социокультурное расслоение западноевропейского социума – Россия же воспринимается им по-прежнему как единое культурное целое.

Любопытно и то эскизное, но глубоко проникающее представление, которое Ф.И.Тютчев составляет о природе общественного мнения, втяги-

вающего в поле своего тяготения публику с помощью периодической печати. «Для нас, смотрящих со стороны, конечно же, нет ничего легче, чем отличить в Западной Европе мир фактов, исторических реальностей от необъятного и устойчивого миража, в котором революционное общественное мнение, вооруженное периодической печатью, видит и прибежище, и реальность. Именно в этом мираже живет и движется, как в своей естественной стихии, вот уже 30–40 лет сила столь же фантастическая, сколь и реальная, сила, которая называется общественным мнением»²⁷. Итак, общественное мнение, по мысли Ф.И. Тютчева, – это мираж, призрак, что-то искусственное и временное, но по степени влияния на людей оно должно рассматриваться как вполне реальный и могучий фактор современности, с которым нельзя не считаться тем более, что его воздействие носит вполне определенно враждебный антинародный характер.

Развитие современных промышленных технологий гипертрофировало массовый тип социокультурной коммуникации, выдвинуло его на первый план. Отчуждая коммуникативный аспект общения от процесса межличностных отношений индивида, СМК коренным образом изменили лик современной культуры, они превратили большую часть ее содержания в совокупность символов и знаков, овеществили ее. Быт, семейное воспитание, систематическое школьное образование, удовлетворение потребностей в наслаждении искусством, научное творчество, религиозная жизнь – все это осуществляется при мощном влиянии СМК. Все чаще сам собой возникает вопрос: улучшили ли СМК возможности и глубину межличностного общения, сделалась ли дружба между людьми чище, а любовь крепче? Сегодня не нужно обладать экзальтированностью Ж.-Ж.Руссо, чтобы почувствовать проблемность подобных вопросов.

Анализ отдельных феноменов культуры показывает, что они всегда включают в себя коммуникативный аспект. Как писал В.С.Библер, «каждое человеческое действие всегда адресовано, каждый предмет труда кому-то «сказан»²⁸. При ближайшем рассмотрении эта черта коммуникативности предстает не броуновским, а правильным, организованным движением, элементами коммуникативных циклов, относительно замкнутых контуров, по которым движутся культурные сообщения. Начало этих цепочек культурологи связывают с деятельностью творческой элиты – учеными, философами, писателями, художниками, режиссерами и т.д. СМК в этих циклах оказываются «огромной машиной», «насосом», «гигантским вихрем» и т.д., то есть таким устройством, механизмом которого духовная продукция творческой интеллигенции доставляется потребителям – читателям, слушателям, зрителям, а их реакция, в свою очередь, служит как бы отправной точкой для осуществления следующего социокультур-

ного круга. Так, А.Моль утверждает, что основное понятие социодинамики культуры – это «понятие о цикле взаимодействия между создателем и потребителем культуры»²⁹.

Мы рассмотрели некоторые аспекты развития социокультурной коммуникации в истории европейской культуры. Этот небольшой экскурс в историю вопроса дал нам первоначальное представление о тех коммуникативных формах, которые выступают надстройкой на фундаменте непосредственного человеческого общения и так разнообразят и усложняют жизнь современного человека. Общий взгляд на историю вопроса мы хотим дополнить специальным, сосредоточив внимание на важнейших понятиях, выражающих суть социокультурной коммуникации и давая возможность читателю познакомиться с различными трактовками этих понятий.

Глава 2 **ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

ДУХОВНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Еще в начале 80-х годов круг вопросов, связанных с понятием «духовное производство» представлялся авторам коллективной монографии «Духовное производство» наименее разработанной в литературе стороной «сложной и многогранной темы духовной деятельности»³⁰. Между тем этот термин не только фигурировал во многих работах классиков марксизма, но и занимал важное место в их философской доктрине. Давая обобщенную характеристику понятия «духовное производство» в философии К.Маркса, можно отметить следующие его аспекты. Во-первых, понятие духовного производства служило законченному выражению материалистического понимания истории, согласно которому материальное производство выступает базисом, а духовное производство надстройкой.

Во-вторых, понятие духовного производства помогало построить модель исторического развития и функционирования общества, рассмотренную через призму его классовой структуры и борьбы классов. Существование духовного производства, с точки зрения К.Маркса, было оправдано интересами господствующего класса. С помощью духовного производства идеи господствующего класса становились господствующими идеями. Продуктом духовного производства выступала идеология, а тружениками этого производства – «литературные представители» класса эксплуататоров. «Литературные представители» господствующего класса, вообще работники так называемого «чистого» сознания рационализи-

руют, обобщают, стилизуют, артикулируют, ценностно ориентируют формы обыденного сознания, получая в конце концов некий законченный продукт, предлагаемый трудящейся массе в качестве духовной пищи.

Как показывает развитие общественной мысли и за рубежом, и в России, понятие духовного производства обладает значительным запасом конструктивности, несмотря на вполне определенные идеологические причины его появления. Понятие духовного производства было удержано в поле внимания европейских мыслителей либо в терминологической форме, тождественной К.Марксу (так, М.Хоркхаймер и Т.В.Адорно используют выражения «духовное производство», «надстройка», хотя чаще «культуриндустрия»), либо в других терминах, по смыслу совпадающих с марксистским понятием духовного производства. Так, в работах Й.Хейзинги фигурирует термин «аппарат культуры», у Ф.Махлупа «сфера производства и распространения знания». А.Моль использует термин Г.Башляра «логосфера», ядром которой выступает СМК.

В-третьих, следует подчеркнуть, что для К.Маркса идеология, которую он рассматривал как элемент социального верха, была формой отчужденного сознания, не имеющей никаких исторических перспектив и достойной гибели в пучине пролетарской революции. Заметим, что В.И.Ленин, разделив в своей доктрине идеологию на научную и ненаучную (на пролетарскую и буржуазную), реабилитировал тем самым понятие духовного производства. Советские философы писали об исторических этапах развития и типах духовного производства, связывая и то, и другое с формационной моделью общества (т.е. с господствующим типом общественно-экономической формации)³¹.

Зарубежные авторы, пишущие на эту тему в нынешнем, XX в., прежде всего признают историческую необходимость в формировании сферы духовного производства, ее институционализированный характер. Они отмечают индустриальные черты духовного производства, решающую роль в его формировании технических средств вообще и средств массовой коммуникации в частности. Формирование духовного производства, впитавшего в себя все технические достижения первых десятилетий XX в., означает несомненный прогресс в образе жизни европейского обывателя. Так, Й.Хейзинга пишет: «Средний житель в странах Запада сегодня информирован обо всем понемногу. Рядом с завтраком на столе у него лежит утренняя газета, и достаточно протянуть руку, чтобы включить радиоприемник. Вечером его ждет синематограф, карточная игра или компания, и это после того, как он целый день провел в конторе или на заводе, ничему существенному его не научивших»³². Это картина духовной жизни горожанина конца 30-х годов XX в.

М.Хоркхаймер и Т.В.Адорно обращают внимание на тотальность духовного производства, на его способность обуславливать движение чувств и мыслей человека круглые сутки вокруг некоторых идей единой культуры, пронизывающих все поры общества³³. Духовное производство концентрируется не только в научных центрах, оно занимает законное место в издательствах, редакциях газет, в системе образования, настойчиво заявляет о себе в управленческих структурах фирм, в рекламных агентствах, в церковных организациях, спортивных и зрелищных учреждениях и т.д. Так, американский экономист Ф.Махлуп не только находит разнообразных и многочисленных субъектов производства знаний в США, но и подсчитывает экономические параметры этой деятельности³⁴. Таким образом, становится очевидным, что духовное производство, как и материальное, подчиняется экономическим законам капиталистического производства. «Зависимость даже самых мощных радиостанций от электродустирии, – читаем мы в «Диалектике Просвещения», – или зависимость кинопроизводства от банков характеризуют всю данную сферу в целом, отдельные отрасли которой, в свою очередь, переплетены между собой в экономическом отношении»³⁵. Об этом авторы писали в 1947г., мы отношение зависимости кинематографа (и других видов искусств) от банков видим в России сегодня. В советской философской литературе связь духовного производства с экономикой страны прежде всего виделась во вкладе науки в развитие новых промышленных технологий.

Несомненно, что духовное производство связано не только с экономикой, но оказывает более широкое влияние на жизнь общества, что дало о себе знать в важнейших социальных новациях европейского общества во второй половине XIX в. Речь идет об утверждении в жизни социума форм массового поведения, массового сознания и таких общностей, как толпа и публика. Толпы были всегда. К примеру, о массовых экстатических движениях средневековья нередко упоминают медиевисты³⁶. Публика в Европе «выделилась более ясно только при Людовике XIV»³⁷, то есть в XVII в., но только во второй половине XIX в. возникают концепции массового общества, обязанные творчеству Ф.Ницше, Г.Тарда, Г.Лебона. Так, Ф.Ницше и Г.Лебон разделили общество на массу и элиту и приписали массе разрушительную роль в историческом культурном процессе. Г.Лебон прямо предсказывал наступление «эры масс» и связанный с этим упадок цивилизации. «Массы представляются мне, – говорил Ф.Ницше, – достойными внимания только в трех отношениях: прежде всего, как плохие копии великих людей, изготовленные на плохой бумаге со стертых негативов, затем как противодействие великим людям и наконец как орудие великих людей; в остальном же поberi их черт и статистика!»³⁸

Усилиями философов и социальных психологов конца XIX в. была создана доктрина «массового общества», которая получила дальнейшее развитие в XX в. в трудах Р.Миллса, Э.Фромма и др. Согласно доктрине «массового общества», в современном социуме обнаруживаются следующие черты:

1. Формируется особая нивелированная личность. Типичная фигура массового общества – потребитель, приспособленец (конформист), готовый отдать свою свободу любому лидеру, любой власти.

2. Для этого общества характерно разрушение традиционных ценностей. Происходит неуклонная вульгаризация культурных стандартов. Так возникает массовое искусство. Поведение человека в обществе дезориентируется (аномия), отсюда в массовом масштабе возникают формы отклоняющегося поведения (преступность, алкоголизм, проституция).

3. В современном обществе на поверхности заявляет о себе власть демократии, т.е. власть неквалифицированного большинства, а в действительности идет процесс манипуляции господствующей элитой мнением большинства.

При всей спорности доктрины «массового общества» несомненно одно: в XIX–XX вв. в странах Европы (и в России в том числе) происходит переход от культуры традиционного общества к массовой культуре. Доктрина «массового общества» фиксирует слом традиционной культуры и существенно дополняет представление о духовном производстве в современном буржуазном обществе³⁹. Общественная жизнь до капитализма регулировалась обычаями, а информация в таком традиционном обществе распространялась в основном устно: в виде слухов, молвы, преданий, рассказов очевидцев. Субъектом культуры здесь выступал весь народ, он не делился на производителей и потребителей, культурные ценности создавались и существовали за счет участия в творчестве всех. В XIX в. от обычая как формы регуляции общественной жизни общество переходит к моде, субъектом которой может выступать только грамотная, по-городскому живущая часть социума, то есть публика.

Сфера действия моды как элемента духовного производства универсальна: она охватывает собой политику, экономику, искусство, формы досуговой деятельности, быта. Мода – это способ закрепления новой социальной информации, новых имиджей, которые появляются и на короткое время становятся господствующими в сознании людей. Львиная доля в распространении социокультурной информации принадлежит СМК. Уже давно СМК превратили большинство людей земного шара в публику, которая знает все, что происходит в мире, а значит, каждый из них не

способен сделать тайны из собственного существования – «слышен каждый скрип в сочленениях», как выражается Й.Хейзинга⁴⁰.

Духовное производство, как мы уже сказали, большую часть общества устранило от активного участия в культурном процессе. Танцуют, поют, пишут, рисуют, соревнуются, ставят рекорды редкие профессионалы, остальные довольствуются тем, что смотрят, слушают, читают. Доля пассивного наблюдателя сдвигается установкой духовного производства на удовлетворение потребностей публики в наслаждении. Духовное производство ищет и находит возможности компенсировать пассивность зрителя иллюзией, что созерцание – это и есть высшее удовольствие и счастье. Легкие, развлекательные жанры в СМК завоевывают высшие рейтинги публики. Происходит заметное ослабление потребности в систематическом, глубоком мышлении среднего индивида. Он «все реже и реже оказывается в условиях, где от него требуется собственное мышление и самопроявление»⁴¹, утверждает Й.Хейзинга. «Радио и телевидение большей частью производят массовые развлечения для людей, не желающих напрягать свой ум», – вторит Ф.Махлуп⁴². Уже Ф.Ницше жаловался, что современный ему уровень научного знания совсем не по плечу большинству студентов. «Журналист», бумажный раб дня, во всех сферах образования одержал победу над профессором, утверждал философ, и последнему остается лишь обычная теперь метаморфоза – самому писать в манере журналиста и порхать со свойственным этой сфере «легким изяществом» в качестве веселого и образованного мотылька»⁴³. Эту же мысль уже в нынешнем XX в. выразил А.Моля. Он сказал, что современный человек, получая образовательные импульсы не от системы образования, а от СМК, остается на поверхности явлений и не прилагает умственных усилий для систематического и критического усвоения необходимого объема знаний⁴⁴.

Несколько слов уделим соотношению духовного производства и духовной жизни общества, духовного производства и СМК. С точки зрения А.Моля, духовное производство сегодня практически тождественно деятельности СМК, и новое знание возникает как культурно значимое явление, которое становится известным обществу, по преимуществу там. Он пишет: «В наше время знания формируются в основном не системой образования, а средствами массовой коммуникации»⁴⁵. В рамках советского обществоведения была выработана позиция, по которой духовное производство связывалось с функционированием институтов духовного производства. С точки зрения Л.Н.Когана и Ю.Р.Вишневого, одна часть институтов духовного производства специально предназначена только для производства духовной продукции (киностудии, творческие союзы, науч-

но-исследовательские институты и т.д.), другая – преследует только цель распространения духовной культуры (кинематографы, лектории, концертные бюро и т.д.) и третья – объединяет синтетические учреждения, занятые и производством, и распространением (распределением) культуры (радио, телевидение, театры, филармонии, кафедры вузов и т.д.)⁴⁶.

Исходя из этих посылок – отождествления духовного производства с работой СМК или с деятельностью учреждений культуры – духовная жизнь рисовалась как следствие процесса институционализированного производства образцов культуры, их копирования, распространения и потребления. При этом основным субъектом духовной жизни оказываются профессионалы – работники СМК или учреждений культуры. «Неоспоримо, – писал Б.Д.Яковлев, – что значительная часть продуктов духовного производства, заслуживающих распространения в обществе, создается сравнительно небольшим числом людей»⁴⁷. Для СССР начала 80-х годов Б.Д.Яковлев считал характерной величиной 0,6% населения.

Однако не все разделяли эту точку зрения, было и понимание того, что духовная жизнь не замыкается в узких рамках духовного производства, что она является элементом повседневной жизни людей, их общения, мышления, игрой фантазии и т.д. Такой тезис отстаивали Н.В.Мотрошилова, В.М.Межуев и многие другие авторы⁴⁸. В.М.Межуев напоминает читателям, что следует проводить различие между «стихийно-массовым, обыденным сознанием рядовых членов общества, которое формируется ими, так сказать, без отрыва от материального производства, и тем сознанием, которое специально вырабатывается (хотя и на основе массового сознания) духовными агентами общества»⁴⁹. Тут автор приходит к принципиальному положению, что производство сознания, культурных ценностей происходит не только в сфере специализированного духовного производства. Таким образом, им создается схема двух типов духовного производства: первичный, т.е. стихийное производство сознания, и вторичный – идеологизированный тип духовного производства. Заметим, что предпочтение отдается последнему типу – идеологическому. Широкий взгляд на процессы духовной жизни общества еще не означает, что авторы видят противоречивость, проблемный характер соотношения стихийного и идеологического начал в духовной жизни общества. Как нечто само собой разумеющееся считается, что общественный, институционализированный, осознанный характер духовного производства создает безусловное превосходство над стихийными, приватными, случайными формами духовной жизни отдельных членов общества. Думается, что не следует принимать решения, кажущиеся верными, за истинные без достаточных на то оснований. Для нас вопрос о соотношении идеологического

и стихийного процессов в духовной жизни общества является принципиальным, и мы решимся на выводы, лишь проделав аксиологический анализ всей социокультурной динамики в обществе.

Заслуживает внимания подход Ф.Махлупа, который состоит в том, что он раздвинул рамки духовного производства, демократично включив в него все сколько-нибудь подходящие по характеру процессы, которые имеют отношение к производству знания любого типа – теоретического, практического, религиозного и развлекательного. Он как истинный экономист инвентаризировал все: работу университетских кафедр, деятельность ФБР, съезды различных ассоциаций, военную муштру новобранцев в армии, соревнования по бейсболу, обучение детей в семье, беседу врача с пациентом, усилия рекламного агентства в поисках новых способов очарования покупателей и т.д.

В сущности, это совершенно верный взгляд на сферу производства и распространения знаний: она охватывает все общество. Возьмем в качестве типичного элемента духовного производства образовательную деятельность. Конечно, образовательный процесс протекает в школе – начальной, средней, высшей, – но не только там. И дело не только в том, что сегодня процессы образования испытывают мощное влияние со стороны СМК. Обучением и воспитанием занимаются родители, ясли, детский сад. Л.Н.Толстой, побывав во Франции, всерьез писал об образовательной функции кафе⁵⁰. В его «Войне и мире» отчетливо показана образовательная функция салонов, широко распространенных в европейской культуре XVIII–XIX вв. Л.Н.Толстой описал салон А.П.Шерер, М.Пруст в начале XX в. изобразил салон госпожи Вердюрен. Каждый салон располагал своими «профессорами»: П.А.Вяземский называет Чаадаева «преподавателем с подвижной кафедры, которую он переносил из салона в салон»⁵¹. Значительную долю в индивидуальном образовании представителей обеспеченных классов еще в прошлом веке занимали путешествия. Если мы еще глубже заглянем в историю, то обнаружим, что многие столетия ведущим образовательным учреждением общества выступала церковь. Само возникновение слов «образование», «образованный человек» указывает на религиозное их происхождение, на библейское понимание человека как «образа и подобия Божия»⁵². Воспитанием людей и в далеком прошлом, и в настоящее время занималась пенитенциарная система. Кладбище как публичный форум является местом культурной (образовательной) деятельности, имеющей дело не с покойниками, но с живыми людьми. За кладбищем закреплены формы духовного воздействия на человека – традиции, обычаи, которые способны поднимать его над обычной повседневностью, воспитывать и облагораживать его внутренний мир.

Можно продолжить наш перечень институтов, учреждений, форм человеческой деятельности, социальных сфер, имеющих прямое отношение к процессу образования людей. Однако важно другое: мы хотим сказать, что это разнообразие форм жизни ценно с образовательной точки зрения лишь возможностью встречи ученика с учителем: Перикла с Анаксагором, Платона с Сократом, Посидия Каламского с Аврелием Августином, Андрея Рублева с Феофаном Греком, Петра Капицы с Эрнестом Резерфордом.

СУБЪЕКТ ДУХОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Внимание к духовной жизни общества и ее различным субъектам характерно для европейской философской мысли на всем протяжении ее истории. И всегда львиная доля этого внимания доставалась либо философам, либо богословам, либо ученым. Французским просветителям XVIII в., стоящим на пороге возникающего в Европе массового общества, культурная жизнь представлялась в виде своеобразной пирамиды. Ее вершина принадлежала философам, вырабатывающим научное знание; середина – образованным людям, создающим общественное мнение; основание занимала народная масса, волнуемая суеверными страхами, наивными надеждами, защищающаяся от многочисленных предрассудков силами своего общественного разума⁵³. Цель прогресса, основу которого французские просветители видели в разуме, научном познании, технике и промышленности, состояла в достижении равенства между людьми, устранении барьеров между культурными слоями общества⁵⁴.

Заметим, что мечты о будущем равенстве всех членов общества как субъектов культуры у французских просветителей сочетались с признанием факта культурного расслоения и приоритета теоретической деятельности философов над всеми остальными людьми. Устранению культурного неравенства должно служить образование, организованное так, чтобы наконец преодолеть многочисленные предрассудки, гнездящиеся на всех этажах культурной пирамиды – и в умах философов, и в сознании образованных людей, и, тем более, в мнениях народа. С точки зрения французских просветителей, образование, осуществлявшееся в прошлом, было фактическим обманом и лицемерием, так как его целью со стороны бывших учителей было не просвещение, а господство. Образование было двойным – для социального верха одним, для социального низа другим. Такого рода образовательная система, которая фактически развращала и притупляла умы людей, существовала в угоду церкви и деспотического государственного правления.

Признав философов (ученых, писателей) ответственными за характер системы общественного образования, французские просветители предвосхищали то понимание идеологии, которое с легкой руки Дестюта де Траси закрепилось в XIX в. и было развито в учении К.Маркса и Ф.Энгельса. Ответственными за состояние общественного сознания, за развитие науки, философии, искусства и за распространение всякой новой культурной информации в обществе оказывались, согласно учению об идеологии, представители интеллигенции. Они могли использовать свои таланты во благо общественного прогресса, но могли служить реакционным силам, сторону которых, с точки зрения К.Маркса, составляли эксплуататорские классы и церковь.

Центральным пунктом в отношении к субъектам духовной деятельности всегда оказывалось их место в системе производства ценностей культуры. Ученые, поэты, художники, музыканты, писатели, драматурги и режиссеры имели как бы неоспоримое право называться творцами духовных ценностей и тем самым занимать культурный верх в обществе, входить в круг духовной элиты. Таким образом, XIX в. выделил интеллигенцию и противопоставил ее остальному обществу в творческом и идеологическом отношениях. Осуждая ее за склонность продавать себя и украшать благоухающими цветами цепи социального рабства, мыслители прошлого века никогда не ставили под сомнение творческие способности интеллигенции. Так что, когда в XX в. понятие духовного производства обрело полноценные права гражданства в обществоведческой литературе, то в качестве его субъекта тут же была названа интеллигенция (иногда с уточняющим эпитетом «творческая»). Известные исследователи закономерностей советской культуры писали: «Развитие духовного производства как самостоятельной отрасли производственной деятельности людей вызывает к жизни особый отряд людей, профессионально занятых духовным производством. Во всех экономически развитых странах эти люди составляют значительную часть интеллигенции. Именно они в первую очередь осуществляют духовное производство, уровень которого в значительной мере зависит от количества и квалификации таких людей»⁵⁵.

И в плане духовного производства вообще, и в смысле созидания идеологии в частности интеллигент противостоит обществу, народу, публике, трудящейся массе как производитель духовных ценностей – потребителям, как учитель – ученикам, герой – толпе и т.д. Качества интеллигента являются оппозиционными в отношении своих контрагентов. Его индивидуальность противоположна массовидности и анонимности публики, его способность к творчеству – ее развитой установке на потребление,

рефлексивность – наивности, владение теорией – погружению в сферу практических интересов и т.д.

Развитие СМК в XX в. обнаружило ограниченность и упрощенность изображенной нами модели духовного производства. Во-первых, появление СМК сделало выразительным коммуникативный элемент в системе духовного производства. За счет опосредования, удлинения пути движения мысли, художественного образа от автора к публике коммуникативный элемент культурной жизни людей приобрел самостоятельность. Выделившаяся в качестве особой деятельности коммуникативная сторона общения постепенно приобрела институциональный характер, технизировалась, оснастилась аппаратом профессионалов, дифференцировалась на отдельные подсистемы. Так, например, уже известный нам Ф. Махлуп, выделяет несколько типов передатчиков знания: переносчик, преобразователь, переработчик, переводчик, аналитик⁵⁶. Вместо старой патриархальной схемы передачи знаний, навыков и умений в непосредственном общении ученого или художника, которые были по совместительству и учителями, с учениками (потенциальными учеными или художниками)⁵⁷, возникла новая, где между читателем и писателем вклинивается целый ряд, состоящий, с одной стороны, из учителей и преподавателей разных дисциплин, создающих саму возможность чтения и понимания текста, а с другой, из редактора, издателя, художника-оформителя и иллюстратора, критика, библиотекаря и т.д. К тому же мы еще обязаны не забывать работников, создающих рекламу тех или иных произведений на телевидении, радио и других средствах массовой коммуникации. Сегодня писателю гораздо сложнее, чем в прошлые эпохи, ответить на вопрос, каким читателем будет востребован его труд.

Деятельность СМК заставила пересмотреть роль связывающего звена между «творцами» и потребляющей публикой. Значение слоя образованных людей, делающих доступными и понятными образцы культуры, созданные в сфере «чистого» сознания, неизмеримо выросло. Оно увеличилось настолько, что нередко посредники стали заслонять собой фигуру «аристократа духа», этот промежуточный культурный слой породил сомнение в необходимости затворника, живущего в «башне из слоновой кости». «Журналист победил профессора».

Сегодня интеллектуальная деятельность приобрела массовый характер и стала отливаться в формы культурной индустрии с ее потоком, шаблоном, ширпотребным качеством. Используя острую мысль одного из персонажей О. Уайльда, скажем, что патент на бессмертие теперь можно было получить благодаря грошовым газетам. Они стали «аккушерами» общественного мнения, помогающие ему явиться на свет Бо-

жий⁵⁸. Как это ни парадоксально звучит, но именно СМК, так успешно управляющие общественным мнением, обнаружили, что массы не являются «чистой доской», которая предназначена служить предметом образовательных усилий «аристократов духа». Оказалось, что масса мыслит и мыслит не так, как это делают «учителя человечества». СМК стали при-способливаться к этим своеобразным ходам мысли массы, к ее логике не с тем, чтобы направить ее на путь истины, освободить от пагубных пред-рассудков, а чтобы манипулировать ею⁵⁹.

Одна из гипотез нашего исследования заключается в том, что трудяща-яся масса – не только объект образовательных, идеологических, манипу-лятивных усилий творческой интеллигенции или работников СМК, но и субъект духовной жизни, оказывающий мощное идейное влияние на об-щество. Кроме того, можно предположить, что трудящаяся масса не явля-ется чем-то недифференцированным и однородным образованием. Важ-нейшими ее категориями является публика и народ, которые живут до определенной степени по разным духовным, культурным, социально-пси-хологическим закономерностям.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК КРУГОВОРОТ ИНФОРМАЦИИ

Основная мысль книги «Социодинамика культуры», как об этом пишет сам автор, – это «представление о социокультурном цикле, то есть о цик-лическом процессе распространения идей, который усиливается средства-ми массовой коммуникации, благодаря чему идеи постепенно становятся общеизвестными и в конце концов служат материалом для дальнейшего творчества»⁶⁰. Сам феномен социокультурной коммуникации обратил на себя внимание давно – задолго до появления радио, кино и телевидения. В России заимствование культурных образцов и их усвоение как пробле-ма были осознаны в 40-х годах XIX в. западниками и славянофилами, хотя надо заметить, что уже в XVIII в. Е.Р.Дашкова и другие интеллектуа-лы той эпохи обсуждали деятельность Петра Великого под углом зрения той же проблемы. «Всякое творение человека или народа, – писал А.С.Хомяков, – передается другому человеку или другому народу не как простое механи-ческое орудие, но как оболочка мысли, как мысль, вызывающая новую дея-тельность на пользу или вред, на добро или зло. И часто самый здоровый организм не скоро перерабатывает свои новые умственные приобретения»⁶¹.

Проблемы коммуникации и рецепции, передачи и усвоения культур-ных образцов по вертикали и горизонтали, усвоения культурного наслед-ства прошлого и восприятия ценностей, создаваемых в иной (этнической,

национальной, социальной) современной среде стали волновать советских философов с начала 70-х годов⁶². Сегодня идея о механизме передачи культурных образцов по вертикали получает подтверждение и развитие в понятии культурно-коммуникативной системы, «которое, – на взгляд В.Ю.Борева и А.В.Коваленко, – характеризует комплекс средств, способов и форм накопления, фиксации, трансляции и распространения культурного арсенала, осуществляет механизм функционирования социальной (внегенетической) памяти человечества»⁶³.

Горизонтальная социокультурная коммуникация имела место уже в древних цивилизациях. Эти процессы были связаны с распространением религиозных взглядов и культов. Согласно распространенному тезису, все мировые религии родились на Востоке и лишь по мере своего созревания двигались на Запад. Известно, что, к примеру, эллинистические государства и Римская империя поощряли распространение в их странах восточных культов,⁶⁴ но такой прием нельзя считать повсеместным. Диффузия культур наблюдалась в средневековой Европе. М.А.Барг пишет о XII в. как великой культурно-исторической реторте, в которой происходило усвоение, адаптивное мышление материала языческой древности, элементов арабской образованности, т.е. такого материала, который по роду своей духовности был чужд христианству⁶⁵. Крестовые походы следует рассматривать своеобразной формой общения Запада с Востоком⁶⁶.

Несмотря на то, что отдельные факты социокультурной коммуникации были известны давно, устойчивый интерес к ней связан с теоретическими и практическими проблемами развития духовного производства. Любое производство не только предполагает потребление, но предусматривает и доставку продукта потребления предполагаемому потребителю. Таким образом, коммуникативные процессы как бы логически следуют не столько из законов общения, сколько из закономерностей связи производства и потребления. Хотя, как мы уже успели сказать, глубинной основой коммуникативных процессов в обществе выступает изначальная человеческая интенция авторов художественных или научных произведений (вообще любых творческих индивидуальностей) поделиться с другими людьми своими мыслями чувствами и желаниями. Это и есть духовные основы социокультурной коммуникации. На поверхности мы видим эмпирию культурной жизни: работу авторов над рукописью, ее прохождение по кабинетам редакций и издательств, рекламу нового произведения в прессе, поиск читателя своей книги, ожидание любимой передачи по телевидению или выхода новой киноленты известного режиссера. В глубине этих явлений, как кажется, не отличающихся от других форм реализации товарно-денежных отношений в современном капиталисти-

ческом обществе, лежит метафизика общения человека, постоянно испытывающего потребность в духовном единении с другими людьми. Истина эта, как говорил Л.Н.Толстой, подтверждается всем ходом развития цивилизации: установлением путей сообщения, телеграфов, телефонов, развитием печати и т.д.⁶⁷

СМК наглядно демонстрируют усовершенствование способов поставки духовной продукции потребителю и возможности максимального упрощения процесса ее потребления. Однако на потребителе не заканчивается коммуникативный процесс: движение культурной информации от автора к публике – это лишь «нисходящая» ветвь коммуникационного круговорота, дополняющаяся «восходящей», идущей от читателей, зрителей, слушателей как обратная связь с авторами – субъектами духовного производства. Таким образом, культура осуществляется в постоянном динамическом круговороте информации от автора к потребителю, а от него вновь к творцу.

Есть два очень важных вопроса функционирующей культуры, не рассмотрев которые мы останемся на уровне ее феноменологического описания. Первый из них – это вопрос о коммуникационной модели, лежащей в основе социокультурной динамики; второй – о ее энергетике, движущих силах, детерминации коммуникативных процессов. По существу, это вопросы о том, как движется социокультурная информация и почему она движется, что ее приводит в движение? Мы пока оперировали только одной моделью распространения культуры в обществе, мы называли ее моделью пирамиды. Эта уровневая модель неявно была использована просветителями. В этой схеме многое оставалось неотрефлексированным, необъясненным. Неясно было, например, какой энергией пользуется знание, посылаемое его творцами с вершины пирамиды в ее нижние этажи. Важно заметить, что эта энергия, с точки зрения просветителей, была чем-то противоположным грубой политической силе «деспотического государственного правления». Истина обладает, по мнению просветителей, божественной силой и обладающий истиной становился распространителем этой высшей энергии. Р.Декарт говорил, что Бог дал человеку разум как «способность различать ложное от истинного»⁶⁸. «Спим ли мы или бодрствуем, – писал Р.Декарт, – мы должны доверяться в суждения наших только очевидности нашего разума»⁶⁹. Ученый – это человек, умеющий правильно и систематически пользоваться силой, данной ему Богом. Энергия знания, движущегося с вершины культурной пирамиды к ее основанию, в конечном итоге божественного метафизического происхождения. Свет разума – небесный свет. Истина – то, что представляется уму ясно и отчетливо⁷⁰.

Если не принимать во внимание почитающую мрак эзотерическую установку на ограниченное распространение знания, на его блокировку, то надо признать, что в основе античной, христианской и новоевропейской моделей распространения знаний (моделей социокультурной динамики) лежит символика света, идея эманации световой энергии. С точки зрения Гераклита, мир – это мировой огонь или (что то же самое) мировой ум. Огонь Гераклита никак не огонь в камине, созерцание которого, как думал Г.Башляр, породило столько иллюзий воображения. Огонь всей европейской философской традиции, включая эпоху Просвещения, понимается как метафизическое, духовное, божественное начало. Древние греки одухотворяли свет, свет почитали задолго до христианства⁷¹. Но именно христианство выносит символику света на первый план, объясняя метафизические основы единства человеческого рода, общение человека с человеком. Иисус Христос говорит: «Я свет миру, кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни». Н.В.Гоголь, рассуждая о слове «просвещение», пишет: «Просветить не значит научить, или наставить, или образовать, или даже осветить, но всего насквозь высветить человека во всех его силах, а не в одном уме, пронести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь. Слово это взято из нашей Церкви, которая уже почти тысячу лет его произносит, несмотря на все мраки и невежественные тьмы...»⁷².

Я.А.Коменский уподобляет духовный свет разума, мудрость небесному светочу – Солнцу. Как солнечные лучи касаются всего в мире и все преобразуют и всех веселят, так и мудрость просветляет душу и изменяет ее к лучшему⁷³. Пользуясь метафорой света и огня, Я.А.Коменский отталивается от таких их качеств, как истечение, передача энергии, преобразование предметов, попадающих в сферу действия огня⁷⁴. Метафорой христианского просвещения, кроме света, выступает «сеятель» и «добрый пастырь». Смысловая структура «сеятеля»⁷⁵ подобна соляной модели – семена-лучи пронизывают среду и, попадая в цель, приводят в движение дремлющую до времени жизнь духа, а кроме того, эта модель более тесно связана (так же, как и символика «доброго пастыря») с сущностью христианского мировоззрения – с его идеей обращения к каждому человеку, идеей личного спасения всех.

По сути, модель пирамиды Кондорсе и других просветителей – это та же античная и христианская метафизика света. Просветители просто воспользовались готовой символикой, совершенно несправедливо обвинив христианство в преследовании света разума, в мракобесии и обскурантизме. Современные авторы модель социокультурной динамики эпохи Просвещения называют по-разному: М.К.Мамардашвили, Э.Ю.Соловь-

ев, В.С.Швырев именуют ее «миссионерской», а А.Моль – «классической». По ее глубинной основе ее следовало бы назвать «метафизической», противопоставив ее современным «механистическим» моделям. В рамках «миссионерской», «классической» модели культурной коммуникации носитель нового знания чувствовал себя монопольным обладателем законченной системы знания. Его миссия состояла в том, чтобы донести до темной, но жаждущей просвещения массы свет абсолютной истины. Однако предполагалось, что в принципе между сознанием «проповедника» и сознанием «неофитов» существует своего рода «предустановленная гармония», которая обеспечивается тайной причастностью всех людей к одним и тем же очевидностям, поддающимся демонстративно-рациональному выражению⁷⁶.

Однако «миссионерская» или «классическая» модель, исправно служившая античным, христианским и новоевропейским просветителям, под напором реалий XIX–XX вв. и, прежде всего, СМК рухнула, как это представляется исследователями современной культуры. На смену старой модели пришла новая. А.Моль называет ее «войлочной» или «мозаичной», М.К.Мамардашвили, Э.Ю.Соловьев, В.С.Швырев – «манипулятивной». А.Моль характеризует движение и усвоение знаний современным человеком как стохастический процесс. Его основа – принцип случайности. Массовый индивидум получает случайные знания из случайных источников. Эта случайная информация вынуждает его «оставаться на поверхности вещей, ни во что не углубляясь»⁷⁷. Знания людей «складываются из разрозненных обрывков, связанных простыми, чисто случайными отношениями близости по времени усвоения, по созвучию или ассоциации идей»⁷⁸.

Отрицание А.Модем классической модели справедливо как констатация факта смены лидеров в культурной жизни современного общества. Творческая интеллигенция, как когда-то поверженные титаны, изгнана с вершины пирамиды, ее заняли редакции газет, радио и телевидение. Творцы теперь появляются здесь лишь в служебной функции, как исполнители замыслов функционеров СМК. Однако названия новой модели культуры – «войлочная», «мозаичная» – поверхностны. Они не отражают структуры и энергетических источников современной культурной динамики. Схема современного функционирования культуры – все та же пирамида. Сменилась энергетическая основа коммуникационных процессов: вместо гениев человечества, отображающих в себе небо и освещающих светом разума темноту обыденности, «огромные машины культуры», как признает сам А.Моль⁷⁹, «всасывающий и нагнетательный насос журнализма»⁸⁰, по характеристике Г.Тарда, «технизация духа, технизация разума»⁸¹, как констатирует Н.А.Бердяев.

На наш взгляд, современную модель следует назвать механической. Сегодня человек в своей духовной жизни, здесь совершенно прав Н.А.Бердяев, попадает в техническо-машинную зависимость. Необъявленная, но вполне определенная цель СМК – манипуляция сознанием и поведением человека. Поэтому мы согласны с М.К.Мамардашвили, Э.Ю.Соловьевым, В.С.Швыревым, называющих современную модель социокультурной коммуникации «манипулятивной»⁸². Старая культура, писал Н.А.Бердяев, была полна символами. В ней было отображение неба в земных формах. Техника же чужда символики, она ничего не отображает. Она отрывает человека и от природы и от миров иных⁸³. Но мы, как когда-то Н.А.Бердяев, уверены, что духу человеческому предстоит преодолеть угрозу обезличивания, он сумеет сохранить в себе образ и подобие Божие.

Часть II

**ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ:
ПОЛЯРИЗАЦИЯ НА «ВЕРХ» И «НИЗ»**

Неизмерна небесная высота, не испытана преисподняя глубина.

Кирилл Туровский

Глава I

**СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ
«ВЕРХА» И «НИЗА» КУЛЬТУРЫ**

«ВЕРХ-НИЗ» КАК УНИВЕРСАЛИЯ КУЛЬТУРЫ

Верх и низ, верхние и нижние миры – одно из главных мифологических противопоставлений¹. В древности восприятие мира совмещало в себе категории сакрального (аксиологического) и физического (геометрического) пространства, поэтому геометрический верх имел очевидное нравственное преимущество (ценность), а низ – ущербность (антиценность).

Мифология и религия весь мир делят по вертикали на части, относящиеся либо к небу («верх»), либо к земле и преисподней («низ»). Небесное содержание мира включает в себя богов света и представлено также престолом церковного алтаря, солнцем, покрывалом покойника и т.д. Земная часть замещается луной, богами тьмы, могилой, чревом матери и т.д. Боги света населяют небо и горные вершины, боги тьмы являются хозяевами подземного царства – преисподней.

Вообще можно сказать, что уже в глубокой древности возникает определенная топометрия аксиологического сознания, согласно которому абсолютный верх отождествлялся с небом и Богом, а низ с землей, тогда как человек оказывался как бы между этими двумя полюсами. Собственно, этот шаблон восприятия безотказно работал и позже: на мистериальной сцене европейского средневековья, в искусстве последующих эпох² и т.д.

Ценностная структура мира, отражающаяся в сознании современного представителя западноевропейской культуры, в своих истоках непосредственно восходит к космологическим взглядам древних греков, согласно которым мир Космоса прежде всего возвышается над землей и человеком в буквальном смысле. Но превосходство Космоса следует понимать не только вещественно, но и эстетически: Космос довлеет над человеком как совершенное над несовершенным, как целое над частью, как абсолютное над относительным и т.д., то есть в духовном смысле³.

В средние века место Космоса занимает божественная личность, еще с большим правом возвышающаяся над человеком. Еще более решительно утверждающая ценностную топологию «верха» и «низа» в сфере культуры и духовной жизни человека. В самом человеке разыгрывается аксиологическая драма мира: тело как представитель «низа» вступает во временный союз с духом как субстанцией «верха». Жизнь человека разворачивается как динамическая коллизия единства и борьбы сил добра и сил зла. Призыв Аврелия Августина: «Спуститесь, чтобы подняться, и поднимайтесь к Богу: вы ведь упали, поднявшись против Него,» – хорошо выражает христианское миропонимание⁴.

Для многих наших современников объяснение природы «высокого» как божественного звучит малоубедительно. Во времена же, когда Бог большинством членов общества признавался действительным, а не мнимым существом, связь «высокой» деятельности людей с жизнью богов удовлетворяла, во-первых, потребность в причинном истолковании, а во-вторых, «доказывала» исключительность такой деятельности и лица, которое ею занималось.

Светская философская мысль не смогла освободиться от аксиологических проблем даже в том случае, когда философы руководствовались в своих исследованиях принципами чисто научного познания действительности. Так, автора «глубинной» психологии З.Фрейда невозможно понять, не учтя его пафоса низвержения человека с нравственного пьедестала, на котором тот якобы самозванно и самонадеянно себя утвердил. З.Фрейд гордился, что он успешно продолжил дело Н.Коперника и Ч.Дарвина, и вполне вероятно, что в фундаменте здания новой психологии спрятано желание З.Фрейда поспорить с традиционными христианскими ценностями.

Оппозиция «высокий – низкий» и сегодня имеет осязаемую аксиологическую окраску, что, собственно, и составляет особую квазипространственную характеристику бытия. Что кроется за этой характеристикой – это тема особого разговора, но что она представлена на уровне феноменологии – бесспорный факт. И в настоящее время религия, искусство,

мораль, обыденное сознание, бытовая речь в значительной мере подкреплены аксиологическим мироощущением. Более того, как мы покажем ниже, в нем нуждается и обществоведение.

В доказательство живучести в современном языке аксиологической топографии приведем два ряда слов. Первый содержит в себе образ духовного (аксиологического) «верха»: «повышение (по службе)», «высокое положение (в обществе)», «превосходство», «(его) превосходительство», «(его) высочество», «(его) величество», «вершина (жизни)», «совершенный» и т.д. Второй выражает противоположный оценочный смысл: «на склоне лет», «унижение», «снисхождение (кому-то)», «нисходит (свыше)», «упадок (сил)», «(совершить) низость» и т.д. Попутно заметим, что, несмотря на полную, казалось бы, десакрализацию жизни современного человека, представление о расцвете физических и духовных сил, так называемая «вершина жизни» сохраняет свое значение сегодня так же, как и в античной Греции («акмэ»).

В современном естественно-научном мышлении вертикальное измерение теряет (хотя и не до конца) некое осязаемое иррациональное преимущество перед горизонтальным. Горизонтальное и вертикальное направления мира становятся двумя параметрами единой рациональной геометрии. Само становление научного познания связано с обмирщением вертикального измерения⁵. Такова сознательная установка наук о природе на внеценностное познание мира. Они не знают

...что нам делать с розовой зарей
Над холодеющими небесами,
Где тишина и неземной покой.
Что делать нам с бессмертными стихами?
Ни съестъ, ни выпить, ни поцеловать⁶.

Таким образом, цивилизованный человек, вооружаясь естественно-научным способом постижения действительности, рискует отразить ее заведомо односторонне, чего в принципе были лишены древние люди.

Характеризуя восприятие пространственных отношений современным человеком, мы хотим представить его во всей полноте, что невозможно без учета феномена аксиологической топографии. Обратимся к сфере политики, столь актуальной в наше время. Казалось бы, представление широких слоев населения об этой области жизни, эмоциональные оценки тех или иных политических деятелей регулируют категории «правого» и «левого». Однако законы функционирования политического сознания оказываются более сложными и подразумевают еще одну структуру восприятия политической реальности – восприятия того, что должно быть «вни-

зу» и «вверху». Властные отношения не воспринимаются без квазипространственных представлений о господствующем «верхе» и подчиняющемся «ниже». Эти два полюса властных отношений могут быть заполнены этажами возвышающейся (или, что то же, нисходящей) власти. Так возникает образ социальной пирамиды, которым широко пользуется философская и публицистическая литература.

Ось «выше – ниже» в политике не исчерпывается отношениями властного господства и подчинения. Здесь угадывается еще один самый фундаментальный аспект – этический. Он-то и делает естественным восприятие субъекта власти как политического «верха», а объекта власти как политического «низа». Подразумевается, что политический «верх» есть средоточие нравственного совершенства, из которого оно путем эманации достигает всех пределов компетенции субъекта власти. Характерно в этом смысле письмо читателя, помещенное в журнале «Новое время» в 1990 году, когда категории «правого» и «левого» приобрели особую актуальность для общественного сознания. «А. Д. Сахаров – кто он, правый? Нет, конечно. Тогда – левый? Но не мало ли этого? Он высоко моральный, высоконравственный человек и на шкале безусловных ценностей – вверху. Вверху и тем самым – слева, без всяких специальных “левых” усилий. И это настоящая, непоказная левизна. Левое – значит выше!»⁷. Основной вывод, который мы можем сделать из процитированных строк, заключается в том, что чисто политическая топометрия «левое – правое» неявно подразумевает еще одну (этическую) структуру: «выше – ниже».

Деление культурной жизни на «верх-низ» сегодня видно не только в политике. Не случайно, скажем, в искусстве существует водораздел между серьезной музыкой (или, как говорил Л. Н. Толстой, «ученой» музыкой) и легкой. Деятели музыкальной культуры не могут не считаться с существенным различием между «бытовой» музыкой и «академической» и видят свою задачу в том, чтобы способствовать взаимообогащению современной серьезной музыки и массового интонационного слуха. Архитекторы должны учитывать особенности восприятия архитектуры на стадии проекта, строительства и ее восприятия зрителем, прохожим. Специалисты уверенно говорят о трех до определенной степени разных картинах, открывающихся последовательно перед взорами специалистов – архитекторов, строителей и рядовых граждан. Писатели находят определенную иерархическую структуру в читательской массе, в ее восприятии художественных произведений. Философы говорят об уровнях философского сознания, выделяя в качестве таковых профессиональный и массовый. Этики утверждают, что бытие морали осуществляется в обществе на мировоззренческом и эмоционально-чувственном уровнях. Педагоги

сетуют на то, что потенциал теоретической педагогики мало влияет на педагогику будней и т.д.

Как сказал поэт:

Все то, чего коснется человек
приобретает нечто человеческ⁸.

Человеческая культура выявляет аксиологическое измерение мира и по этому обнаружившимся ориентиру люди стихийно или осознанно, в форме религии, искусства или философии строят всю свою деятельность, осмысливают и переживают свои отношения с окружающей действительностью, с другими людьми. Аксиологические явления, прочно связанные с человеческим бытием и сознанием, выступают для людей особым типом объективной реальности, входят в глубинные структуры культуры, определяют судьбу человеческого рода, смысл его жизни.

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ «ВЫСОКОГО – НИЗКОГО» В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Пытаясь осмыслить ценностную структуру культуры, мы прежде всего обращаем внимание на виды человеческой деятельности и формы сознания, которые издавна воспринимались иерархически. Выстраивая человеческую деятельность и феномены сознания по уровням, люди тем самым давали им оценку, соответствующую месту, которое они сами занимали в иерархии культуры. Принимая в качестве неопровержимого факта сам принцип «вертикального» структурирования всех феноменов культуры, мы не склонны воспринимать в качестве абсолютной и единственной какую-то одну систему аксиологических координат.

В ходе анализа ценностной структуры культуры обнаруживается особенность, которую можно назвать амбивалентностью ценностного сознания. Эта закономерность уже отмечена в литературе. Двухзначное восприятие мира – одновременно серьезное, славословящее и смеховое, бранное, существовавшее уже на самых ранних стадиях развития цивилизованного общества, отмечалось М.М.Бахтиным⁹. Об инверсии рабов и господ на время Сатурналий в Древнем Риме говорил Дж.Дж.Фрезер. «Эта инверсия ролей заходила так далеко, – утверждал автор, – что каждый дом на время превращался во что-то вроде микрогосударства, в котором все высшие государственные посты занимали рабы, – они отдавали приказания, устанавливали законы, как если бы были консулами, преторами или судьями»¹⁰. Двусмысленному положению поэтов, мыслителей, бого-

словов, «втайне презираемых и явно почитаемых», посвятил один из философских этюдов «Утренней зари» Ф.Ницше¹¹. А. Грамши отмечал двойственность чувств восхищения и ненависти в отношениях крестьянина к сельскому интеллигенту¹².

Амбивалентность оценок обусловлена полярностью двух основных субъектов ценностного сознания. Одним источником ценностных суждений выступает культурный «верх», а другим – культурный «низ». Взаимодействуя в едином поле общественного мнения, противоположные ценностные представления оказываются амбивалентными характеристиками одних и тех же объектов культуры. Благодаря общению культурная частичность любой социальной группы осознается ее представителями как односторонность в ценностном осмыслении мира. Отсюда полная и объективная оценка приобретает заметный оттенок двусмысленности и иронии.

В Древней Греции бытовал анекдот о философе, над которым посмеялась простолыдинка, потому что философ, наблюдая за звездами в небе, свалился в яму. Случай этот молва приписывает Фалесу¹³. Иногда здесь видят аллегорическое указание на два склада мышления: обыденно-жизненное (наглядно-чувственное) и отвлеченное (рациональное)¹⁴. Представителей культурного «верха» не могло не ранить обыденное отношение к нему некомпетентного культурного «низа». Для трудящихся людей философы, писатели, художники выглядели «писаками», «мазилами», «сюморорохами», «резонерами», «болтунами» и т.д. Эта установка восприятия не могла не раздражать «творцов культуры». «Мещанин», «обыватель», «профан», «неуч» – слова, призванные рассчитаться с «потребителями культуры» и поставить их на место¹⁵. «Подвижник трудится ради истины и добра, – замечал представитель древней даосской мысли Хун Цзычен, – а люди в миру смотрят на труд как на средство разбогатеть. Бескорыстный человек равнодушен к приобретениям, а люди в миру считают бескорыстие средством заработать почет. То, что для благородного мужа – святой долг, для низкого человека – средство удовлетворения своих корыстных желаний. Как это прискорбно!»¹⁶

Народное сознание явственно ощущало противоречие между «чистой» мыслью и повседневной земной жизнью и решало его в пользу торжества последней. Так, старофранцузская новелла «Об Аристотеле» посрамляет великого философа не тем, что обнаруживает изъяны в его умственных построениях, а в том, что они не могут заменить радостей чувственного бытия¹⁷. Раздосадованные благотворительностью своих эксплуататоров-фабрикантов, желающих «облагорожения вкуса» своих работников, мужики из рассказа Н.С.Лескова «Железная воля» впадали в тоску от при-

глашения на концерт, где давали квартеты Гайдна. Они откровенно жаловались, что «им нет хуже, как эту гадину слушать». Однако было бы грубым упрощением сводить все чувства, которые испытывают массы к представителям господствующей идеологии, лишь только к отрицательным. Народ «срезает» людей теории ничуть не реже, нежели смотрит на них снизу вверх, нередко прямо обожествляя их. Да, ореол святости, окружающий профессии учителя, врача, юриста, администратора, несколько побледнел с победой в Новое время буржуазных отношений, но ведь и он не рассеялся окончательно. А если говорить о профессиях священника, художника, артиста, ученого, политика, полководца, то народ и сегодня продолжает поддерживать их культ. Такой аспект в отношении трудящихся к людям умственного труда требует своего объяснения, ибо совершенно недостаточно указать здесь на ту силу власти, которая всегда стояла на стороне организованного производства идей, на стороне официального общественного мнения.

Решающим моментом в развитии ценностных свойств разных видов деятельности стало отделение умственного труда от физического. Разделение труда на умственный и физический означало тем самым формирование принципиально различных типов активности человека. Это различие простиралось на предметы деятельности, ее характер, на формы человеческих отношений и на сознание, освещавшее их особенности, на организацию определенных социальных институтов и т.д. Целью физического труда является создание вещей, целью умственного – идей. В качестве предмета материальной деятельности выступает природа (земля), предмет духовной деятельности – слово, символ, изображение. Древнейшие институты физического труда – домашнее хозяйство, мастерская, мануфактура; первыми институтами слова – школа, канцелярия, почта, библиотека (хранилище текстов). Буквально с момента обособления два эти типа человеческой деятельности получают аксиологическую интерпретацию: за физическим трудом закрепляется его оценка как низкого (грязного) и умственным трудом – как высокого (чистого). В оценке двух видов труда угадывается противоположность аксиологических полюсов, во-первых, земли (грязный труд) и неба (божественный, духовный труд), во-вторых, ценностной топографии человеческого тела – низа (ручной, грязный труд) и верха (головной, умственный, чистый труд). Мы находим подтверждение такому пониманию в сочинениях античных авторов. Действительно, умственная деятельность уже в древности рассматривалась как неопровержимый признак духовного верха, а физический труд соответственно – как признак культурного низа. Так, Аристотель не устает повторять, что самой ценной и полной будет жизнь человека, пользующе-

гося досугом мудреца, ведущего созерцательный образ жизни¹⁸. Бог наделен лучшей и вечной жизнью в силу деятельной работы ума, и человек настолько поднимается до божественного состояния, насколько он погружен в умственный процесс¹⁹. Философа-служителя муз, восходящего в своей любви до мира идей, Платон ставит выше всех на первое место, царя – человека воинственного и способного к управлению – на второе, государственного мужа, хозяина, добытчика – на третье, врача, усердно занимающегося манипуляциями с человеческим телом, – на четвертое. В этой табели о рангах ремесленник или земледелец на седьмом месте²⁰. Античные философы тщательно исследовали особенности деятельности свободного и раба, ремесленника и поэта, художника и философа. Занятие мудреца признавалось самой высшей человеческой деятельностью, помимо всего прочего, еще и потому, что предмет его усилий всегда находится в его уме. Мудрец не нуждается в веществе природы, в каком-либо предмете внешней действительности, в других людях. Мудрец довлеет самому себе, он имеет дело с особой реальностью, суть которой близка к небесам, к Богу.

М.М.Бахтин пишет об амбивалентной оценке деятельности средневекового врача, выводя эту характеристику из двойственности связи врача с предметом своих профессиональных усилий: врач, с одной стороны, является участником рождения и смерти человека, т.е. таких событий, к которым имеет прямое отношение высокая небесная инстанция, а с другой, профессиональный интерес врача концентрируется на телесном низе, на продуктах метаболизма человеческого тела²¹. Но вернемся вновь к Древней Греции. Гомер в качестве высоких видов деятельности изображает ратную и праздничную деятельность. Гомеровским богам доставляют равное удовольствие звуки шумной битвы и запахи ритуальной пиршественной жертвы, воинственный клич сражающихся воинов и мерная песнь сладкогласной лиры. Пир служит средоточием нескольких видов деятельности, и все они как значительные пункты пиршественного времени оказываются высокими: жертвы богам, застольные речи (славословие богов и героев), соревнование атлетов, выступление певцов.

Из взятых нами примеров вытекает, что аксиологическая рама, через которую уже в древности люди рассматривали свою жизнь, позволяла, с одной стороны, по-разному оценивать один и тот же вид деятельности, а с другой – под высокий ранг подводить не одну и ту же, а разные виды деятельности. Так, к примеру, Платон ставит врача, как мы уже говорили, на четвертое место, Гиппократ рассматривает врачебную деятельность как божественную. То же самое утверждал Эмпедокл, окружая фигуру врача прорицателями, ясновидцами, вождями²².

Тем не менее зарождающаяся в античности идеология господствующих классов постепенно выстраивает аксиологическое сознание в благоприятную для себя сторону. У Гомера воин и рапсод – равнозначимые и равновеликие фигуры. Однако последующая культурная традиция делает более предпочтительной роль рапсода. В этом плане Одиссей произносит знаменательные слова в адрес прославленного слепого певца Демодока:

Выше всех смертных людей я тебя,
Демодок, поставляю; Музою, дочерью
Дия, иль Фебом самым наученный...²³

Конечно, современному читателю нетрудно во всех сторонах древней пиршественной деятельности увидеть единое содержание, вытекающее из главной высокой смысловой задачи пира – прославления великих, героических дел. Можно легко согласиться, что символическое значение пира – увековечить погибших героев, подчеркнуть значимость их поступков, оживить память соплеменников о героическом прошлом, соединить умерших и живых нитью единого времени. В этом можно увидеть причины высочайшей оценки в гомеровском эпосе рапсодов – «властителей слова», «песнь о великом поющих людям». Такая интерпретация напрашивается сама собой, но не будем торопиться, дабы не впасть в грех самообольщения в качестве дальних потомков Демодока, по-прежнему претендующих на роль властителей слова. Линия наших рассуждений, выстроенная в качестве пьедестала для деятельности древнегреческих рапсодов, может быть заражена вирусом идеологии, незаметно проникающим во все наши построения, потому что мы сами представители умственного труда, книжные люди. Свободный от идеологической ангажированности взгляд в высокой оценке Гомера пиршественной деятельности вполне может усмотреть высокую оценку непосредственного человеческого общения, его плодотворную многосторонность, дающую начало многим релевантным сторонам жизни человека. Итак, взгляд Гомера на ценностные аспекты человеческой деятельности достаточно многопланов. Однако исторически усиливающаяся идеологическая точка зрения, с которой власть слова должна служить политической власти, победила взгляд на непосредственное общение людей как на высшую ценность бытия, как на источник радости и счастья.

Нельзя не признать характерным то удивительное рвение, с которым царские дворы древнейших государств привлекали к себе профессионалов производства идей. Поражает расточительность и роскошь, идущие рука об руку с развитием древнего искусства, религии, науки и филосо-

фии. Однако расходы в определенном смысле оправданны, ибо идеолог, оперируя понятиями, символами, образами, обнаруживает, что он выступает носителем общечеловеческого, родового, вечного. Священный трепет масс перед мыслями идеологов и перед ними самими вряд ли можно свести лишь к тому простому обстоятельству, что это мысли представителей господствующего класса, занимающего политическую вершину общества. Идеолог всех цивилизаций ценится за то, за что ценится гомеровский рапсод – за причастность к сфере безвременного, вечного, не знающего тления и забвения, за великую способность увековечивать, возвышать, делать бессмертным. Идеолог, открывший область идеального, продукты которой ржа не точит, моль не поедает и вор не подкапывает и не крадет, стал способен выполнять функцию апостола Петра, стоящего, согласно представлениям правоверного христианина, с ключом у ворот божественного небесного рая. Он, «властитель слова», мог подарить вечную славу и дать страстно желаемое бессмертие, а мог и низвергнуть в мрачную пучину забвения и полного небытия.

Обратим также внимание на историческую тенденцию переосмысления соотносительной ценности идеологической и материальной деятельности. Так, например, эволюция представлений европейцев о физическом (грязном) труде – это на самом деле история его постепенной реабилитации. Крайне низкая его оценка принадлежит античному обществу. Этот суровый приговор в последующих эпохах смягчается и частично пересматривается, но никогда тем не менее не достигает оценки умственной деятельности. Ф. Шиллер писал, что древние греки «в праздности и безразличии усматривали завидную божественную долю, которая представляется только более человеческим названием самой свободной и возвышенной жизни»²⁴.

Отношение к физическому труду меняется с воцарением христианской идеологии в средневековой Европе. В нем стали видеть если не естественное условие существования, то необходимость, связанную с грехопадением Адама и Евы²⁵. Апостол Павел во «Втором послании к Фессалоникийцам» напоминает членам общины требование: «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь». В буржуазном обществе физический труд не только признается необходимым и важным элементом жизни, но и делаются попытки представить его в глазах общественности чем-то высоким и благородным. Так, например, редакторы «Энциклопедии» подчеркивали в выпущенном «Проспекте» огромное значение презираемых дворянством «механических искусств» – ремесла и промышленности. Одной из задач издания было «вывести, занятых различными видами производства, «из того унижительного состояния, в котором их так долго держал предрассудок»²⁶.

Марксизм понимает сложившуюся оценку двух видов труда как историческую несправедливость, как идеологическое искажение ценностных приоритетов, подлежащее решительному пересмотру не столько в теории, сколько в самой жизни, на практике. Марксизм подхватывает и развивает в революционную программу идею освобождения труда. Таким образом, соотношение труда и досуга в аксиологическом сознании европейцев без конца эволюционирует и проделывает огромный путь от Сократа до Маркса. Сократ восхвалял досуг превыше обладания девушкой,²⁷ Маркс же считал, что человек в будущем с неимоверной легкостью и простотой будет переходить от одного вида деятельности к другому и таким образом для него наконец исчезнет какое-то объективное основание для предпочтения и выбора. Оставив в стороне вопрос о реальности перспективы общественного развития, предполагавшегося К.Марксом, скажем, что ценность и труда и досуга относительны. И досуг и труд – это лишь формы человеческой деятельности, которые разные люди способны наполнить разным содержанием в зависимости от их сознания: творческого или рутинного мышления, эгоистических или альтруистических чувств, злой или доброй воли.

Глава 2

ЦЕННОСТНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Ценностный анализ типов человеческой деятельности не может претендовать на сколько-нибудь полную завершенность без анализа общественных форм сознания, рожденных соответствующими типами деятельности. Идеологи господствующих классов старательно навязывали мысль о том, что «низкое» сознание изначально присуще «подлым» слоям населения, занятым физическим трудом, «высокое» же сознание является якобы атрибутом благородного меньшинства, имеющим право на свободно избираемый вид досуговой деятельности.

Обвинения в адрес сознания ремесленников (вообще людей, занятых физическим трудом) с точки зрения античных философов заключаются в его направленности на обыденный, прозаический мир вещей и ежедневных утилитарных дел. Они упрекали практическое сознание в том, что в нем якобы довлеют эмоции, чувства и грубые желания, а не ум, не мысль. Мысль концентрирует в себе знание общего, необходимого, объективного и закономерного, чувства же – симптом случайного, субъективного, частного.

Позднее Гегель сознание людей, занятых умственным трудом, назовет теоретическим сознанием и противопоставит его обыденному сознанию.

Ценность теоретического сознания обеспечивается его рефлексивностью и всеобщностью. Под обыденным (повседневным, прозаическим, будничным) сознанием Гегель имеет в виду сознание эмпирической единичности, практического интереса и непосредственного чувства. Обыденное сознание – это такое сознание, которого еще не коснулась рефлексия, и потому оно еще имеет случайную чувственную форму и выступает как природное сознание. В это же время русских революционеров-демократов волновал социально-классовый аспект оппозиции «верха – низа» сознания российского общества. «И поверьте, – писал Н.А. Добролюбов, – что эти миллионы вовсе не виноваты в своем невежестве: не они отчуждаются от знания, от искусств, от поэзии, а их чуждаются и презирают те, которые успели захватить умственное достояние в свои руки»²⁸.

Советские философы обратились к идее уровней общественного сознания в начале 60-х годов. Теоретический интерес к уровням общественного сознания, как правило, связывался с более конкретными проблемами. Например, авторы пытались уяснить себе, в чем заключается различие научного знания, только что полученного ученым, от того, которое воспринимается и усваивается людьми в обыденной жизни²⁹. Анализ общественного сознания в философской литературе привел к двум основным позициям в фиксации его уровней: во-первых, как существования обыденного и теоретического сознания и знания (гносеологический подход)³⁰, и, во-вторых, как две взаимодействующие формы сознания – идеологии и психологии (социологический подход)³¹. Первое деление сознания на теоретическое и обыденное мы называли гносеологическим, второе – на идеологию и психологию – социологическим. «Верхом» в гносеологическом плане оказывается наука, в социологическом – идеология. Уровни сознания и в том, и в другом случае основаны на том важном обстоятельстве, что ученые (и вообще идеологи) производят знания (идеи) и потому занимают общественный «верх», а остальные члены общества, располагая местом пониже, эти идеи усваивают и используют, тем самым оказываясь субъектами менее высоких уровней сознания. В конечном счете представления об уровнях сознания сводятся именно к этому культурологическому факту.

И гносеологический, и социологический подходы к уровням сознания позволили переоткрыть многие на время исчезнувшие в советском обществоведении понятия, такие как «мнение», «убеждение», «вера», «сомнение», «понимание», «заблуждение», «пороки», «предрассудки» и т.д. Постепенно становилось ясно, что истинное знание должно быть не только получено, но и адресно передано и адекватно усвоено. Стали исследоваться механизмы производства и распространения идей в обществе, слож-

ности на пути продвижения научного знания в толщу общественной среды³². Появились исследования о феномене массового сознания³³. Все эти новые понятия, идеи и концепции легко объединяются одним представлением – уровневой структурой общественного сознания. К примеру, феномен веры нельзя анализировать, не учитывая существования в обществе таких социальных групп, которые в силу разделения труда должны пользоваться «готовым» знанием о действительности, выработанным в сфере «духовного производства». Поскольку слой специалистов по производству идей всегда относительно невелик, то остальные многочисленные потребители культурной информации создают сферу массового сознания. Существование этой сферы предполагает не только внешний по отношению к ней процесс создания идей, но и определенные закономерности информационной связи «изготовителей» и «потребителей», механизмы передачи, усвоения, использования и т.д. Констатация наличия уровней сознания еще не указывает на их типологические качества, ничего не говорит о механизмах их взаимодействия, о причинах возникновения и перспективах развития. Теперь мы намерены как раз остановиться на сравнительном анализе «высокого» специализированного и «низкого», обыденного сознания, пытаюсь понять их сущность, достоинства и недостатки.

СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЕ СОЗНАНИЕ

Между наукой, философией, искусством, религией, политикой, правом есть общий знаменатель, связывающий их с эпохой отделения умственного труда от физического. Во всех этих областях культуры возникают своеобразные центры по производству соответствующих идей, образов, текстов, изображений. Уже в ранних классовых обществах формируются группы (касты) людей, занятых определенным видом знаковой, идеологической деятельности. Продукция, создаваемая малочисленной группой идеологов, но, как правило, широко известная за пределами этого элитарного круга, может быть названа специализированным сознанием. В истории европейской философии его называли «чистым» сознанием. «Чистым» его именовали и классики марксизма, в советской философской литературе предпочитали термин «специализированное сознание».

Появление обособленного умственного труда было важнейшим приобретением человечества – наряду с материальным производством (точнее, над ним) возникает «идеальное производство» (т.е. производство идей). Это последнее постепенно усложняется, приобретает, как и материальное производство, черты специализации и профессионализации, вырабаты-

вает нормы, легализирующие эту деятельность, обрastaет специальными институтами, формами.

Характерным средством производства специализированного сознания является письменная, а затем и печатная речь. Эти новые формы коммуникации резко расширили возможности идеологической деятельности. Преимущества письменной речи в сравнении с устной очевидны. Во-первых, письменная речь позволяет фиксировать пришедшую в голову мысль, найденный образ, репрезентировать их и передавать в неизменном виде в пространстве и времени, соединяя в коммуникационном процессе народы и поколения. Во-вторых, к письменному тексту можно многократно возвращаться самому автору для его исправления, уточнения и усложнения³⁴.

Практика развития текста рождает потребность в выработке искусства речи и поиска норм, законов, канонов этого искусства. Открытие таких правил искусства речи, направляющих процесс идеального освоения мира, способов объективации сознания в письменные (а затем и в печатные) тексты – поэтики, риторики, стилистики, логики – явилось важным средством качественного приращения форм умственного труда³⁵. Идеологи не только изучают нормы деятельности сознания как особый предмет, но и активно их используют в качестве особых искусственных орудий человеческой деятельности. Постепенно с развитием предметной деятельности меняется ее характер и вместе с ним изменяются и совершенствуются нормы работы сознания. Носители специализированного сознания много усилий затрачивают на то, чтобы добиться прогресса «орудий» идеальной деятельности и часто способны в этой области обогнать свою эпоху. Нормативность в той или иной форме распространяется на все виды «идеального» творчества. В то же время нормы «высокого» сознания исторически изменчивы, в них выражается исторический опыт человечества, накопленный в ходе преобразования окружающего мира. И тем не менее за нормой можно предполагать нечто большее, чем исторический опыт человечества, что осознавалось в античной философии (мир идей Платона), и в современной (учение об априорных формах И.Канта, концепция «нормального» сознания В.Виндельбанда и т.д.). Общая тенденция развития «чистого» сознания заключается во все более ясном осознании отдельными идеологами своего отношения к нормам идеальной деятельности, выработанным европейской культурой.

Осознание норм художественной, научной, философской, правовой, религиозной деятельности невозможно без культивирования и взращивания такого важного человеческого качества, как рефлексия. В определенной степени нормативность «чистого» сознания есть следствие его рефлексивности, в силу того, что идеологи с некоторых пор смогли работать

со своим собственным сознанием как с внешним предметом³⁶. В истории западноевропейской мысли это случилось благодаря Сократу, который открыл новую область философского исследования – субъективную реальность и придал ей современное значение. В. Виндельбанд в речи о Сократе сказал так: «Чем больше углубляется личность в свое размышление, тем сильнее чувствует она себя подчиненной закону разума, властвующему над всеми, и тем охотнее признает она, в силу полноты своей собственной власти, содержащийся в ней самый авторитет разума»³⁷.

Благодаря особой разработке найденных законов формообразования мысли, чувства, воли и словесного (знакового) материала, в котором они опредмечиваются автором, профессионально производимое сознание делается рефлексивным сознанием, то есть сознанием, принимающим в расчет самого себя, работающим над самим собой. В силу объективированности форм деятельности «чистого» сознания в записанном на бумаге тексте, снятом на пленку эпизоде игрового фильма и т.д., оно способно вновь и вновь возвращаться к ранее найденным ходам мысли или образному ряду. Отсюда берет свое начало критический характер «чистого» сознания. Рефлексия – это осознанная умственная, идеологическая активность мыслителя, художника, действующих со знанием дела. Аристотель в «Метафизике» обвиняет Анаксагора в наивности, с которой этот последний в трудных случаях ссылается на ум как первопричину, а в остальном он объявляет причиной происходящего все что угодно, но только не ум³⁸. Такое неуверенное философствование Аристотель сравнивает с действием в бою необученного воина: поворачиваясь во все стороны и действуя наобум, и он иногда наносит хорошие удары, но не со знанием дела. В «Никомаховой этике» Аристотель утверждает, что «можно делать что-то грамотно и случайно и по чужой подсказке, но (истинным) грамматиком будет тот, кто делает что-то грамотно, делает это как грамматик, т.е. согласно грамматическому искусству, заключенному в нем самом»³⁹.

Для Гегеля в рефлексивности заключается абсолютная полнота и себя-достаточность сознания. «Дух существенно есть только то, – писал Гегель, – что он знает о самом себе»⁴⁰. Гегель считает, что неспособность к рефлексии равняется пассивности индивидуума и вообще говорит об отсутствии развитого «я»⁴¹. В индивидуальном развитии ребенок приходит к состоянию рефлексии через овладение языком, который дает ему возможность освободиться от своей погруженности во внешний мир, помогает постигать не только вещи как всеобщие, но и сознавать себя как всеобщность⁴².

Исторически первыми искусством рефлексии овладели философы. В критике господствующего типа мышления заключается одно из важней-

ших общественных функций философии. Широко опробовалась философская рефлексия и на материале научного познания. Однако постепенно развитие науки приходит к необходимости теоретического самоанализа, так просыпается внутринаучная рефлексия. Внутринаучная рефлексия вместе с историческим продвижением научного познания проходит несколько этапов. Осознание наукой самой себя в конце концов выливается в зарождение новой дисциплины – науковедения.

Дает о себе знать рефлексивность и в сфере художественной деятельности. Действие рефлексии мы видим уже в самом художественном произведении. Когда герой драмы не просто страдает или любит, но делает свои переживания предметом наблюдения, рассуждает о них, то он, несомненно, демонстрирует не только величие своей души, силу своего характера, но и определенную долю рефлексии, которая своим появлением обязана автору. Такой род литературы, как лирика, материал для которой поэт обнаруживает прежде всего в самом себе, невозможен без внимательного, строгого и взыскательного взгляда художника на себя как на что-то внешнее, как на сырой материал, из которого поэт затем создает художественный предмет. Поэт способен схватить индивидуальность и богатство своих внутренних переживаний, что сделать далеко не просто, не обладая развитой способностью к самонаблюдению. «И не только внешние предметы, но и наши собственные душевные состояния, – справедливо утверждал А. Бергсон, – наши интимные, личные, своеобразные переживания от нас ускользают. Когда мы испытываем любовь или ненависть, когда мы чувствуем радость или горе, – разве до нашего сознания доходит наше чувство, с теми его мимолетными отзвуками, которые приписуи именно нам? Если бы это было так, все мы были бы романистами, поэтами, музыкантами»⁴³.

Благодаря институтам письменной и печатной речи, специализированное духовное производство стало сферой авторского сознания в противовес анонимному народному сознанию. Сегодня претензия изобретателя, рационализатора, художника, ученого на авторство кажется вполне естественным, законным желанием. Общество скрупулезно фиксирует в определенных документах все достижения человеческого духа. Каким это ни покажется пустяком, но, например, у обыкновенной канцелярской скрепки существует прародитель-норвежец Йохан Ваалер, который изобрел ее в 1900 году. Это имя занесено на скрижали культуры. Что уж говорить об автомобильных моторах, космических ракетах, симфониях и романах – все они несут на себе и внешние, формальные и внутренние, содержательные признаки личностных качеств авторов. Но ведь так было не всегда и не везде: авторство – продукт античной цивилизации.

Факты истории, говорящие о появлении авторского начала в идеологическом творчестве, приводят нас вновь в Древнюю Грецию. «Сознание своего значения в обществе воспитывало чувство достоинства среди греческой интеллигенции, – пишет Т.В.Блаватская. – Подтверждающие это документальные свидетельства известны уже в VII в. до н.э., когда появляются подписи мастеров на своих произведениях. В VI в. обычай ставить свое имя широко распространился среди работников самых различных профессий. Известны многие сигнатуры вазописцев и скульпторов, причем о своем авторстве заявляли не только крупные мастера, но и рядовые исполнители надгробных рельефов»⁴⁴. Что касается отечественной культуры, то авторское начало у нас развивается значительно позднее. Например, Д.С.Лихачев замечает, что в древнерусской литературе авторское начало было приглушено. «В ней не было ни Шекспира, ни Данте, – пишет Д.С.Лихачев. – Это хор, в котором совсем нет или очень мало солистов и в основном господствует унисон»⁴⁵. Авторские мотивы начинают звучать впервые с «Казанской истории», где автор сообщает о себе биографические данные, что раньше делалось исключительно редко и скупое⁴⁶. Борьба за личностное начало в культуре у нас в России, как считает Д.С.Лихачев, была особенно напряженной и трудной, и ее отзвуки явственно слышны в литературе XIX в.⁴⁷

Возникновение авторского элемента в творчестве означало формирование столь характерной впоследствии для специализированного идеального производства индивидуальности творчества. Все свойства личности автора оказываются настолько важны, насколько они продуктивны или даже связаны с продуктивностью косвенно, как причуды творческой индивидуальности. Поэтом, писателем, музыкантом, художником, философом, ученым и т.д. может стать лишь тот, кто в своей субъективности способен отыскать общечеловеческие структуры, кто может жить полнокровной жизнью в идеальном мире сознания, кто, размышляя над мыслью, радуясь ей, желая ее, видит в этом всю полноту своего существования. Известно утверждение Демокрита, что «он предпочел бы нахождение одного научного объяснения сану персидского царя»⁴⁸. Не случайно за писателями, поэтами, музыкантами, философами идет давняя и прочная слава людей, что называется, со странностями, людей «не от мира сего». Некоторые из них были способны к перевоплощению, другие заявляли о себе как о визионерах, третьи испытывали галлюцинации. «Шиллер клал в ящик стола гнилые яблоки и это благоприятно влияло на его поэтическое творчество. Гельмгольц в определенный период работы над той или иной научной проблемой совершал восхождение на закате по освещенному солнцем и покрытому лесом склону горы»⁴⁹. Все подобные

факты имеют значение, конечно, только для тех, чей творческий процесс может активизироваться таким необычным образом. Само собой разумеется, что если обыватель вздумает усвоить себе некую экстравагантную манеру поведения, то она не сможет лишь в силу своей причудливости подтолкнуть его к продуктивной деятельности.

Уже в древних государствах представители «чистого» сознания пользуются определенной свободой творчества. Ученые, философы, писатели, художники окутаны атмосферой авторитета и доверия, им предоставлена максимально широкая возможность для развития профессиональных способностей, но в то же время общество рассчитывает на высокую надежность и эффективность достигнутых в этой сфере результатов. Вместе с тем общество достаточно жестко регламентирует творческую активность в области науки, философии, искусства, религии не только благодаря внешним экономическим или политическим рычагам, но и внутренним нравственным регулятивам. Так, в отношении естествознания можно говорить о постепенном формировании научного этоса⁵⁰.

ОБЫДЕННОЕ СОЗНАНИЕ

Как мы уже видели, для некоторых групп людей деятельность по созданию и преобразованию знаков, текстов, сознания становится целью в силу общественного разделения труда в классовом обществе. Для других социальных общностей духовная деятельность является лишь средством, с помощью которого ими осуществляется деятельность материальная. Во втором случае, как и в самом начале человеческой истории, «производство идей, представлений, сознания... непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни»⁵¹.

Если отталкиваться от названия и существа «специализированного» сознания, то интересующее нас здесь сознание можно назвать повседневным, обыденным. Повседневное сознание – это сознание на каждый день и по любому случаю. Слова «повседневный», «обыденный» имеют богатый синонимический ряд: «бытовой», «житейский», «будничный», «прозаический», «практический» и т.д. Не менее развитым оказывается и ряд антонимов, который мы связываем со «специализированным» сознанием: «праздничный», «поэтический», «героический», «символический», «теоретический» и т.д. Сравнивая два этих ряда, мы получаем две семантические области, красноречиво характеризующие сферы, формы жизни, деятельность, освещаемые двумя типами сознания – «специализированным» и «обыденным».

Черты обыденного сознания, делающие его «низким» в глазах «чистых» теоретиков, в сущности, сводятся к тому, что оно:

1) носит характер природно-наивного сознания (является как бы детским);

2) критически не осмысляет правил и норм, по которым оно действует (отсюда традиционность этого сознания);

3) проявляется в стихийно-анонимной форме, в форме групповой деятельности (т.е. авторская интерпретация и переосмысление отсутствуют);

4) синкретично в социальном и психологическом плане (неотделимо от трудового процесса, от досуговой деятельности людей, не знает обособленного развития отдельных элементов сознания).

Остановимся на этих и некоторых других характерных свойствах обыденного сознания. Прежде всего ясно, что обыденное сознание не нуждается для своего существования в специальных институциональных усилиях общества. Оно не возделывается специально и в этом смысле представляет собой стихийный, естественный, природный продукт. Назвав часть мира человеческой культуры природной, мы не хотим тем самым сказать, что она готовой досталась человеку, а только то, что это природно-социальное содержание человеческой жизни сложилось без его сознательного контроля, помимо его рефлексии. Природность обыденного сознания не означает, что человек обладает им от рождения. Оно возникает у людей только тогда, когда они с головой погружаются в гущу повседневных дел и забот.

В истории философской мысли природное сознание рассматривалось как природный ум и как природное чувство⁵². Воля при этом обычно сближалась с рядом эмоциональных состояний, поэтому к ней относятся те же соображения, что и к первым двум элементам сознания. Круг феноменов сознания, включающий в себя природный ум, природное чувство (эмоции и волю) и создает в структурном плане достаточные основания для выделения природного сознания. Гегель, например, наличие уже одной чувственности считал показательным симптомом существования природного сознания. Он вообще сближает чувственное с природным (телесным) и обыденным и всю эту область понятий противопоставляет духовному⁵³.

Ребенок думает, любит, желает, не замечая своих мыслей, чувств и желаний. Только став школьником, он постепенно, благодаря целенаправленной деятельности педагога, начинает обращать внимание на свое сознание. Неискушенность, некритичность, наивность обыденного сознания роднит его с сознанием ребенка. Вполне взрослые люди, миллионы людей могут отождествлять литературного героя с реально существующим лицом, киногероя с актером, создавшим запоминающийся образ.

После фильма «Без свидетелей» М.А. Ульянов получил характерное письмо: «Ну, я не знала, что вы такой мерзавец!»⁵⁴. В Советском Союзе существовала традиция государственных поощрений и награждений актеров за удачно сыгранные положительные, а не отрицательные роли.

Известный советский ученый А.Р. Лурия в 30-х годах проводил психологические исследования среди сельского населения Средней Азии. Предмет его интереса, наряду с прочим, – отношение испытуемых к формам теоретического мышления, к формальной логике. Опишем типичную ситуацию беседы. В ходе разговора экспериментатор задает вопрос: «На дальнем севере, где снег, все медведи белые; Новая Земля находится на дальнем севере. Какого цвета там медведи?» Ответ дехканина, не знакомого со школьной логикой, но хорошо знакомого своих соседей, гласит: «Я там не был, не знаю, а врать не хочу. Вот у X есть родственник, который живет примерно в тех краях. Спросите у X, он знает лучше меня».

Характеризуя способ мысли сельских жителей, не знакомых со школьным обучением, А.Р. Лурия пишет: «Полное отрицание возможности сделать вывод из положения, в котором нет собственного опыта, недоверие к любой логической операции, если она носит чисто теоретический характер, однако признание возможности делать выводы из собственного практического опыта – вот наиболее характерные особенности этой группы испытуемых»⁵⁵. Люди веками строят дома, воспитывают детей, воюют, выращивают скот, полагаясь на живой пример, на традицию, которую затрудняются выразить в методе, правиле, словесной рекомендации.

Продукт народного творчества не принадлежит одному человеку, его «хозяева» все, хотя непосредственно он может быть создан вполне конкретным лицом. Существование и продуктивность обыденного сознания всегда обезличены, это существование и продуктивность целого. Интересно в этом отношении замечание М.В. Исаковского о фольклоре. «Фольклор никогда не создается сразу, то есть никогда не возникает как бы преднамеренно. Когда человек впервые сказал: «Знает кошка, чье мясо съела», то это еще не было фольклором, не было пословицей. Пословицей, фольклором это выражение стало лишь после того, как его повторили тысячи других людей, после того, как оно вошло в сознание людей, стало жить в нем, действовать»⁵⁶.

Обычное обвинение в адрес обыденного сознания, с точки зрения философов античности и других эпох, заключается в его направленности на прозаический мир вещей и ежедневных утилитарных забот. Гегель не без сарказма писал о том, что субъекта повседневного сознания в прозаической жизни может живо интересовать, «где ему жмет башмак в его частных обстоятельствах и поставленных им особенных целях»⁵⁷. Инте-

рес обыденного сознания к преходящему, земному миру философы объясняли господством чувств в сознании масс.

Действительно, для обыденного сознания процессы обособления и специализации нехарактерны. Благодаря усвоению специфической технологии обработки знаков работник идеологической сферы способен продуцировать особую реальность, отличающуюся от наличной действительности. Поэт видит в повседневности поэтическое содержание. Ученый может заинтересоваться физической сущностью, казался бы, самого заурядного явления (например, морозным узором на зимнем оконном стекле), обыденное сознание всегда как бы увлечено потоком жизни, от которого оно не способно абстрагироваться, отгородиться, обособиться.

Для того чтобы начать раздумывать в обыденной жизни, необходимо оторваться от непосредственного действия, а чтобы раздумывать не вообще, а теоретически, нужно включиться в определенную сферу общественного разделения труда, специально заняться теорией и стать теоретиком⁵⁸. Обыденное же сознание беспредпосылочно, интуитивно, ситуационно. Оно действует, подчиняясь не логике Аристотеля, Гегеля или еще какой-то особой форме мысли, а «логике» самой жизни в ее случайных, единичных проявлениях.

Обыденное сознание не ставит перед собой задачу формирования особой предметной реальности: эстетического предмета художника, мира физика или биолога, правовой ситуации юриста или мировоззренческой ситуации философа. «Чистое» сознание всегда специализированно и обособленно, обыденное сознание всегда универсально и слито с жизнью. Объект отражается им не сам по себе, а обязательно в скружении ценностных и целеполагающих его факторов, в жизненном контексте. Опыт, аккумулированный обыденным сознанием, богат и качественно разнороден. Это, видимо, и придает ему особую устойчивость, делает его «слишком стационарной системой», которую «ничем не проймешь», как выражается герой одного известного фантастического произведения в отношении всего человечества⁵⁹.

Глава 3

ОЦЕНКА СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО И ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ В ИХ ОТНОШЕНИИ К «ВЕРХУ-НИЗУ» КУЛЬТУРЫ

Мы рассмотрели важнейшие стороны специализированного и обыденного сознания. Теперь мы попытаемся дать им не только сравнительную оценку, но и соотнести их достоинства с «верхом-низом» культуры. Каза-

лось бы, что сделать это несложно, достаточно лишь обратиться к философской традиции. От Платона до современности в среде «чистого» сознания культивировалось представление об особой «духовной аристократии», о касте мыслителей, художников, ученых, живущих якобы в «башне из слоновой кости», существующих в обществе для того, чтобы царить над умами и чувствами всех остальных людей. Сколько презрительных слов сказано жрецами истины, красоты и добра в адрес «тупой», «невежественной» и «бесчувственной» толпы. Люди, неопытные в рассудительности и добродетели, напоминают Платону скот, который всегда смотрит вниз, «склонив голову к земле... и к столам»⁶⁰. Не менее враждебно к обывательскому большинству настроен Ф. Ницше. Афоризмы его Заратустры дышат ненавистью к «ближним»: «“Нет пастуха, одно лишь стадо! Каждый желает равенства...” “То, что каждый имеет право учиться читать, портит надолго не только писание, но и мысль”. “Живут слишком многие и слишком долго висят они на своих сучьях. Пусть же придет буря и страхнет с дерева все гнилое и червивое!”»⁶¹.

Итак, философская традиция, безусловно, возносит специализированное сознание над обыденным и отождествляет первое с культурным («верхом»). Однако позволим себе несколько помедитировать с окончательными выводами и сверим традиционные оценки с теми, которые вытекают из современного анализа структурных элементов культуры и ее коммуникативных процессов. При этом примем в расчет то обстоятельство, что качества, отмеченные нами как ведущие для специализированного и обыденного сознания, имеют амбивалентную природу, о чем мы уже говорили выше. Амбивалентность проявлений специализированного сознания наталкивает нас на мысль о наличии «низкого в высоком». В свою очередь, обыденное сознание, проявляя ту же склонность к амбивалентности, способно демонстрировать «высокое в низком».

Так, авторство специализированного сознания, связанное с выявлением индивидуального персонифицированного начала в творчестве, нередко вырождается в элитарность, то есть качество с ярко выраженным отрицательным культурным значением: творческая личность способна отчуждаться от народной жизни, от забот простого человека. Автор может хлопотать на мизерной грядке своих специализированных занятий, забывая о злобе дня или делая вид, что его не касаются жгучие социальные проблемы действительности.

Сколько прочувствованных слов сказали древние философы в доказательство тождества философской теории и практической мудрости, но единство слова и дела (как неперемненное условие такого тождества) было безвозвратно утеряно, и все рассуждения на эту тему представляли всего

лишь благими пожеланиями, чистым долженствованием. «Философия же учит делать, а не говорить, – глубокомысленно изрекает Л.А.Сенека, – она требует каждого жить по ее законам, чтобы жизнь не расходилась со словами и сама из-за противоречивых поступков не казалась пестрой. Первая обязанность мудрого и первый признак мудрости – не допускать расхождений между словом и делом и быть всегда самим собой»⁶². Увы, где это единство на протяжении двух тысяч лет, прошедших после того, как была сказана эта красивая фраза. Если оно еще и обнаруживалось иногда в жизни отдельных мыслителей, то в отношении подавляющего большинства культурного «верха» это требование является просто пустым звуком.

Рефлексивность, вносящая гармонию, устойчивость, ясность и силу в специализированное творчество, укрощающая недисциплинированное мышление, безумные страсти и наивные желания, имеет и свою обратную сторону. Подавление бессознательного интуитивного порыва или спонтанного поступка, не вписывающегося в обычное поведение, вытеснение любого «незапланированного» чувства, необычного желания таит в себе пороки бездушного лицемерия, холодной расчетливости и коварной казуистики. Резкую критику утери естественности, искренности («ученым») сознанием давал Л.Н.Толстой⁶³. За искренность художественного произведения как результат не умствования, а непосредственного внутреннего чувства ратовал П.И.Чайковский, критикуя предвзятость в творческом кредо Р.Вагнера⁶⁴. Древнегреческие философы первыми утратили наивность и непосредственность восприятия действительности, они же первыми и осознали свое новое положение и страстно стремились вернуться к непосредственной жизни простых людей. Однако это было уже невозможно ни для них, ни тем более для представителей специализированного сознания последующих эпох. Пути рефлексии отделяли идеологов от масс так же надежно, как веревки, которыми Одиссей был привязан к мачте, как воск, плотно закупоривающий уши гребцов и мешающий им впасть в искушение пением сирен.

Картина культурных процессов будет не полна, если мы, рассмотрев явление «низкого в высоком», не обратим внимание на «высокое в низком». Объективный взгляд заставляет нас увидеть в обыденном сознании не только слабые, но и сильные стороны. Прежде всего следует отметить, что если творчество в сфере специализированного сознания нередко несет на себе печать изначальной заданности и холодного профессионализма, то природно-стихийный, наивный характер придает обыденному сознанию (например, народной поэзии, фольклору) особый колорит непосредственности и задушевности. Наверное, это имея в виду, А. де Сент-

Экзюпери воскликнул: «Достаточно услышать крестьянскую песню XV века, чтобы почувствовать, как низко мы пали»⁶⁵.

Нет необходимости доказывать продуктивность народного сознания, хотя, во-первых, исторически менялся классовый состав его субъекта (родоплеменные общности, крестьянство, пролетариат, мелкая буржуазия), а во-вторых, капиталистическая действительность отделила труд художника, архитектора, скульптора от труда людей, создающих украшения жилища, костюм, утварь, мебель, выпивку, что, несомненно, подорвало древние народные основы искусства⁶⁶.

Власть рутины над повседневностью имеет свои границы. За ее пределами начинается область, где обыденное сознание поднимается над прозой жизни, где прерывается утомительная будничность и начинается иное время – время досуга. Досуг необходим для восстановления физических и духовных сил работников, для передачи жизненного опыта подрастающим поколениям, для реализации творческих потенций народа, его извечного и неукротимого стремления к высокому.

Народными формами досугового времени являются: праздник, игра, школьные занятия, спортивные состязания и т.д. Среди всех этих видов свободного времяпрепровождения праздник оказывается более древним, включающим в себя как моменты те формы, которые затем получают самостоятельное существование. Так, гомеровский пир служит, как мы уже говорили, средоточием нескольких видов деятельности: жертвы богам, застольные речи (славословие богов и героев), соревнование атлетов, выступление певцов. Большим богатством досуговых форм деятельности располагает не только пир, но и торг, например, русская ярмарка.

Праздник – кульминация досугового времени прежде всего потому, что празднества всегда связаны с переломными моментами в жизни природы, общества и человека. По М.М.Бахтину, праздник – время перемен, обновления и творчества⁶⁷. Конечно, кризисные моменты в природе первичны по отношению к общественной жизни человека, но они оказываются общественно значимыми лишь благодаря подспудным изменениям, накапливаемым в общественной практике, в материальном производстве, в духовной жизни людей. Праздник есть высшая точка досугового времени еще и потому, что на него приходится взрыв продуктивных, творческих сил народа. Так, например, М.А.Некрасова замечает, что «еще совсем недавно в кишлаке Егиде (Таджикистан) обжиг лепной посуды сохранял следы древнего производственного праздника»⁶⁸.

Доказывать, что художественная культура народа сохраняет и сегодня живое и заинтересованное отношение к красоте, нравственные его чув-

ства – к добру, а религиозные представления – к святости, значит ломиться в открытые двери. Мы хотим здесь лишь подчеркнуть универсальность и позитивность влияния народной культуры на все виды специализированного сознания, включая сюда ко всему прочему и науку. Подобно тому как среди народной культуры вычлениются ее художественные, нравственные, религиозные элементы, можно говорить и о существовании «народной науки» – того народного опыта, того первого взноса в человеческую сокровищницу знания, благодаря которому потом становится возможным быстрый рост капитала науки как профессионального вида деятельности. «Всякая наука, – писал А.А.Потебня, – коренится в наблюдениях и мыслях, свойственных обыденной жизни; дальнейшее ее развитие есть только ряд преобразований, вызываемых первоначальными данными, по мере того как замечаются в них несообразности»⁶⁹.

Народный вклад в научное познание исследователи находят в истории, психологии, медицине, биологии и т.д. Так, например, немецкий психиатр Э.Кречмер начинает свою известную монографию размышлениями о народных наблюдениях над связью между строением тела и характером. Он пишет, что «у простого народа черт обычно худой с тонкой козлиной бородкой на узком подбородке, между тем как толстый дьявол имеет налет добродушной глупости. Интриган – с горбом и покашливает. Старая ведьма – с высохшим птичьим лицом». И далее Э.Кречмер делает характерный вывод: «Возможно, что эти образцы, которые выкристаллизовались в народной фантазии благодаря многовековой традиции, являются объективными документами психологии народов, результатом массовых наблюдений, которым, может быть, и ученый должен уделить некоторое внимание»⁷⁰.

Вообще нет ни одной области научного, философского, нравственного, политического, художественного, экономического, медицинского знания, в которое не проникал бы разговорный язык, бытовая лексика и вместе с ними народная, житейская мудрость. Продуктивность «чистого» сознания ассоциируется обычно с его авторским, личностным, персонифицированным характером. Однако и анонимное народное творчество способно быть продуктивным в самых разнообразных областях культуры. Учитывая все это, можно сказать, что суровые обвинения, предъявляемые обыденному сознанию, исходят прежде всего из того, что оно имеет иную социальную базу, если сравнить его со специализированным сознанием. Кроме того, «чистое» сознание обладает правильностью, рефлексивностью, авторским характером по причине его специализированности, в силу того, что оно – продукт особой институционализированной формы деятельности, а обыденное сознание, имея иную социальную природу,

проявляет противоположные качества – наивности, традиционности и анонимности.

Таким образом, за низкой оценкой обыденного сознания, как нам кажется, прячется всего лишь известная социальная иерархия разных субъектов. Упреки в адрес обыденного сознания тавтологичны той мысли, что оно не является «чистым», что оно не похоже на сознание, всегда выступавшее как «высокое» в силу его социального статуса. Претензию представителей «специализированного» сознания на культурный «верх» вряд ли следует считать обоснованной, адекватной действительным реалиям духовной жизни, аксиологической структуре культуры. Однако сама установка на приоритет со стороны представителей «чистого» сознания существует, с ней следует считаться как с фактором, усложняющим проблемы аксиологического анализа культуры.

Есть еще одно обстоятельство, которое нельзя не учитывать, рассматривая уровни общественного сознания. До сих пор в нашем исследовании были представлены стороны общественного сознания, выступающие в виде двух феноменов с набором противоположных свойств. Реальная духовная жизнь общества богаче, и пространство между двумя полюсами, обозначенное нами как специализированное и обыденное сознание, – это не вакуум. Со времен В.Вундта, Г.Тарда, Г.Лебона, Н.К.Михайловского и других основоположников социальной психологии постепенно вызревает мысль, что духовная жизнь общества разворачивается в процессе взаимодействия многих субъектов духовной активности, что в ней осуществляется сложная социокультурная динамика.

Уже в начале XX в. Г.Тард зафиксировал невиданную мощь газеты, ее всемирную роль. Всасывая в себя, подобно исполинскому насосу, частные мнения и последовательно превращая их сначала в местные, потом в национальные, а затем и интернациональные, газета создает напор общественного мнения, сметающий все на своем пути. «Не нужно удивляться, – пишет он, – видя, как наши современники сгибаются над напором налетающего вихрем общественного мнения»⁷¹. Власть газеты делается тем больше, чем больше становится круг ее читателей. В свою очередь, число читателей возрастает тем сильнее, чем полнее газета удовлетворяет потребность в выражении их мнения. Развитие СМК в XX в. по-новому поставило проблему духовного производства, а значит, возникла необходимость вернуться к вопросу о «верхе-ниже» культуры.

Появление и развитие СМК разрушило классическую модель структуры культуры и традиционную схему социокультурной динамики. Творцы и функционеры СМК осознали себя обитателями культурного Олимпа. Интеллектуальная деятельность приобрела массовый характер, предста-

вители творческой интеллигенции стали наемными работниками, продающими свои знания, способности, а иногда и принципы. Специфические условия организации современного капиталистического общества связаны с вытеснением интеллектуальности. Как писали советские философы в начале 70-х годов, «ощущение призванности, монопольной приобщенности к истине, которое современный интеллигент наследует из классической культуры, уже не подтверждается отношениями его общественно-го бытия»⁷².

Сегодня проблема поиска истины не может быть удовлетворительно поставлена вне вопроса о формах коммуникации и рецепции знания. Вопрос «кто и как приумножил знание?» сопряжен с вопросами: куда и кому это знание адресовано, как оно движется в обществе, кто его воспринял и т.д. Таким образом, идея культурного «верха-низа», обретая динамические, коммуникационные свойства, теряет вместе с тем их абсолютные значения как фиксированные и неподвижные точки социума. В XX в. идея относительности постепенно пропитывает все области культуры и приходится исследовать ее структуру и динамику, отбросив мысль об абсолютном и неподвижном источнике духовных ценностей в обществе, о их стабильном и неизменном существовании. «Высокое» и «низкое» в культуре, несомненно, существуют, но эти уровни обусловлены не социальным статусом субъектов духовной жизни. Мы в данном случае присоединяемся к позиции А.Вебера и считаем так же, как и он, что культура проистекает из недоступных рациональному обоснованию сущностей, которые проявляются в человеческом творчестве культуры. Создание культуры есть «конкретное формирование имманентного нам, людям, трансцендентного в данном историческом материале исторической жизни через огонь человеческой души»⁷³.

Часть III
**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ЦИКЛ КОММУНИКАЦИИ:
СВЯЗЬ «ВЕРХА» И «НИЗА»**

Только во взгляде человека на человека загорается свет сознания и ума.

Людвиг Фейербах

Глава 1
**КОММУНИКАТИВНЫЕ И РЕЦЕПТИВНЫЕ
СВОЙСТВА СОЗНАНИЯ**

**ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ
КОММУНИКАТИВНОГО И РЕЦЕПТИВНОГО НАЧАЛ В КУЛЬТУРЕ**

Сознание формируется и живет в стихии общения людей как в социальном, так и в индивидуальном планах. Это утверждение одинаково справедливо для специализированного и для обыденного сознания, однако общение в сфере специализированного сознания сложнее, ибо оно отягощено влиянием институционализированных форм «духовного производства», в рамках которого оно и развивается, тогда как общение в пределах обыденного сознания проще, свободнее, естественнее по своим психологическим основам. К.Маркс как-то заметил, что ключ к пониманию анатомии обезьяны лежит в анатомии человека. В данном случае более уместным представляется применение этого эвристического правила в обратном порядке. Мы полагаем, что закономерности обыденного общения способны пролить свет на особенности общения другого типа, но не наоборот, ибо тенденции, заложенные в глубинах обыденного общения, всегда реализуются лишь частично и односторонне за пределами непосредственного неформализованного общения людей, их разговора друг с другом.

Любая форма сознания немыслима без трансляции ее продукта в качестве определенной культурной информации. Поскольку она, становясь достоянием все новых и новых реципиентов, претерпевает неизбежные

изменения – она проявляет свои рецептивные свойства. Коммуникативные и рецептивные свойства культурной информации оказываются взаимно связанными, как бы двумя сторонами одной медали. Сознание возникает одновременно со стремлением передать его содержание другим людям. В свою очередь, процесс передачи, с одной стороны, связан с попытками отправителя информации придать ей коммуникативную форму, превратить данные своего сознания в род того, что сообщается. С другой стороны, процесс передачи сообщения подразумевает духовные усилия получателя информации, которые он должен затратить, чтобы понять сообщаемое.

Коммуникативность и рецептивность всех форм сознания есть вполне установленный факт лингвосоциопсихологии, теории коммуникации и информации, науковедения, педагогики и т.д. Мы хотим углубить это общеизвестное положение до его метафизических оснований и сформулировать такие вопросы: почему писатель пишет книги, астроном исследует звезды, художник рисует картины и почему «новое слово должно быть не только произнесено, но и услышано»?¹ Ответы на эти вопросы приводят нас к фундаментальным категориям человеческого существования – к творчеству и свободе, которые имеют прямое отношение к реализации сущности человека.

Смысл своей деятельности писатель видит в художественной реальности, которую он стремится воплотить в создаваемой книге. Но утвердиться в сознании своей творческой мощи, в объективности содеянной культурной ценности он способен лишь в мнении читателей. Произведение писателя призывает и организует читателя на участие в творчестве, которое никогда не может быть оконченным². Творчество любого сознания вместе с индуцированным сотворчеством читателей, слушателей, зрителей обнаруживает свободно избираемое стремление людей к абсолюту, к Богу (к Истине, Добру, Красоте).

С тех пор как Диоген Синопский появился на Истмийских играх в соновом веке и объявил себя победителем телесных наслаждений, бедности и земной бренности, связь человеческого с небесным, приоритет духовного над материальным можно считать утвердившимся в европейской традиции. Когда писатель замышляет тему нового произведения, режиссер выбирает драматургическую основу для спектакля, архитектор думает, какой облик придать строящемуся комплексу и т.д., то суть всей духовной активности сводится в конечном итоге к одному – к определению того, что ценно. Понятно, что задача заключается не только в свободном выборе, но и в творческом поиске, в открытии ценного в мире. Культура, духовная жизнь человека нуждаются в источнике, выходящем за преде-

лы его конечного, земного существования. Человеческая душа, как пишет Г.С.Померанц, корнями уходит вниз – в тело, в общество, а ветвями и листьями – вверх, в небо, в вечную жизнь³. Чувствуя свою связь с небом и землей, человек реализует ее в общении с Богом и с людьми⁴.

Общение в сфере обыденного сознания протекает между людьми непосредственно, лицом к лицу в форме, которую Г.Тард назвал разговором. «Под разговором, – писал Г.Тард, – я разумею всякий диалог, не имеющий прямой и непосредственной пользы, когда говорят больше для того, чтобы говорить, для удовольствия, для развлечения, для вежливости. Такое определение исключает из интересующего нас предмета и судебные допросы, и дипломатические и коммерческие переговоры, и соборы, и даже научные конгрессы, хотя они изобилуют излишней болтовней»⁵. Г.Тард отмечает в качестве важнейшего момента обыденного общения то повышенное внимание, вызванное разговором, которое заставляет входить собеседников «в сближение друг с другом путем настолько же неотразимым, насколько и бессознательным»⁶. Разговор консолидирует людей, он, как говорил Лис, персонаж известного произведения А. де Сент-Экзюпери, является средством «приручения» людей, он позволяет создать узы, объединяющие людей глубинными духовными связями.

Общение, субъектами которого выступают представители специализированного сознания, если отвлечься от контактов чисто профессиональных, обращено не к «ближнему», а к «дальному» и поэтому оснащено особыми средствами коммуникации. Первые формы, в которые выливалась информация, выработанная культурным «верхом», были связаны в цивилизованном обществе с институтами письменной речи. Почта, библиотека, музей, школа как раз предназначены для продвижения культурных ценностей в самую глубь общества. Ту же функцию (наряду с другими) выполняли институты художественного творчества, церковь, судебные и медицинские учреждения. Особенно красноречива роль информационных посредников, которую играют современные средства массовой коммуникации и информации: печать, журналы, газеты, радио, кино, телевидение, INTERNET.

Если бы в предшествующих главах книги не была подчеркнута социокультурная противоположность между специализированным и обыденным сознанием, то проблема их единства, проблема общения (и понимания) не предстала сейчас перед нами во весь свой полный рост, не обнаружила бы всю свою громадную величину. Проблема общения и понимания социокультурной информации – действительно громадная проблема, когда мы взглянем на нее одновременно с двух полюсов: с позиции «высокого» и «низкого» сознания и убедимся, что их разделяет большая дис-

танция. Методологическая ценность идеи уровней общественного сознания заключается в данном случае в том, что она открывает более глубокий пласт проблемы общения и понимания как явления прежде всего социального, т.е. как взаимодействия людей, принадлежащих разным общественным группам, слоям, не только подчас далеко отстоящим друг от друга в одной социальной плоскости, но и разнесенными по вертикали, занимающим разные ступени социальной лестницы.

И специализированное, и обыденное сознание объективно нуждаются друг в друге, жаждут соединиться: литератор – с читателем, художник – со зрителем, богослов – с мирянами, политический лидер – с электоратом, звезды спорта – с болельщиками и т.д. Таким образом, общение заложено в структуре общественного сознания как необходимая посылка его реального функционирования. Но слишком уж непохожи друг на друга эти два слоя населения – производители и потребители идей.

В разные века существовали авторитетные мнения, осуждающие саму идею общения «низкого» сознания с «высоким». Напомним, что особенно этим грешили философы, которые считали, что мудрость самодостаточна и ученый муж должен довлеть себе, хранить гордое одиночество в созерцании истины. Как типичное в этом смысле можно привести мнение А.Шопенгауэра. «Мысли выдающихся умов, – писал он, – не переносят фильтрации, совершаемой ординарными мыслителями. Рожденные за просторными, высокими, красиво очерченными лбами, под которыми сияют лучистые глаза, они теряют всякую силу и жизнь, теряют сходство с самим собой, когда их перемещают в тесную обитель, под низкую кровлю узких, сдавленных черепов с толстыми стенами, из-под которых всматриваются в окружающее тупые направляемые на личные интересы взоры»⁷.

Следует различать несколько видов социокультурной коммуникации. А.Моль говорит, во-первых, о «канале культуры», беря в качестве одного из них ту область культуры, которая оказывается непосредственно связана с конкретным физическим способом передачи сообщений – с помощью радиопередатчиков и приемников, кинолент, грампластинок и т.д. Во-вторых, он использует понятие «ответвление» культуры, под которым он понимает область определенных культурных форм, которые могут пользоваться разными каналами СМК. «Так, например, – читаем мы в «Социодинамике культуры», – ответвление письменной культуры может воспользоваться для передачи своих сообщений кинолентой, микрофильмом, плакатом, книгой, журналом, телевизионным экраном (фототелеграф) и т.д.»⁸

В советской философской литературе с 70-х годов стало вводиться понятие социально-художественной коммуникации, которое воспринималось

как вид культурной коммуникации наряду с распространяющимся в обществе научным знанием. А.Ф.Еремеев рассмотрел целый ряд условий для осуществления социально-художественной коммуникации⁹. В те времена вопросы о трансляции и восприятии художественной информации в обществе обществоведами обсуждались явно недостаточно. Тогда же В.С.Мейлах писал, что «хотя восприятием искусства интересовались всегда, от Аристотеля до нашего времени, все же до сих пор эта проблема не только не заняла в науке подобающего места, но во всем объеме даже не поставлена»¹⁰.

Парадоксально, но термин, который бы отражал распространение научных знаний в обществе, не возник до сих пор, хотя понятия научно-популярной, научно-фантастической, научно-художественной, учебной литературы, которые по смыслу должны входить в состав этого более общего термина, давно существуют и широко используются в науковедческих, литературоведческих, педагогических работах¹¹. По аналогии с социально-художественной коммуникацией распространение научных знаний в обществе можно назвать социально-научной коммуникацией. К тому же следует признать, что социально-художественная и социально-научная коммуникация далеко не исчерпывают все виды социокультурной информации. Очевидно, что их никак не меньше, чем видов культуры. Кроме того, социокультурная информация, несмотря на специфические особенности ее отдельных видов, обладает определенными общими свойствами, часть которых представляют для нас особый интерес.

Мы уже отмечали, что передача информации связана с необходимостью ее трансформации. Ряд приемов, лежащих в основе процедур обработки научных и других специализированных текстов, облегчающих их восприятие и понимание непрофессиональными читателями (вообще реципиентами), называется популяризацией¹². Популяризация в той или иной форме затрагивает любой коммуникативный процесс, связывающий культурный «верх» с «низом», специализированное сознание с обыденным. Поэтому мы считаем популяризацию одним из неперемennых условий успешной социокультурной коммуникации, существенно влияющим на познавательские процессы в обществе и вообще на функционирование культуры.

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ КАК АСПЕКТ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Искусство распространения культурной информации оттачивалось в связи с различными социальными задачами. Уже в мусической школе

древнегреческие учителя подчищали гомеровские тексты, приспособляя их для детского восприятия. Из гомеровского эпоса удалялись стихи, «могушие, – как пишет Г.Е. Жураковский, – оказать неподходящее влияние на нравственность детей. Некоторым из этих стихов в тех же целях школьные интерпретаторы давали иносказательное толкование»¹³. В средние века в Западной Европе в связи с ростом культурного влияния христианства широкое распространение получает практика религиозного обучения, назидания и толкования Библии. Сама эта практика становится предметом специальной богословной разработки в виде особых дисциплин – катехетики, гомилетики и экзегетики.

В России первые попытки издания популярных книг, рассчитанных не на ученого, а на обыкновенного читателя, предпринимались уже по крайней мере в XVI в. «Стоглав», «Домострой», «Степенная книга», «Четьи-Миней», «Казанская история», как пишет Д.С. Лихачев, были рассчитаны на то, чтобы упразднить культурные различия в государстве¹⁴. По поводу «Казанской истории» Д.С. Лихачев приводит слова автора, в которых определяются адресаты этого произведения – это «братия наша, воины» и «простые» читатели¹⁵.

Создание популярной литературы, не уступающей по своим художественным достоинствам той, которой пользовался образованный читатель, было осознано как важная общественная задача российской демократической интеллигенцией начиная с В.Г. Белинского. Однако развернутый характер издательская деятельность, преследующая цель вовлечь в процесс чтения широкие слои трудящихся, российского крестьянина, смогла обрести лишь после отмены крепостного права и проникновения капиталистических отношений в издательское дело¹⁶. В начале 60-х годов прошлого века в российской печати стали остро обсуждаться вопросы восприятия литературы, искусства, науки самым широким и неискушенным читателем. Полемика той поры по поводу издающихся книг для народа содержит материал, представляющий большой интерес для современных исследователей проблем культурной коммуникации и рецепции.

Популяризация как аспект социокультурной коммуникации яснее всего обнаруживает себя в жизни школы. Школьное обучение резко отличается от научного познания, оно имеет свои особые закономерности и проблемы. Типичной проблемой обучения наукам в школе является проблема учебника. Какие идеи науки следует считать наиболее важными в дидактическом отношении? Как избежать большого объема учебника и одновременно ознакомить учащихся со всеми основными частями древа научного познания? Как строгие факты и сухие законы науки сделать учебным материалом, вызывающим неподдельный интерес и положительные

эмоции учащихся? Эти и многие другие вопросы прямо связаны с характером коммуникативных отношений «чистого» сознания с обыденным (природным сознанием ребенка).

Научно-популярная и учебная литература представляет собой определенный жанр благодаря заметному отступлению от канона «чистого научного» изложения. Особенность научно-популярной литературы в речевом плане заключается, как утверждает Д.Н.Шмелев, в приспособлении к более общим способам выражения, т.е. в замене специальных языковых средств общелитературными¹⁷.

Важно при этом задуматься о том, какие цели достигаются при таком сдвиге языковых средств в сторону общелитературных его возможностей. Дело здесь заключается не только в достижении тривиальной понятности лексики, но и в решении гораздо более глубоких задач. Коммуникативное содержание научного текста, если оно действительно новое, не может быть непосредственно доступным неискушенному читателю по многим причинам. Прежде всего это трудно потому, что читатель не имеет в своей картине мира подобный фрагмент реальности, перед которым оказывается ученый. Чем больше наука претендует на статус теории, чем она современнее и строже, тем менее очевидна ее логика, тем менее нагляден предмет ее анализа и тем сложнее ее превратить в учебную дисциплину¹⁸.

Это-то обстоятельство нередко упускается из виду в обсуждении вопросов популяризации научного знания, а вместе с тем упускается и сама суть популяризации как определенного жанра литературы. Например, академик А.Б.Мигдала можно понять так, что популяризация – это упрощение научного результата, сохраняющее буквально тот же самый смысл!¹⁹ Известный теоретик полагает, что научная мысль выигрывает от упрощения²⁰, что сведенная к своим элементам наука не меняет общего смысла и если «до понимания значительных явлений в искусстве нужно подняться, дорасти», то «достижения науки можно «опустить», сделать доступным для «пешеходов»²¹.

Столь же сомнительна и альтернативная позиция, высказанная С.П.Капицей, ведущим с 1973 года на ЦТ передачу «Очевидное – невероятное». Г.В.Кузнецов воспроизводит свой разговор с известным популяризатором науки, где последний утверждает, что «популяризация не есть способ изучения наук, как это многие считают». «Не надо думать, – говорит С.П.Капица, – что, просматривая передачи о науке, можно чему-нибудь научиться»²².

Думается, что эти две противоположные позиции дают возможность уловить проблему, лежащую в основе популяризации. Здесь мы встреча-

емя с явным противоречием. Ведь если бы популярное изложение сохраняло в полной неприкосновенности смысл научного исследования, то это бы рубило под корень существование сложного и дорогостоящего аппарата науки. Ведь ученых можно было бы упразднить, оставив вместо них одних популяризаторов. Напротив, если научная популяризация действительно изменяет смысл строгой науки, то по какому праву этот жанр литературы все еще продолжает свое существование? Почему оно носит высокое имя науки?

Противоречивость популяризации заключается в том, что популяризация одновременно и сохраняет, и не сохраняет (и даже намеренно нарушает, перетолковывает) исходный смысл научной продукции. Сохраняет настолько, насколько непосвященному читателю становится *понятным* то дело, которым занимаются представители науки, и нарушает в той мере, в какой научная информация делается понятной *неспециалисту*. Чем дальше неспециалист стоит от научных интересов и научного образования, тем больше нужно трансформировать смысл научного достижения, чтобы он стал доступен пониманию неискушенного читателя. Собственно популяризация и может быть успешной, поскольку она изменяет (и в то же время в определенной мере сохраняет в неприкосновенности) смысл научного достижения.

Популяризатор естествознания имеет дело не с фрагментом природы, который он должен описать и объяснить с помощью выработанных приемов и специального языка, а с «готовым» научным текстом, который он должен пересоздать, специально имея в виду фигуру предполагаемого читателя, не способного понимать научный текст в его непосредственной данности. При популяризации должен быть осуществлен смысловой переход из одной (теоретической) реальности (скажем, физико-математической) в другую (обыденную) реальность. Такой переход необходим из-за того, что, как уже говорилось, в сознании неспециалиста нет данной теоретической реальности и нет соответствующего культурного контекста для этой реальности. Мир, каким он видится специалисту и каким он дан обыкновенному читателю, рассечен по-разному. Белые пятна науки не имеют жизненного значения для простого читателя, они представляются ему диковинными, чужими, «не его ума делом». Поэтому предлагаемая популяризатором мысленная реальность должна утратить свою странность, чужеродность и эмоциональную нейтральность и лечь на что-то уже знакомое, привычное, но вызывающее эмоциональный резонанс в душе неискушенного читателя. Отсюда тяга к аналогиям, к которым постоянно прибегают популяризаторы. Аналогии всегда носят вынужденно нестрогий характер – ведь сопоставляется несопоставимое.

К примеру, атомная структура в научно-популярной литературе сравнивается с гелиоцентрической, что вызывает кривую усмешку специалистов. Ведь поведение электронов в атоме подчиняется законам квантовой механики, в принципе отличающейся от законов обычной, земной, соразмерной человеку механики. Но что же делать? Тот, кто хочет вполне овладеть понятиями квантовой механики, должен обратиться к самой теоретической реальности, т.е. с головой окунуться в науку и стать тем самым ученым специалистом. Тот, кого устраивает популярное изложение, не вправе рассчитывать на что-то большее, чем «неосновательные» аналогии.

В.С.Аллаярова и Л.Н.Коган совершенно правы, когда они пишут, что «автор научно-популярной статьи или книги имеет дело всегда с самым «верхним» порогом доступности, с той трудноуловимой гранью, где кончается доступное для неспециализированного сознания, где, кажется, еще шаг – и мы, неспециалисты, не поймем, о чем идет речь. Но опытный и талантливый популяризатор как раз этого шага и не сделает»²³. Правда, В.С.Аллаярова и Л.Н.Коган не замечают, что при этом уровень понимания (и сознания) массового читателя тем не менее не может все-таки подняться до уровня специалиста: между ними всегда остается «ничейная земля», которую и пытается освоить популяризатор, заполнить своим сознанием (и пониманием). Поэтому популяризатор – посредник, связывающий собой (своим сознанием) два этих противоположных уровня.

Популяризатор не может совершить чуда, т.е. абсолютно строго научно и в то же время доступно для «пешехода» объяснить, что делает ученый. Общаюсь с простым читателем на самом «верхнем» пороге доступности, популяризатор как специалист образовательной деятельности вводит его не в мир науки, а в сферу образованного сознания. Научно-популярная литература образовывает простого читателя, а не превращает его в деятеля науки.

По отношению к науке (к специализированному сознанию) популяризация – книги, журнальные и газетные статьи о научных достижениях, хрестоматии, сборники цитат, учебники и т.д. – это, несомненно, снижающий жанр литературы и в этом смысле жанр неблагодарный, как бы бросающий тень на всякого, кто вздумает за него взяться. Вместе с тем в популяризации заключен большой гуманистический смысл: приобщение к высокой миссии науки простых людей, которые могут если не вполне понять и квалифицированно оценить, то хотя бы почувствовать тяжесть проблем и радость их решения. Кроме того, популяризация, если ей занят сам ученый, позволяет ему более естественно и прямо изложить те мотивы, которыми он руководствуется в своей научной работе, но которые тем

не менее остались за пределами его научной публикации. Популяризация достигнутого знания – важнейшая социальная функция образовательной сферы общества.

ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ

Важнейшим признаком эффективности коммуникативного процесса в обществе является феномен понимания. Категория понимания уже в XIX в. выдвинулась на передний край философских дискуссий, философская борьба по этому поводу продолжается и сегодня²⁴. Трудно переоценить роль понимания в жизни людей. «Если когда-нибудь будет написан гимн для всего человечества (кажется, этого уже недолго ждать), в нем, наверное, будут слова: «Понимание, понимание превыше всего». Ведь без понимания реальности, без понимания друг друга люди просто не смогли бы существовать», – так начинает свою книгу, посвященную психологическим аспектам герменевтики, А.А.Брудный²⁵. Несмотря на то, что в настоящее время в литературе достаточно определенно высказываются мнения об актуальности философского осмысления понимания, его четкий категориальный статус пока отсутствует. Наверное, здесь было бы неуместно развертывать концепцию понимания целиком. Мы уделим внимание лишь таким аспектам, которые, на наш взгляд, развивают логику данной работы.

В отечественной литературе уже высказывалась мысль, что понимание следует рассматривать не только как аспект взаимоотношений индивидов, но и как важную характеристику функционирования социальных связей²⁶. Психологически понимание дает о себе знать в общении двоих, но было бы опрометчиво ограничиваться только этим фактом его репрезентации, потому что существенное свойство понимания заключается не в том, что общаются индивиды, а в том, что в этой форме происходит контакт, диалог, общение людей, занятых разной деятельностью, обладающих разным культурным багажом, разным статусом, разной картиной внутренней психической жизни.

Понимание – феномен дистанцирования людей: чем больше культурная, национальная, социальная, психологическая дистанция, тем более ярко должен сверкнуть луч понимания, рассеивающий мрак отчуждения между людьми. Коллизии понимания в рамках людей одной культурной среды дают либо стертые, либо мелочные формы именно в силу существующего сходства образа жизни, культуры, профессиональной деятельности, социального окружения, быта, языка и т.д. Дистанцирование как неизбежное условие для самой потребности в понимании является цели-

ком культурным, историческим качеством социальной среды. «Действительное общение и взаимное понимание индивидов, – писал К.Р.Мегредидзе, – предполагает известную долю отдаления их друг от друга и наличие у них различного содержания сознания»²⁷. Понимание предполагает непонимание, оба эти состояния духовной жизни людей постоянно воспроизводятся культурой²⁸. Конечно, и в рамках одной культурной группы существуют препоны для общения и понимания, но они не идут ни в какое сравнение с теми проблемами, которые обнаруживаются в коммуникативных процессах, связывающих уровни общественного сознания. Типичным образом таких проблем может служить рассмотренная выше картина распространения в обществе научных знаний.

Прежде всего трудность в понимании научного знания неспециалистом заключается в сложности переноса предметной информации, в необходимости ее семантического сдвига в область реальности, более привычной для сознания обыкновенного читателя. Упрощение, которое всегда имеется в виду, когда говорят о популяризации, прежде всего предполагает именно эту операцию переноса предметных значений из одной малоизвестной, непривычной области в другую, хорошо известную, привычную, то есть из теоретической в бытовую и наоборот. Понимание всегда предполагает определенную долю наглядности, чувственной представимости, которые опираются на активность сенсорной чувственности человека.

Доступность научного текста затрудняется, кроме того, тем, что у ученого и массового читателя не совпадают оценки важности воссоздания субъективной картины моделируемой реальности. Обыкновенный читатель, для того чтобы ему удалось вполне проникнуться духом новой научной идеи, должен почувствовать ее ценность. Поэтому научный текст следует преобразовать так, чтобы он оказался наполненным личностным пафосом, смысложизненными суждениями, эмоциональной оценочностью. Эмоции – важный дидактический и герменевтический фактор. Поскольку при популяризации допускаются упрощения, то неизбежно нарушается строгость логического и фактологического обоснования научных выводов. Эмоции помогают создать должную суггестивную атмосферу, без которой понимание текста не состоится.

Эмоции – это не только психологический, риторический или диалектический механизм, способный лишь внешним образом увлечь душу читателя, повести его за собой. Эмоции потому и способны психологически захватывать, что они – вестники определенных культурных ценностей. Ведь и неискушенный человек обращается к чтению, интуитивно видит в нем приобщение к высокому и надвременному. Как свидетельствует

В.А. Чивилихин, в одном из болгарских сочинений IX века была сформулирована следующая просветительская идея: «Возлюбите книги, ибо им суждена вечная жизнь!»²⁹. Эмоциональность органично присуща литературному тексту, предмет которого всегда высок, всегда господствует над повседневностью.

Для того чтобы обыкновенный человек понял существо научной идеи, его следует ознакомить и с целями данного открытия. Чему может послужить новое знание, как оно может изменить жизнь рядовых членов общества – эти вопросы существенны для массового читателя и могут заметно повлиять на процесс понимания научного достижения. Читатель надеется, что его целевая установка совпадает с общественно значимыми целями, а наука способствует их достижению. Поэтому всякое новое научное открытие, если оно становится популярным, вписывается в круг надежд и ожиданий простого человека. Воля людей – непреременный участник процессов понимания.

Таким образом, понимание зависит не только от мышления, а опирается на все элементы индивидуального сознания. Более того, понимание не столько результат познавательной деятельности, сколько свойство общественных связей людей. Проблема понимания – это всегда проблема преодоления социальной, культурной, национальной, психологической дистанции между людьми. Понимание – это отнюдь не только индивидуальный процесс, не только интимное, психологическое событие. Оно выполняет важные общественные, публичные функции, самая коренная из них – консолидация духовной жизни общества.

Основой для понимания людей людьми выступает то, что делает их единым субъектом истории. В объективном плане такой основой являются нужды материального производства, необходимость изменения общественных отношений; в субъективном – общее восприятие действительности, единое ценностное осознание мира, сходные цели в изменении общественного бытия. Но та и другая платформа единства предполагают деятельность людей и, в частности, общение. Понимание – результат общения, диалога различных субъектов. «Всякое понимание диалогично», – справедливо утверждал В.Н. Волошинов³⁰. Но в общении, диалоге каждый участник может быть услышан лишь как равный другим.

Обусловить сопереживание другого, заставить его почувствовать значимость какого-то явления жизни может только человек знающий, что есть другие, уважающий их, настроенный на общение с другими и на понимание другого. Общение представителя специализированного сознания подчинено производству идей. К примеру, общение естествоиспытателя с широкой общественностью отодвинуто на второй план, его внима-

ние сконцентрировано на идее природы. Как будет принята, оценена и понята эта идея, его до поры до времени не волнует. Внимание же работников образовательной сферы (например, учителя, врача, юриста) с самого начала и до конца приковано к тем, кого они призваны обучить, воспитать, вылечить, оправдать (или осудить), известить, духовно спасти и т.д.

Индивидуальное понимание значимо для всех (например, в бытовой его форме), но оно становится общественной категорией для тех, кто практически решает эту проблему в ходе выполнения своих профессиональных обязанностей. В цивилизованном обществе существует такая социальная группа, которая служит посредником между различными культурными слоями, для которой понимание оказывается симптомом ее продуктивной активности. Для этой группы общение – суть профессиональных обязанностей. Общение (в частности, речевое общение) – специальность для работников образовательной сферы. Успех их профессиональных усилий прямо вытекает из успешной коммуникативной деятельности, словесной работы с аудиторией, с конкретными людьми.

Глава 2

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СФЕРА ОБЩЕСТВА

Общение представителей специализированного и обыденного сознания, например, ученого человека с неграмотным обычно не представляет интереса для науковедов и, возможно, не без оснований, ибо такого рода контакты на первый взгляд кажутся бессмысленными. Но являются ли они таковыми на самом деле? Этому вопросу мы и уделим здесь некоторое внимание. В его решении нам поможет художественная литература, так как писатели иногда бросают любопытный взгляд на такого рода встречи знатоков с профанами. Для художников слова вообще столкновение крайних позиций и характеров – выигрышный случай, позволяющий извлечь из него драматический эффект: комический, гротескный, трагический.

Один из примеров мы позаимствуем из «Дара» В.В.Набокова. На страницах этого романа автор рисует фигуру крупного ученого-энтомолога XIX в. и, в частности, изображает сцену традиционного открытия исследовательского сезона членов Русского энтомологического общества. В начале апреля великие знатоки насекомых, маститые ученые мужи выезжали за город и там на Черной речке, в березовой роще искали первые экземпляры бабочек и другую живность. Среди этих пожилых, семейных людей, сосредоточенно и осторожно колдующих в апрельском лесочке, был и старый театральный критик, и врач-гинеколог, и профессор между-

народного права, и генерал. И как бы в заключение этой сцены автор от лица рассказчика замечает: «До сих пор меня занимает мысль, что думали обо всем этом ожидавшие на дороге кучера?»³¹. Итак полное невнимание и равнодушие друг к другу, несмотря на пространственное сближение и совместное участие в одной акции двух социокультурных групп. Перед нами случайная, стихийная, никем заранее не предусмотренная встреча представителей специализированного и обыденного сознания. Эта сцена – образец фатического общения, она вполне пуста и бесплодна.

Эту немую сцену – ученые молча искали насекомых, кучера так же молча наблюдали нелепое поведение внешне приличных людей – мы хотим дополнить другой, но снабженной словесной реакцией одной стороны, где вновь сталкиваются два противоположных сознания, два противоположных полюса культуры. Разоблачительный комментарий исчерпывающе демонстрирует бесплодность прямого непосредственного общения «верха» и «низа» культуры. В данном случае речь пойдет о некоем уральском казаке, служившем в конце 20-х годов XIX в. при канцелярии пермского губернатора, т.е. именно в то время, когда знаменитый путешественник и естествоиспытатель А.Гумбольдт принял приглашение императора Николая I и снарядил научную экспедицию в азиатскую часть России. Уже упомянутому нами казаку пришлось по долгу службы участвовать в экспедиции, после которой тот любил рассказывать, «как он провожал сумасшедшего прусского принца Гумплота». «Что же он делает?» – «Так, самое, то есть, пустое: травы наберет, песок смотрит; как-то в солончаках говорит мне через толмача: полезай в воду, достань что на дне; ну, я достал, обыкновенно, что на дне бывает, а он спрашивает: что, внизу очень холодна вода? Думаю – нет, брат, меня не проведешь, сделал фрунт и ответил: того, мол, ваша светлость, служба требует – все равно, мы рады стараться»³².

Эти два эпизода из российской жизни призваны пояснить нашу мысль о необходимости опосредствующей фигуры между представителями «верха» и «низа» культуры, о необходимости особого рода деятельности, особых усилий по преодолению смыслового пространства между культурными полюсами. Сама по себе эта дистанция не может исчезнуть. Ученый, общаясь с невеждой, как минимум, должен взять на себя роль учителя, способного заинтересовать результатами научного познания «темного» человека, а неграмотному, если он хочет общаться со специалистом, нужно проявить любознательность и желание чему-то поучиться. Из существования «низа» и «верха» в общественном сознании вытекает потребность в особом культурном субъекте, в определенных социальных инсти-

туда, в особое сознание, связывающих обыденное и «чистое» сознание. Нужен социальный механизм прямой и обратной связи, позволяющий осуществлению культурной коммуникации. Этими социокультурными феноменами являются образованная общественность, образовательная деятельность, образованное сознание и образовательные институты.

Вопрос о звене, соединяющем культурные «верх» и «низ», уводит нас в историю новоевропейской философии XVII–XIX вв. В уже упоминавшейся работе Ж. А. Кондорсе «Эскиз человеческой картины прогресса человеческого разума» дается четкая схема, согласно которой в обществе существуют три уровня сознания. Сознание народа и сознание философов образуют две крайние позиции – низшую и высшую, – соединяет которые сознание образованных людей, «общая доктрина которых образует... род верования, всеми признаваемого и именуемого общественным мнением»³³.

Между обыденным и теоретическим сознанием Гегель помещает «образованное сознание». Это сознание человека, занятого культурным развитием своей индивидуальности, это сознание, которое у разных индивидуумов мы застаем на разных отрезках пути от природной единичности к конкретной духовной всеобщности. Видит ли Гегель за этой схемой из трех сознаний конкретный исторический (социологический) материал? Несомненно. Он прямо указывает на существование в обществе трех условий: природного, рефлексивного, мыслящего, в которых можно угадать субъектов материального производства и носителей образованного и теоретического сознания³⁴. Примерно в том же смысле промежуточного звена между крайними точками развития сознания – об «образованных и просвещенных людях» и их мышлении говорит В. С. Соловьев. Это социальная группа людей, «отделившихся вследствие большого формального развития умственной деятельности от непосредственного народного мировоззрения, но не достигших цельного философского сознания»³⁵. Народное и философское сознание – две разновидности цельного, органического сознания, сознание же образованных людей В. С. Соловьев называет механическим³⁶.

Образованное сознание в работах К. Маркса и Ф. Энгельса стало прочно связываться с определенными социальными силами, с господствующей верхушкой эксплуататорского общества. Отсюда у классиков марксизма мы обычно находим ироническое отношение к образованному сознанию, образованным людям, образованной общественности³⁷. Однако К. Маркс и Ф. Энгельс прекрасно понимали, что государство победившего пролетариата не может обойтись без «образованной» публики, т. е. специалистов в области техники и медицины, юристов и учителей³⁸.

Известно, что В. И. Ленин резко бичевал пороки «образованных лю-

дей»³⁹, но тон его решительно меняется, когда речь заходит об участии образованных социальных (и профессиональных) групп в делах строящегося социализма. Перспектива построения нового общества для В.И. Ленина немислима без формирования растущего отряда не просто образованной, а научно-образованной общественности⁴⁰.

Советскими философами понятие образованного сознания практически не использовалось. Э.В.Ильенков говорил о нем лишь применительно к философии Гегеля⁴¹. В прошлом веке словосочетание «образовательная деятельность» обнаруживается в работах известного теоретика-педагога П.Ф.Каптерева⁴². В его сочинениях встречается и термин «образовательная работа»⁴³. В этом же педагогическом смысле об образовательной работе говорил Г.Е.Жураковский⁴⁴. В советской философской литературе наряду с другими видами деятельности выделялась «образовательная деятельность»⁴⁵. Как вариант этого термина использовалось выражение «образовательная практика»⁴⁶.

Кроме общефилософского и педагогического подходов к исследуемому нами феномену, в прошлом веке обнаружилась социокультурная и социально-психологическая трактовка, согласно которой образованная общественность стала пониматься как публика, а образованное сознание – как общественное мнение. Как бы помимо воли русские интеллигенты XIX в., начиная с В.Г.Белинского и кончая Н.К.Михайловским, работали на создание в России общественного мнения и публики, понимая, что разговаривать с народом прямо, непосредственно и открыто невозможно. Так, Н.К.Михайловский в статье 1871 г. «Дарвинизм и оперетки Оффенбаха» отмечал как факт, что просвещенные слои населения подхватывают научные обобщения (особенно те, которые глубже всего проникают в существо отношений человека к человеку), пускают их в оборот и таким образом постепенно подмывают берега спокойно текущей реки общественной жизни⁴⁷. Простолоудин, пишет Н.Г.Чернышевский, «принужден учиться по книгам или положительно дурным, или устарелым, оставаться под влиянием ошибочных мнений, господствующих в так называемой образованной публике»⁴⁸. Образованную публику корили за то, что она «мало интересуется результатами, добытыми с помощью естественных наук»⁴⁹, и хвалили, ибо она «хочет иметь в журнале не только журнал, то есть орган известного мнения, но и ученый сборник»⁵⁰.

В середине XIX в. российское общество очень быстро двигалось в своем духовном развитии, определяющим моментом которого выступало естествознание. В конце 50-х годов был создан «Торговый дом Струговщикова, Пахитонова и Водова», который затем превратился в знаменитое Товарищество «Общественная польза». «Торговый дом» своей задачей

считал способствовать общественной потребности в изучении естественных наук. На средства «Торгового дома» читались публичные лекции в зале Петербургского пассажа. В Петербурге организуется Общество любителей естествознания и создается особое пропагандистское учреждение – Сельскохозяйственный музей. В 60-е годы возникает Московское общество любителей естествознания и создается Политехнический музей. Имея в виду начало 60-х годов, К.А.Тимирязев утверждал, что «никогда еще образованное общество, особенно в лице его молодого поколения, не было так подхвачено и увлечено борьбой на почве чисто научных течений мысли»⁵¹.

Можно уверенно констатировать, что русская литература XIX в. – художественная, философская, педагогическая, публицистическая ясно видела и четко выделяла образованную общественность как особую социокультурную и социально-психологическую единицу. Одни авторы ее возносили, другие страдали от мысли о ее малочисленности, третьи считали недостойным ее существование. Главный герой купринского «Поединка» Ромашов поражается огромному большинству интеллигентных профессий и считает, что все они основаны исключительно на недоверии к человеческой честности. Как известно, герой приходил к мысли, «что существуют только три гордых призвания человека: наука, искусство и свободный физический труд»⁵².

Образованная общественность, заявив о себе так громко в литературе XIX в., на страницах советской печати утвердиться не смогла. Даже в начале 70-х годов XX в., когда социальная психология как наука получила право на существование в рамках советской идеологии, такие тонкие аналитики, как М.К.Мамардашвили, Э.Ю.Соловьев и В.С.Швырев отождествляют такие понятия, как «производители духовной продукции», «интеллигенция» и «образованное сословие» (или «образованное меньшинство»)»⁵³. Между тем еще А.И.Герцен сопоставлял сознание ученого и образованного человека и выстраивал несколько оппозиционных пар: универсальность образованного человека и профессиональная односторонность ученого, свобода проявления «я» и связанность целями и обетами ремесла. Ученый – это профессия, основанная на приоритете ума, образованный человек – это понятие уровня развития личности, ее внутренней культуры⁵⁴. Если А.И.Герцен показал отличие образованного человека от ученого, то П.Ф.Каптерев подверг развернутому анализу вопрос об отличии учебного предмета от науки (а следовательно, задач педагога от задач ученого)⁵⁵. Столь очевидные сегодня социокультурные отличия академического учреждения от общеобразовательной школы, живописной мастерской от музея изобразительных искусств, лаборатории экспериментальной медицины от поликлиники, кабинета богослова от цер-

ковного амвона до сих пор не стали предметом внимания российских обществоведов.

Только что названные нами отличия складывались исподволь, постепенно. Это сегодня любой вид «высокой» сферы деятельности имеет свой аналог в сфере образовательной практики, в которой трудится армия особых специалистов, но этому состоянию предшествовали недифференцированные, слитные формы культурной жизни. В дивергенции идеального производства на «чистую» и «образовательную» сферы решающую роль сыграли предмет и направленность деятельности. В «чистой» сфере предметом выступает идея, она же остается самодовлеющей как цель деятельности, в образовательной сфере идея перемещается на служебное положение, она подчиняется законам общения образованного специалиста с тем, кого он образует своей деятельностью. Вовлекая в круг образовательной деятельности представителей обыденного сознания, образованные специалисты заставляют тем самым расщепляться и эту сферу. Таким образом, между полюсами общественного сознания возникает своеобразный мост – мост коммуникации и общения.

История зафиксировала появление в древних цивилизациях первых учителей, врачей, архитекторов и т.д., занявших свои законные места рядом с философами, художниками, поэтами, историками и т.д. Так, известно, что первым из афинских образованных интеллигентов, кто стал брать деньги за преподавание, был Гиппократ Хиосский (V в. до н.э.)⁵⁶. Гиппократ составил первое систематическое изложение геометрии, которое можно рассматривать как первое учебное пособие по этой дисциплине. Из тайны пифагорейской философии геометрия благодаря учителю Гиппократу стала учебным предметом⁵⁷. В связи с интересующим нас аспектом Т.В.Блаватская пишет, что среди вопросов внутренней истории полисной Греции немаловажной является тема, «раскрывающая конкретные условия деятельности рядовых работников умственного труда. В особенности это касается специалистов, связанных с повседневной жизнью всего полиса и каждого из его граждан. Назовем лишь преподавателей, врачей, зодчих, землемеров. По своему положению эти профессионалы значительно отличались от деятелей искусства или писателей, условия работы которых уже детально освещены в ряде специальных работ»⁵⁸. Интересен синонимический ряд, используемый Т.В.Блаватской для обозначения работника выделенной сферы деятельности: образованный работник, образованный труженик, образованный профессионал, образованный специалист, образованный гражданин, образованный человек и т.д. Из всего этого многообразия автор отдает предпочтение термину «образованный специалист».

Профессиональная активность образованного работника разворачивается как непосредственно личностное общение с субъектами других видов деятельности, здесь межпрофессиональное общение превалирует над общением внутрипрофессиональным: ученый – *учитель* – ученик, художник – *музейный работник* – экскурсант, писатель – *редактор* – читатель, богослов – *священник* – мирянин и т.д. Из характера приведенных нами триад хорошо видно, что на работника образовательной сферы ложится посредническая миссия.

Суть образовательной деятельности заключается в воздействии на человека, ведущем к его развитию как личности. Процесс передачи культурной информации совершается при этом в виде личностных контактов, общения. Такого рода контакты подразумевают сознательную или стихийную индивидуализацию, преднамеренный или интуитивный учет неповторимых свойств духовного мира образующего и образуемого. Отсюда вытекает, что образовательная сфера – это сфера воспроизводства человека как личности.

Потребность в общении культурного «верха» и «низа» реализуется в формировании особых социальных институтов и учреждений, где законным образом встречаются друг с другом два пласта культуры. Типичным примером подобных учреждений является школа. Современное слово «школа» происходит от греческого «*schole*» («схолэ»), что когда-то означало покой, отдых, досуг и времяпровождение на досуге. В латинском названии школы низшей ступени («*ludus*») одни исследователи видят тождество со смыслом слова «игра», другие связывают его с культовыми обрядами. Г.Е. Жураковский отдает большее предпочтение второму подходу⁵⁹.

Анализ границ образовательной сферы показывает, что современная педагогическая литература обычно узко понимает пределы внешкольного образования. Фактически институтами образования выступает, кроме школы (начальной, средней и высшей) и так называемых внешкольных образовательных учреждений – детский сад, детский летний лагерь и т.д., целый ряд других: редакции газет и издательств, радио и телевидение, библиотеки, театры, кинотеатры, медицинские и юридические учреждения, экскурсионные бюро, планетарии, зоопарки и т.д. Конечно, не все они с равным успехом выполняют образовательную функцию. Более того, некоторые из них иногда не только не образуют, но скорее развращают, растлевают аудиторию слушателей, читателей, зрителей, пациентов, истцов и ответчиков (о чем мы еще скажем ниже). И тем не менее, если мы хотим получить достоверную картину образовательной деятельности общества, мы должны представить ее в максимально полном объеме.

Говоря об образованной общественности, мы не можем обойти вопрос об ее отношении к публике. Мы характеризовали публику в первой части работы как массовидный субъект культурной жизни урбанизированного общества, связанный родственными, генетическими нитями с функционированием СМК. В новоевропейской культуре публика возникает в Европе благодаря развитию книгопечатания – исторически первого средства массовой информации и коммуникации. В это же время обнаруживается и образованный слой общества как часть публики (читающей публики). Но уже на этом раннем этапе проявляются специфические черты образованной общественности, благодаря которым она и потом не смешивается со всем объемом публики.

Образованная общественность заявляет о себе как активная, самостоятельная часть публики, как «высший круг читателей» (П.А. Вяземский). «Образованная публика» берет на себя труд быть ценителем, знатоком и судьей литературного процесса, выступает «высшей властью, заведывающей этим родом дел»⁶⁰. Так, П.А. Вяземский писал об «образованной публике» в 30-х годах XIX в. Ту же самую характеристику получает французская публика XVII в. в работе Ж.-П. Сартра «Что такое литература?»⁶¹. Кроме того, и это тоже было осознано и как заслуженное право, и как благородная миссия (если в особенности иметь в виду русскую культуру XIX в.), задача образованного читателя, читающего Данте, Шекспира, Гете или Шиллера и глубоко задумывающегося над их страницами, отправлять вниз по течению, «в то живое море, которое называется массою» все свои мысли, все свои труды и стремления⁶².

Итак, публика – часть новоевропейского общества, успешно усвоившая новый образ жизни и стандарты потребления, созданные капиталистическим производством, машинной индустрией, урбанизацией и развитием СМК. Момент публичности решительным и кардинальным образом возобладал в жизни европейцев с появлением дешевых газет и журналов, издаваемых массовыми тиражами. Именно газета сыграла судьбоносную роль в процессе порождения общественного мнения, в основе которого лежала злободневность – ориентация внимания большого количества людей на один предмет, сопровождающаяся ощущением причастности к сиюминутным коллизиям духовной жизни общества. Только газете удалось поддерживать живость интереса читателей бессознательной иллюзией общности их чувств с чувствами массы других людей⁶³. «Достаточно одного пера, – писал Г. Тард, – для того, чтобы привести в движение миллионы языков»⁶⁴. Потом позднее радио и телевидение усилили то, что впервые обнаружило себя в феномене ежедневной прессы – сиюминутная власть над умами и страстями людей. Национальное существова-

ние в большой степени засвидетельствовано литературой, говорит Г.Тард, но только газеты своим ежедневным грандиозным течением фабрикуют публичную жизнь с ее совокупными движениями умов и желаний⁶⁵. Газета как «роман дня» превратила большую часть общества в потребителей моды. Публика, в отличие от образованной общественности, является пассивной категорией потребителей духовной продукции. «Нельзя сказать, – пишет Ж.П. Сартр, имея в виду публику XX в. – а конкретно читателей, – что они выражают свое мнение, они просто покупают или не покупают книгу»⁶⁶. Современная публика приобрела черты женственности, ее нужно поражать, волновать, внезапно возбуждать, «открывая ей доселе неизвестные идеи и чувства». Она «постоянно требует, чтобы ее насиловали и оплодотворяли»⁶⁷.

В противовес публике, сформировавшейся в Новое время, образованная общественность дает о себе знать уже в эпоху первых древних цивилизаций. Колыбелью европейской образованной общественности стала Древняя Греция. Культурная активность и дееспособность этой категории населения доказывалась тем, что в эпоху эллинизма многие страны Средиземноморья пользовались услугами греческих образованных специалистов различных областей практической деятельности – педагогами, военачальниками, мореходами, архитекторами, специалистами строительного дела и т.д. Кроме того, в отличие от публики образованная общественность внутренне безразлична к СМК, она осуществляет свою деятельность прежде всего в процессе непосредственного общения с людьми, со всеми средствами и техникой образованный специалист заключает лишь временный союз и прибегает к ним тогда, когда видит в них нужду.

Глава 3

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ЦИКЛ КОММУНИКАЦИИ И РОЛЬ ОБРАЗОВАННОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

В философской литературе давно исследуются круговороты в природе, а вот круговороты в общественной жизни, в культуре – тема, еще не нашедшая законного места в обществоведческой проблематике. Однако потребности такого подхода уже давно ощущаются, и есть культурологические концепции, которые можно считать первыми попытками осмысления характера социокультурной динамики. Мы рассмотрим здесь теоретические позиции А.Моля, выраженные им в работе «Социодинамика культуры». А.Моль наличие такой круговой динамики выражает в понятии «цикл» или «контур» и связывает ее с тем характерным для современного общества технической цивилизации обстоятельством, что его культурная

жизнь раздробилась и выделила в качестве двух функциональных единиц «производителей» и «потребителей» сообщений.

Первый акт социокультурного цикла начинается в «общине» творцов культуры, в среде «творческой интеллигенции», для которой характерно «стремление вводить новое в жизнь общества». Если первый акт А. Моля связывает с активностью интеллигенции, то второй приводит его к общине «подчиненных», то есть членам общества, ориентированным на «потребительские радости»⁶⁸. Третий, заключительный акт социокультурного цикла автор обнаруживает в тот момент, «когда творец сам погружается в культурную среду, в создании которой он участвует».

От одного акта к другому социокультурная информация делает шаги, которых у А. Моля тоже несколько. Первый шаг, который совершает культурное сообщение от творческой интеллигенции к потребителю, как потом уточняет автор, опосредован «бюрократией» или «предпринимателями», которые владеют «огромными машинами культуры» (т.е. СМК). С помощью «технократов», «разработчиков» (так, собственно, названы А. Модем журналисты, издатели, операторы, редакторы, действующие в сфере СМК, как мы понимаем) эти «бюрократы» или «предприниматели» пропускают социокультурную информацию сквозь сито отбора на основе определенных критериев – новизны, значительности, интересности, понятности, перспективности – и уже после прохождения культурного сообщения через СМК с ними знакомится публика. При этом А. Моля замечает, что путь, который проделывает культурное сообщение, очень напоминает движение всякого товара в капиталистическом обществе от производителя к потребителю⁶⁹.

Отдавая должное приоритету А. Моля как автору, который впервые выделил социокультурный цикл в отдельную тему культурологического исследования, мы должны заметить, что в этой схеме социокультурной динамики некоторые важные моменты остаются, на наш взгляд, непроясненными, малоубедительными или даже вовсе неприемлемыми. Мы свои претензии сконцентрируем в трех замечаниях.

Первое замечание связано с понятием круговорота культурной информации. То, что А. Моля стремится довести понятие цикла до представления о замкнутом круге, по которому движется сообщение, говорит его тезис о том, что начало и конец цикла лежат в творческой индивидуальности. «Итак, наш цикл, – пишет А. Моля, – замыкается в тот момент, когда творец сам погружается в культурную среду, в создании которой он участвует»⁷⁰. Нам кажется странным и неубедительным утверждение, что социокультурный цикл заканчивается тем, что писатель читает свой роман, опубликованный в печати, режиссер смотрит созданный им фильм и

т.д. В одном из интервью знаменитый итальянский киноактер М.Мастро-янни говорил, что он любит смотреть только те фильмы, в которых он снимался сам. Другие фильмы его не интересуют, и он их не смотрит. Однако этот факт совсем не способен обосновать схему А.Моля. Художника может подвигнуть на новые замыслы реакция публики на его произведения, но мысль о том, что решающим стимулом творчества является тиражирование его предыдущего замысла не обладает никакой объяснительной силой. Какое движение совершает культура в момент потребления ее теми, кто ее создавал? Нарциссизм всегда бесплоден и в жизни, и в искусстве.

Второе замечание касается начала культурного цикла. А.Моль видит его в акте творчества, здесь он, как бы следуя классической просветительской модели, которую мы назвали «метафизической», отождествляет творцов – ученых, художников и т.д. – с вершиной культурной пирамиды. Но по его собственной характеристике выходит, что начало цикла принадлежит СМК (печати, радио, телевидению), которые «фактически контролируют всю нашу культуру, пропуская ее через свои фильтры, выделяют отдельные элементы из общей массы культурных явлений и придают им особый вес, повышают ценность одной идей, обесценивают другую, поляризуют таким образом все поле культуры»⁷¹. В действительности не отдельные творцы, а небольшие группы лиц, в руках которых оказываются СМК, «приобретают огромные возможности оказывать влияние на развитие общества»⁷². Именно эти группы и осуществляют культурную политику, организуя давление не только на потребителей, «обольщая» их, но и на творческую интеллигенцию, пользуясь их услугами или не замечая их вклада в культуру. Таким образом, в концепции А.Моля механически совмещены две модели социокультурной динамики. Одна на словах отдает пальму первенства творческой интеллигенции как главному субъекту культуры, другая на деле признает подлинным хозяином культурной жизни, распорядителем культурной информации владельцев СМК. В концепции А.Моля СМК и есть абсолютный «верх» культуры, а творческая интеллигенция призвана отныне выполнять служебную роль и не способна претендовать на начало культурного цикла. Аксиологическим «низом» является публика, т.е. «социальное поле», которое СМК «пропитывает». Как пишет А.Моль, «сведениями, которые попадают в поле зрения современного человека и которые он берет себе на вооружение, он чаще овладевает, пассивно погружаясь в поток сообщений...»⁷³.

Третий пункт наших возражений в основном сводится к тому тезису А.Моля, в котором он утверждает, что «то, что не попало в каналы массовой коммуникации, в наше время почти не оказывает влияние на разви-

тие общества»⁷⁴. На наш взгляд, здесь выражается явное преувеличение роли средств массовой коммуникации в современной культурной жизни людей. СМК наделяются таким значением, которого они совершенно не заслуживают, как не заслуживает «форма» приоритета над «содержанием», как беспочвенна претензия материал знака верховенствовать над значением, как несправедлива ситуация, в которой вещь начинает господствовать над человеком и т.д. Культура всегда располагала какими-то средствами ее овеществления, знакового ее выражения, но никогда тем не менее им не подчинялась и к ним не сводилась.

Если мы заглянем в глубь истории, то обнаружим, что устная культура опиралась на богатую мнемоническую технику, письменная – стала использовать тексты, книги, типографии, библиотеки, музеи, архивы. Сегодня культура невозможна без радио, кино, телевидения, телефона, компьютера и т.д. Любая техника располагает ограниченным набором возможностей и несет в себе специфические слабости и изъяны. Так, в эпоху перипатов и экседр Сократ замечал, что «всякое сочинение, однажды записанное, находится в обращении везде – и у людей понимающих, и, равным образом, у тех, кому вовсе не подобает его читать, и оно не знает, с кем оно должно говорить, а с кем нет. Если им пренебрегают или несправедливо его ругают, оно нуждается в помощи своего отца, само же не способно ни защититься, ни себе помочь»⁷⁵. В следующую эпоху скрипториев и монастырских книжных хранилищ возникают новые проблемы в функционировании и распространении культуры: создаются первые «спецхраны», в которые прячутся от любознательного читателя неудобные властям книги. Так, действия героев романа У.Эко «Имя розы» оказываются связанными с огромным книжным хранилищем средневекового монастыря – библиотекой – лабиринтом, где различные ухищрения были предназначены не для облегчения, а для затруднения ее использования большинством монахов. «Значит, библиотеки не распространяют истину, а замедляют ее продвижение?» – изумленно спрашивает Адсон – один из героев романа. «Не всегда и не обязательно. Но в данном случае – да», – отвечает другой, учитель Адсона Вильгельм⁷⁶. В эпоху Просвещения, в эпоху книжного станка и гильотины книжные издательства нередко отвергали произведения опальных авторов. Вольтер, как правило, завершив работу над новым произведением, уезжал из Франции и возвращался на родину только тогда, когда страсти вокруг изданной крамольной книги стихали.

Современная культура, далеко шагнув в области машинной техники, техники связи (радиоэлектроника, компьютеры, INTERNET), страдает от отчуждения и овеществления духа, от бездуховности. «Одна из важней-

ших причин и форм овеществления духа, – пишет Л.А.Закс, – омассовление и индустриализация некогда интимно-личностного духовного творчества, по сути – промышленная работа с созданием на основе современных материально-технических средств – компьютеров, информационных сетей, способов тиражирования и трансляции информации. Эта работа доводит до крайней степени технизацию и формализацию смыслов»⁷⁷. Пересоздание фотодокументов в угоду политическим интересам, «фанера», имиджи актеров и политических деятелей, виртуальная реальность компьютерных игр, возможность создания новых игровых фильмов на основе запечатленных на пленке образов, уже созданных в кино актерами, теперь уже не снимающимися или даже умершими – все это и многое другое часто работает не на культуру, а против нее. Современный технизм отражается во всех предыдущих технических средствах культуры: сегодня нередко книжный текст приходится читать не со страницы книги, а с экрана монитора, сама фигура писателя благодаря СМК может быть всего лишь образом, мелькающим на экранах телевизоров. Такой писатель – участник не литературного процесса, а многочисленных тусовок в литературной среде.

Обязательным условием функционирования и обеспечения эффективности массовой коммуникации как социального института является обратная связь⁷⁸. Однако в то же время нужно помнить, что серьезной отличительной особенностью психологической модели массовой коммуникации оказывается как раз принципиальное отсутствие обратной связи в пределах единичного акта коммуникации. «Телефонные звонки на радио и телевидение или наблюдение за работой водоснабжения во время передач – все это малозначащий суррогат обратной связи»⁷⁹. Кроме того, и это тоже очень важная культурологическая характеристика СМК, их функционирование состоит в том, что продукция СМК как бы рассеивается, распадается в «социальном поле», в котором индивиды практически неотличимы друг от друга, как утверждает А.Моль, ссылаясь при этом на К.Левина и Я.Морено⁸⁰. Таким образом, в момент передачи сообщения индивидуальность потребителя не имеет значения. «В сущности, – пишет А.Моль, – средства массовой коммуникации снабжают без разбора всех кого попало чем придется и когда придется»⁸¹.

Эдвард Радзинский, которого мы видим с экранов телевизоров, глядит не нам в лицо, а в немигающий объектив телекамеры и то, что мы об этом не догадываемся, говорит о немалых актерских данных этого драматурга, писателя, журналиста. Он не знает, кто мы, что собой представляет каждый из нас, он не видит наших поз и выражений глаз, не слышит нашего смеха и реплик. Он подчиняется режиссеру, оператору, редактору, требо-

ваниям литературной основы, определенным навыкам и «секретам» актерского мастерства. Все это может не «сработать», но знать об этом автор будет только после непосредственного общения со зрителями, с людьми, которые слушали и смотрели его с экрана. Именно непосредственное общение человека с человеком, взаимный обмен словами и улыбками составляет «тайную пружину» социокультурной динамики, основу ее энергетики.

Непосредственное общение выступает основой коммуникативных связей людей во всех сферах жизни общества. Ученые, собираясь на симпозиумах, конференциях, коллоквиумах и семинарах, заявляют о себе и своих идеях существенно иначе, чем в научном журнале, в статье сборника, в монографии, т.е. в форме научной публикации. Устные выступления, кулуарные беседы, дискуссии и диспуты, являясь формами непосредственного общения, полны пристрастиями и предпочтениями, в которых явно выражаются личностные параметры ученых. Отними у ученых такую возможность – и жизнь науки незаметно начнет угасать. Ведь в этих встречах выбираются и оцениваются идеи, школы, научные направления, объекты исследования, методы и методики, организационные стороны науки и многое другое.

Современные деятели науки довольно часто выражают недовольство сложившимся в научной литературе способом «подачи» готового научного результата. Дело в том, что современный стиль научной работы обязывает автора прятать свои вкусы, склонности, научные привязанности и т.д., то есть прятать личность ученого. Современная научная публикация, оставляя «голый» логический каркас, «обкрадывает» не только содержание поиска (и неизбежных ошибок в нем), давшего законченный результат; лишенное индивидуальной историчности («онтогенеза мысли»), изложение научного открытия не указывает ни целей его автора, ни причин, побудивших его к данному исследованию, ни отправных точек поиска, ни, наконец, действительного богатства осуществленных мыслительных операций, отображающих неисчерпаемость свойств, сторон исследуемого объекта. Как заключает английский ученый Г.Бонди, «научная статья – это весьма своеобразная форма изложения. У нее есть свои достоинства, прежде всего краткость. Но она превращает науку – с моей точки зрения самую гуманную из всех областей человеческой деятельности – в нечто совершенно безликое; вот почему для ученых оказывается жизненно необходимым куда-то ехать, чтобы повстречаться друг с другом и поговорить о том, что они не могут написать в своих статьях»⁸².

Еще более важны непосредственные контакты с людьми для специалистов образовательной сферы. Профессиональная активность образованного работника разворачивается как личностное общение с субъекта-

ми других видов деятельности, здесь межпрофессиональное общение превалирует над общением внутрипрофессиональным. У специалиста образовательной деятельности предполагается в наличии развитая способность к общению – общительность и, конечно, профессиональное владение средствами общения, использование различных функциональных стилей языка. Так, врач должен владеть терминологией ученой медицинской литературы, он же обязан использовать жаргон профессионального общения перед лицом непосвященного (врачебная тайна). Опытный врач умеет лечить словом и, следовательно, знаком с искусством красноречия. Наконец, он же из жалоб больного, выраженных обычным разговорным просторечием, способен вынести представление об объективных симптомах заболевания.

Подчеркнем различие языковых стилей, с которыми приходится иметь дело образованному специалисту. Существования трех особых сфер деятельности: «чистой», образовательной и обыденной предполагает, следовательно, и три функциональных стиля языка: специальный, литературный и разговорно-бытовой. Эта связь между сферами общения и стилями языка отмечается многими современными исследователями⁸³, а обнаружил ее еще М.В.Ломоносов, предложив идею о трех «штилях»: «высоком», «посредственном» и «низком»⁸⁴. У М.В.Ломоносова хорошо заметна и посредническая природа «посредственного штиля», ибо последний включает в себя слова и «высокой», и «низкой» речи. Образованным специалистам приходится иметь дело и с «чистым», и с природным (обыденным) сознанием, но и в том и другом случае предмет их профессионального внимания один – человек, с его неповторимыми индивидуальными качествами.

Находясь посредине между полюсами культуры, работники образовательной сферы обращаются и к «верху», и к «низу», замыкая своей деятельностью поток культурной информации в единый цикл. Возникающие коммуникационные «волны», идущие «сверху вниз» и «снизу вверх», постоянно подпитываются личным общением («разговором» в смысле Г. Тарда), вмещающим в себя образовательную коммуникацию, образовательное взаимодействие, познание и самопознание. Ориентируясь к «верху» культуры, образованные интеллигенты стимулируют сознательное индивидуальное творчество, а обращаясь к «низу» – они развивают стихийное творческое восприятие и освоение мира обыденным сознанием и извлекают духовный потенциал народной мудрости. Положительный вклад образованной общественности мы рассмотрим на примерах ее взаимодействия, с одной стороны, с представителями специализированного («чистого») сознания, а с другой – с носителями природного, обыденного сознания.

Говоря о коммуникационных связях образованной общественности с представителями специализированного сознания, мы прежде всего имеем в виду то важное обстоятельство, что именно образованная общественность создает благоприятную среду для развития творческого потенциала личности. Исторически образованная общественность и личность возникают одновременно и развиваются параллельно. А.Шопенгауэр не прав, утверждая, что «тот, кто много имеет в себе, подобен светлой, веселой, теплой комнате, окруженной тьмою и снегом декабрьской ночи»⁸⁵. Под блестящим пером великого пессимиста возникает красивый, трогательный своим драматизмом образ, но нужно признать, что он весьма тенденциозен. Личность сама по себе не способна ни сформироваться, ни существовать, ни довольствоваться собой вне себе подобных, вне тех, общение с которыми развивает в человеке человеческий образ. «Один человек растет от дружбы другого», – говорит один из героев А.Платонова⁸⁶. Личность развивается общением с развитой личностью, а напрямую на развитие личностных качеств в человеке ориентирована лишь образованная общественность. Все остальные образовательные воздействия происходят случайным образом.

«Вдохновение почти никогда не посещало Бетховена за письменным столом, – рассказывает С.Цвейг, – а всегда во время ходьбы, в движении. Крестьяне из окрестностей Вены часто с удивлением наблюдали за невысоким, страдающим одышкой человеком, который с непокрытой головой бродил по полям; они принимали его за помешанного; «Бормотун» – звали они его, потому что он, как безумный, всегда что-то бурчал себе под нос, гудел, кричал, размахивая в такт руками. Внезапно остановившись, он доставал из кармана небольшую запачканную книжку и, царапая бумагу, грубым свинцовым карандашом, наскоро записывал в нее несколько нот»⁸⁷. Здесь мы видим холодное, если не враждебное, то вполне отчужденное отношение окружающей среды к великому музыканту. Творчество Бетховена не было окружено «тьмою и снегом декабрьской ночи». Но мы понимаем, какой пустыней может выглядеть общественность, если она далека от творческих интересов личности, и мы понимаем также, что творчество вне его адекватного восприятия оказывается под угрозой полного отрицания. Такие примеры в истории культуры встречаются довольно часто.

Личность поэта, писателя, художника, ученого не способна воплотить свой замысел, утвердить результаты своего творчества без соответствующей социальной среды, без научной, художественной, религиозной, спортивной общественности. Наибольшим непосредственным влиянием на ученых пользуется образованный слой общества. Он создает установ-

ки общественного мнения на образ ученого и его профессиональные (и личные) качества, на способ научной деятельности, на результаты научного исследования, на форму научного изложения.

Яркий пример взаимодействия ученых с образованной общественностью дает деятельность Ч.Дарвина. Научная активность Ч.Дарвина и его сподвижников много значила для решительного поворота общества (по крайней мере английского) к науке. Крупным ученым-одиночкам в додарвиновский период удавалось в лучшем случае привлечь к своим исследованиям внимание двора. Такова была участь А.Везалия, У.Гарвея, Л.Эйлера, И.Ньютона, М.В.Ломоносова и других творческих личностей той эпохи. Ч.Дарвин впервые сумел результаты своих научных изысканий сделать объектом заинтересованного мнения образованного слоя общества. Авторы истории XIX в., имея в виду дарвиновское учение, об этом пишут так: «Учение об эволюции как-то сразу стало интересовать большую публику...»⁸⁸.

При этом различные категории английского общества весьма своеобразно проникали в существо идей Дарвина. Как пишет Н.Г.Рубайлова, «для необразованного и малообразованного большинства вопрос об отношении к новой теории ставился наиболее просто и прямо: произошел ли человек от Адама или обезьяны, причем в большинстве случаев вторая версия казалась сомнительной. В более образованной среде читателей конфликт между представлением об изменчивости животных, растений и человека, выдвигаемый дарвинизмом, и идеей постоянства видов, защищаемой христианством, составлял наиболее важный пункт обсуждений. И только, по существу, в научной среде и в среде наиболее образованной публики детально обсуждалась правильность или ошибочность сущности идеи дарвинизма – теории естественного отбора»⁸⁹.

Особый интерес для нас представляет исследование реакции представителей образованной общественности на идеи Ч.Дарвина не в специальных академических изданиях, а любые отзывы, прозвучавшие в газетах. Наличие такого резонанса – верный признак сложившейся в данном обществе научно ориентированной образованной среды. Типичным в этом смысле является реакция массовой периодической печати на «Происхождение видов». Возьмем, к примеру, критическую статью, написанную инженером (специалистом по электротехнике и телеграфу) Флемингом Дженкиным и напечатанную в журнале «North British review» (июнь 1867 г.). До появления этой статьи Ч.Дарвин в механизме эволюции придавал решающее значение редким индивидуальным изменениям. Дженкин показал, что если бы дело обстояло именно таким образом, то редкие индивидуальные новации были бы неминуемо поглощены скрещиванием. Ч.Дар-

вин, учитывая критику «со стороны», в последующих изданиях «Происхождения видов» сделал упор в своей концепции на массовые изменения отдельных особей. Известно, что Ч. Дарвин высоко оценил конструктивный момент критического отзыва Дженкина. «Много затруднений причинил мне Флеминг Дженкин, – писал Ч. Дарвин, – но он принес мне больше реальной пользы, чем какой-либо другой очерк или отзыв»⁹⁰. Активное обсуждение идей эволюционной теории Ч. Дарвина в массовой печати достаточно убедительно показывает, что в той или иной степени в познании окружающего мира участвует все общество, а не только люди науки. Хотя, конечно, не все образованные люди бывают так остроумны и решительны, как специалист по электротехнике и телеграфу Флеминг Дженкин (в литературе показано, что он обладал такими качествами)⁹¹.

Ученые XIX в. были весьма заинтересованы в поддержке их деятельности со стороны общества и хотели, чтобы оно со знанием дела судило об их достижениях. В этот период среди ученых еще нет специального отряда популяризаторов, и каждый теоретик должен был поработать над слогом своих сочинений, чтобы его труды были понятны любому грамотному человеку. Так, Ч. Дарвин видит, что нужно учитывать возможности восприятия двух категорий читателей: серьезно изучающих научную продукцию и обыкновенных читателей. Он сознательно уделяет вопросу стиля своих сочинений огромное внимание. Установка Ч. Дарвина, которую он выразил в письме к одному молодому садоводу, кратко сводилась к следующему: «Моя единственная цель постараться составить для себя как можно более ясное представление о предмете и выразить его самым доступным языком, каким я владею»⁹². Такое же отношение к стилю своих сочинений обнаруживают Т. Гексли, Э. Геккель, Л. Бюхнер, З. Фрейд, К. А. Тимирязев, Н. И. Пирогов, И. И. Мечников и другие естествоиспытатели, выросшие на нормах научных публикаций XIX в. Отсюда не случаен тот факт, что они имели огромный читательский успех у образованной общественности.

Любой ученый, прежде чем он займет место в структуре научного общества, должен пройти школу, систему образования, способную развить в нем качества специализированного сознания, то есть способность к рефлексии, чувство свободы и ответственности в своей умственной деятельности, владение техникой научной работы. Эта необходимость возвращает нас вновь к образовательной сфере общества, которая формирует специалистов в общении с представителями обывденного, природного сознания, с новыми поколениями нации.

Обучение и воспитание подрастающих поколений связано, во-первых, с передачей традиций, связывающих современность с историей. Новому

поколению передаются нормы, знания, жизненные правила, принципы нравственности, верования, донесенные из прошлого историческим преданием и памятью, наукой, искусством, религией. В этом аспекте слои образованных людей тысячами нитей связан с жизнью народа, чью позицию работники образовательной сферы и выражают. Во-вторых, образовательный процесс всегда носит характер индивидуального общения учителя с учеником. Индивидуализация усилий учителя означает, что учитель не только учит, но и учится в ходе образовательного процесса. Чем теснее личностный контакт учителя и ученика, тем значительнее может быть результат педагогического процесса, и это будет говорить не только о достоинствах личности педагога в целом, но и о его особом качестве – способности подчинить себя педагогической ситуации.

Задумываясь над успехом педагогических систем И.Г.Песталоцци, К.Д.Ушинского, Я.Корчака, А.С.Макаренко, С.Л.Соловейчик делает вывод о том, что «только там, где педагог остается один на один с детьми, где ему приходится преодолевать невероятное сопротивление воспитанников, окружения, обстоятельств, где ему нужно не просто преподавать, не просто воспитывать, а отстаивать самое свое существование, – там только и высекаются, как искры, великие идеи»⁹³. Мы согласимся с этим заключением, добавив, как нам кажется, существенную деталь: новая педагогическая идея возникает как компромисс между требованием учителя, т.е. требованием затвержденной педагогической традиции, и спонтанным проявлением воли ученика, волевым поступком, выражающим в данном случае новую норму самой действительности, которую педагог тем меньше способен игнорировать, чем в более глубокое личностное общение он вступает с воспитуемым. Так разрешается парадокс школы, которую Аристотель называл местом дружбы неуча с ученым: школа – место, где жизнь заменена учебниками, а учителя – представители старшего поколения, всем своим опытом принадлежащие прошлому, учат будущему. Парадокс находит разрешение в живом общении учителя с учеником, в котором устремленность в будущее прорастает на почве опыта прошлого. Прорастает и перерастает, поэтому образовательная сфера общества – это одна из самых перспективных точек его роста.

Л.Н.Толстой, увлекшись в 60-е годы прошлого века педагогической деятельностью и организовав в Ясной Поляне школу для крестьянских ребят, очень быстро понял, что дети обладают способностью схватывать технику литературного творчества, поражался их свободе в оперировании художественными образами. Предлагая одиннадцатилетним подросткам сюжеты сочинений на темы русских пословиц, Л.Н.Толстой, заслуживший, как он сам писал, «признание художественного таланта от русской

образованной публики», обнаружил, что он в деле художества не может «указать или помочь одиннадцатилетнему Семке и Федьке», а в состоянии лишь «следить за ними и понимать их»⁹⁴. Читая знаменитую статью Л.Н.Толстого, можно увидеть, что «не могу указать или помочь» – конечно, преувеличение, а в действительности великому русскому писателю, мыслителю, педагогу удалось найти систему приемов, стимулирующих и организующих детское литературное творчество. На материале педагогического наследия Л.Н.Толстого современные российские ученые успешно разрабатывают принципы и условия развития литературно-творческих возможностей школьников⁹⁵.

Заканчивая разговор о социокультурном цикле коммуникации, следует сказать и о том, что любые циклические изменения предполагают их единство с поступательным развитием⁹⁶. Функционирование культуры не представляет в данном отношении какого-то исключения. Маятниковые движения культурной информации, соединяющие «верх» и «низ» культуры, не исчерпывают всей социокультурной динамики. До сих пор мы говорили о циклическом движении феноменов культуры. Оно обусловлено энергией личности, сознательно участвующей в культурном процессе. Человек ответственен за свое личностное развитие, за свою открытость другим людям, за свои слова и поступки, за свой вклад в культуру. Но кроме этого, личностного аспекта, в культуре есть еще национальный. Каждый народ устремлен в вечность и делает свое дело по смыслу вечности. Человеческая культура согрета вечным и мощным источником, текущим из глубин веков. Как утверждал М.О.Гершензон, «в неисследимой глубине духа зародились вечные течения, текущие от пращуров до нас и дальше в будущее. Они проходят через каждую отдельную душу...»⁹⁷.

На земле мы не видим гарантий безусловного прогресса знания, нравственности, искусства, культуры, истории – существование человека ненадежно, мир каждую секунду висит на волоске. Однако само наличие истории говорит о наращивании сил добра и о его настоящем перевесе над силами зла. Ибо если бы добро не превосходило зло, то человечество бы не оторвалось от начальной точки своего развития, не имело бы истории. До сих пор люди справлялись со смутными временами и умели противостоять разрушительным тенденциям, энтропийным процессам. Ю.М.Лотман писал о противостоянии наступлению энтропии как одной из основных функций культуры⁹⁸. Нам представляется, что самый совершенный образ культуры и человеческой души дал В.Шекспир. Он сравнивал их с садом. Задача каждого человека – хранить и возделывать сад национальной культуры и сад своей души.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исчерпав все три части монографии, мы считаем уместным заняться итогами.

Рассматривая социокультурную коммуникацию в аксиологическом аспекте, мы попытались выяснить, как, почему и для чего распространяется культурная информация в обществе, в чем заключается энергетический источник социокультурной динамики. Долгое время эти вопросы ускользали от внимания исследователей. Только современность, которая характеризуется мощным и неуклонным развитием технических средств для хранения, тиражирования, распространения и потребления феноменов культуры, выявила то важное обстоятельство, что *продукт творчества вполне обнаруживает свою ценность лишь находясь в состоянии движения, проделывая определенный путь от одного социокультурного субъекта к другому*. Как утверждает Э.Неизвестный, культура всегда была миграцией людей и идей. Нельзя создать нечто художественно, научно, религиозно ценное, чтобы оно было лишено коммуникативной энергии, способности пропитывать общественное сознание. Однако всеобщая распространенность какого-то феномена культуры, общепризнанность культурного сообщения или артефакта есть лишь один из симптомов его высоких ценностных свойств. По Бродвею ходят тысячи и даже миллионы людей, но след ступни, торжественно и публично запечатленной в бетоне, может оставить только «звезда» американской культуры.

Фундаментальной категорией, способной дать методологический ключ к пониманию природы социокультурной коммуникации, является общение. Мы исходим из того, что *непосредственное общение составляет духовный фундамент человеческого бытия и абсолютно необходимо для реализации человеческой сущности в жизни каждого индивида*. Мысль Л.Фейербаха о том, что два лица необходимы для порождения человека как в физическом, так и в духовном смысле, очень точно выражает наш взгляд на общение и его роль. Тайна всех коммуникативных процессов в обществе кроется в обыденном общении: в обмене улыбками, в незамысловатых репликах, в умолчаниях и признаниях, в интимной близости

людей. Массовое общение, публичная жизнь – это надстройка, ценная не столько сама по себе, сколько тесной связью с формами непосредственного контакта людей. Опосредованное общение, различные технические средства передачи феноменов внутреннего мира человека имеют смысл только в границах, в которых люди продолжают ощущать душевное тепло друг друга. Письмо прячут в бутылку и бросают в океан в надежде, что оно найдет своего адресата. Однако социальная среда может не только соединять, но и разединять людей. Коммуникативные процессы, составляющие необходимый аспект общения по мере развития технических средств превращаются в массовые феномены, серьезно изменяющие не только общение, но и человеческое существование в целом, грозящие современному человеку в конечном счете отчуждением от культуры.

Развернутый анализ аксиологической структуры человеческой культуры и общественного сознания дает право утверждать, что элементы культуры и сознания разнесены не только по горизонтали их определенных качеств, но и по вертикали значений, так как они воплощают в себе ценностные отношения. Об этом напоминает каждый факт истории, такова картина и сегодняшней действительности. Ценностное измерение мира, деление культуры на «верх» и «низ» открывает саму возможность духовной жизни человека. Ценностная структура культуры и общественного сознания, включающая в себя «верх» и «низ», меньше всего способна выполнять роль некой абсолютной и статической конструкции: глубокая амбивалентность продуктов творчества «высокой» и «низкой» культуры, вечная переоценка ценностей, диалектика специализированного и обычного сознания составляют содержание духовной жизни общества.

Духовная жизнь общества обычно отождествляется со специализированным сознанием, и тем самым реальная социокультурная динамика, опирающаяся на различные институты, познавательные процедуры, психологические механизмы, представляется в заведомо обедненном виде. Между тем в духовной жизни участвует все общество (в разной форме и степени), и не просто потому, что оно создает условия для представителей «верха» культуры, а за счет прямого заинтересованного включения всех членов общества в процессы осознания и духовного освоения действительности. Духовная жизнь – это всегда момент конкретно-всеобщего основания человеческой жизни – общения, обуславливающего, с одной стороны, круговорот идей в обществе, а с другой – постоянное их обогащение и приумножение. Ни одному виду деятельности не дано исключительного права на осуществление только производства культурных ценностей и, напротив, ни один из них не обречен только на их потребление. *Культурная новация способна возникнуть в любой сфере общества, на*

любом уровне общественного сознания. Динамичность идей, ценностных форм сознания, их присутствие в диалоге, в общении представителей разных социальных и профессиональных групп – верный признак их жизненности, их культурной значимости, показатель духовного единства разнородных социальных групп.

Подвижность «верха» и «низа» культуры в немалой степени обусловлена образовательной деятельностью общества, опосредующей два полюса культуры, снимающей противоречия между ними. Возникнув, культурное сообщение может двигаться либо «снизу вверх», либо «сверху вниз». На этом пути любое сообщение обязательно трансформируется, испытывая на себе попытки отправителя сообщения облегчить рецепцию отправляемой информации, а с другой стороны, усилия получателя упростить задачу понимания, сделать этот процесс наиболее успешным. При этом в любых циклах социокультурной динамики опосредующим звеном между полюсами культуры выступает образованное сознание, которое способно адекватно изменять содержательные, оценочные, психологические аспекты культурной информации, находить соответствующую языковую оболочку. Образованная общественность оказывается благоприятной средой для творчества в сфере специализированного сознания и питательной почвой, на которой прорастает духовность новых поколений. В духовной жизни общества мы видим не только постоянный круговорот идей, но и вечное стремление к высшим культурным ценностям Истины, Красоты и Добра.

Естественно, наша книга не дает законченной картины аксиологических свойств социокультурной коммуникации, исчерпывающего анализа ценностной структуры общественного сознания и роли средств массовой коммуникации в обществе, их влияния на современную культуру. Здесь намечены только общие контуры концепции, которые, на наш взгляд, позволяют продолжить начатую работу не только автору, но и тем исследователям, чьи научные интересы окажутся вовлеченными в орбиту обозначенных здесь проблем.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

¹ Мегрелидзе К.Р. Основные проблемы социологии мышления. – 2-е изд. – Тбилиси: Мецнереба, 1973. – С. 329.

² Шлейермахер Фр. Речи о религии. Монологи. – М.-К.: «ReFL – book» – «ИСА», 1994. – С. 362.

³ См., напр.: Артановский С.Н. Историческое единство человечества и взаимное влияние культур // Философско-методологический анализ зарубежных концепций. – Л.: Просвещение, 1967; Александренков Э.Г. Диффузионизм в зарубежной западной этнологии // Концепции зарубежной этнологии: Критические этюды / Отв. ред. Ю.В.Бромлей. – М.: Наука, 1976.

⁴ См., напр.: Межуев В.М. Классическая модель культуры: Проблема культуры в философии Нового времени // Культура: Теории и проблемы. – М., 1995. – С. 41–42.

⁵ Бубер М. Я и Ты // Два образа веры. – М.: Республика, 1995. – С. 20.

ЧАСТЬ I

¹ Платон. Федр // Соч.: В 3 т. – М.: Мысль, 1968–1972. – Т. 2. – 1970. – С. 163.

² Платон. Апология Сократа // Соч.: В 3 т. – Т. 1. – 1968. – С. 111.

³ Платон. Федр // Соч.: В 3 т. – Т.2. – С. 217.

⁴ Перель Ю.Г. Развитие представлений о вселенной. – М.: Физ.-мат. лит., 1958. – С. 73.

⁵ Лосев А.Ф. Дерзание духа. – М.: Политиздат, 1988. – С. 248–249.

⁶ См., напр.: Ломов Б.Ф. Проблема общения в психологии // Проблема общения в психологии. – М.: Наука, 1981. – С. 8.

⁷ См., напр.: Каган М.С. Мир общения. Проблема межсубъектных отношений. – М.: Политиздат, 1988. – С. 150.

⁸ См., напр.: Кон И.С. Дружба: Этико-психологический очерк. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Политиздат, 1987. – С. 6; Буева Л.П. Человек: Деятельность и общение. – М.: Мысль, 1978. – С. 116.

⁹ См., напр.: Крижанская Ю.С., Третьяков В.П. Грамматика общения. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. – С. 79.

¹⁰ Моль А. Социодинамика культуры. – М.: Прогресс, 1973. – С. 120.

¹¹ Августин А. Исповедь. – М.: Канон+, 1997. – С. 61.

¹² Бахтин М.М. Проблема поэтики Достоевского. – М.: Сов. Россия, 1979. – С. 100.

¹³ См. об этом: Рождественский Ю.В. Введение в общую филологию. – М.: Высш. шк., 1979. – С. 55–64.

¹⁴ См. напр. Струве В.В. История древнего Востока. – М.: ОГИЗ Госполитиздат, 1941. – С. 380.

¹⁵ Сартр Ж.-П. Что такое литература? // Ситуации. – М.: Ладомир, 1997. – С. 81.

¹⁶ См.: Гофман А.Б. Мода и люди. – М.: Наука, 1994. – С. 28–29.

- ¹⁷ Декарт Р. Рассуждение о методе. – М.: АН СССР, 1953. – С. 16.
- ¹⁸ Гоббс Т. Левиафан // Избр. произв.: В 2 т. – М.: Мысль, 1965. – Т. 2. – С. 231.
- ¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1995–1981. – Т. 4. – 1955. – С. 428.
- ²⁰ Боров В.Ю., Коваленко А.В. Культура и массовая коммуникация. – М.: Наука, 1986. – С. 161.
- ²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Соч. – 2-е изд. – Т. 4. – С. 428.
- ²² Аксаков К.С. Опыт синонимов. Публика – народ // Хрестоматия по истории русской журналистики XIX в. / Под ред. А.В.Западова. – М.: Высш. шк., 1965. – С. 171.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. – С. 171–172.
- ²⁵ Тютчев Ф.И. Россия и Запад // Литературное наследство. – М.: Наука. – Т. 97. Кн. 1–2. – 1988. – Кн. 1. – С. 205–209.
- ²⁶ Там же. – С. 208.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Библер В.С. Мышление как творчество. – М.: Госполитиздат, 1975. – С. 374.
- ²⁹ Моль А. Социодинамика культуры. – С. 297.
- ³⁰ Духовное производство / Под ред. В.И.Толстых. – М.: Наука, 1981. – С. 3.
- ³¹ См., напр.: Духовное производство. – Гл. 6.
- ³² Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. – М.: Изд. группа «Прогресс»: «Прогресс-Академия», 1992. – С. 276.
- ³³ Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Дialeктика Просвещения. – М.; СПб.: Медиум: Ювента, 1997. – С. 163–164.
- ³⁴ См.: Махлуп Ф. Производство и распространение знаний в США. – М.: Прогресс, 1966.
- ³⁵ Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Дialeктика Просвещения. – С. 152.
- ³⁶ Заборов М.А. Крестоносцы на Востоке. – М.: Наука, 1980. – С. 259–262.
- ³⁷ Тард Г. Мнение и толпа // Психология толп. – М.: Ин-т психологии РАН: Изд-во КСП+, 1998. – С. 263.
- ³⁸ Ницше Ф. Полн. собр. соч. – М.: Моск. кн. изд-во, 1909. – Т. 2. – С. 164.
- ³⁹ См.: Ашин Г.К. Доктрина массового общества. – М.: Политиздат, 1971.
- ⁴⁰ Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. – С. 248.
- ⁴¹ Там же. – С. 275.
- ⁴² Махлуп Ф. Производство и распространение знаний в США. – С. 305.
- ⁴³ Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки // Соч.: В 2 т. – М.: Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 137.
- ⁴⁴ Моль А. Социодинамика культуры. – С. 45
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Коган Л.Н., Вишневский Ю.Р. Очерки теории социалистической культуры. – Свердловск, 1972. – С. 46; См. также: Яковлев Б.Д. Духовная культура развитого социализма. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1981 – С. 77.
- ⁴⁷ Яковлев Б.Д. Духовная культура развитого социализма. – С. 102
- ⁴⁸ Мотрошилова Н.В. Наука и ученые в условиях современного капитализма. – М.: Наука, 1976. – С. 98; Межуев В.М. Духовное производство: понятие, генезис, структура // Духовное производство – Гл. 3. – С. 140.
- ⁴⁹ Межуев В.М. Духовное производство: понятие, генезис, структура // Духовное производство. – С. 141.
- ⁵⁰ Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. – М.: Худ. лит., 1978–1985. – Т. 16. – 1983. – С. 22.
- ⁵¹ Гершензон М.О. Грибоедовская Москва; Чаадаев П.Я. Очерки прошлого. – М.: Моск. рабочий, 1989. – С. 211.
- ⁵² Старый завет. – Кн. 1, гл. 1, ст. 26; См. также: Даль В. Толковый словарь. – М.: Изд. иностр. и национ. словарей, 1956. – Т. 2. – С. 614.

- ⁵³ Кондорсе Ж.А. Эскиз человеческой картины прогресса человеческого разума. – М.: Соц.-эк. гиз, 1936. – С. 163, 232.
- ⁵⁴ Там же. – С. 233
- ⁵⁵ Коган Л.Н., Вишневский Ю.Р. Очерки теории социалистической культуры. – С. 49
- ⁵⁶ Махлуп Ф. Производство и распространение знаний в США. – С. 61–62.
- ⁵⁷ В.В.Розанов восхищается прошлой возможностью соединения семейного воспитания с школьным классом и мастерской художника. См.: Розанов В.В. Сумерки просвещения. – М.: Педагогика, 1990. – С. 24–27.
- ⁵⁸ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: Книга, 1991. – С. 284.
- ⁵⁹ Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии // Философия в современном мире. Философия и наука. – М.: Наука, 1972. – С. 60.
- ⁶⁰ Моль А. Социодинамика культуры. – С. 23.
- ⁶¹ Хомяков А.С. Письмо в Петербург // О старом и новом. – М.: Современник, 1988. – С. 75.
- ⁶² См., напр.: Ким М.П. О некоторых аспектах культурной революции и особенностях советского опыта ее осуществления. – М., 1970. – (XIII межд. конгресс истор. наук). – С. 4.
- ⁶³ Боров В.Ю., Коваленко А.В. Культура и массовая коммуникация. – С. 110.
- ⁶⁴ Крывелев И.А. История религий: Очерки: В 2 т. – М.: Мысль, 1975. – Т. 1. – С. 67.
- ⁶⁵ Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. – М.: Мысль, 1987. – С. 109–110.
- ⁶⁶ См., напр.: Заборов М.А. Крестоносцы на Востоке. – С. 301–306.
- ⁶⁷ Толстой Л.Н. Что такое искусство? // Собр. соч.: В 22 т. – Т. 15. – 1983. – С. 192.
- ⁶⁸ Декарт Р. Рассуждение о методе // Соч.: В 2 т. – М.: Мысль, 1989–1994. – Т. 1. – С. 266.
- ⁶⁹ Там же. – С. 273.
- ⁷⁰ Там же. – С. 260.
- ⁷¹ Каган Ю.М. Платон и слова, обозначающие свет и темноту // Платон и его эпоха / Ред. Ф.Х.Кессиди. – М.: Наука, 1979. – С. 311.
- ⁷² Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // Соч. – 15-е изд. – СПб.: Изд. А.Ф.Маркса. – Т.7. – 1900. – С. 78.
- ⁷³ Коменский Я.А. Панагия // Коменский Я.А. Соч. – М.: Наука, 1997. – С. 296.
- ⁷⁴ Там же. – С. 297.
- ⁷⁵ Евангелие от Матфея. Гл.13. Ст. 3–8 и объяснение Иисуса: Гл.13. Ст. 18–23.
- ⁷⁶ Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии. – С. 57.
- ⁷⁷ Моль А. Социодинамика культуры. – С. 292.
- ⁷⁸ Там же. – С. 45.
- ⁷⁹ Там же. – С. 298.
- ⁸⁰ Тард Г. Мнение и толпа // Психология толп. – С. 308
- ⁸¹ Бердяев Н.А. Человек и машина // Вopr. философии. – 1989. – № 2. – С. 153.
- ⁸² Мамардашвили М.М., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии. – С. 60.
- ⁸³ Бердяев Н.А. Человек и машина // Вopr. философии. – 1989. – № 2. – С. 150.

ЧАСТЬ II

- ¹ Иванов В.В. Верх и низ // Мифы народов мира: Энцикл. в 2 т. – 2-е изд. – М.: Рос. энцикл.: БЭ Олимп, 1997. – Т. 1. – С. 233.
- ² Там же. – С. 234.
- ³ См.: Лосев А.Ф. Держание духа. – М.: Политиздат, 1988. – С. 153–170
- ⁴ Августин А.. Исповедь. – М.: Канон, 1997. – С. 60.

- ⁵ См. об этом: Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. – М.: Прогресс, 1988. – С. 12–13.
- ⁶ Гумилев Н.С. Избранное. – М.: Просвещение, 1990. – С. 143.
- ⁷ Раскин И. Левее – значит выше! // Новое время. – 1990. – № 17. – С. 3.
- ⁸ Маршак С.Я. Соч.: В 4 т. – М.: Худ. лит., 1958–1960. – Т.2. – 1958. – С. 51.
- ⁹ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – 2-е изд. – М.: Худ. лит., 1990. – С. 13, 16, 18, 22–23, 459, 465, 477 и др.
- ¹⁰ Фрезер Дж.Дж. Золотая ветвь. – М.: Политиздат, 1984. – С. 546–547.
- ¹¹ См.: Ницше Ф. Собр. соч. – М.: Изд. книгопродавца М.В.Клюкина, 1901. – Т.3. – С. 32–33.
- ¹² Грамши А. Избр. произв.: В 3 т. – М.: Иностр. лит., 1957–1959. – Т.3. – С. 467–468.
- ¹³ См., напр.: Маковельский А. Досократики. – Казань: Кн. магазин М.А.Голубева, 1914. – Ч.1. – С. 12; Потемкин А.В. Проблема специфики философии в диатрибической традиции. – Ростов н/Д, 1980. – С. 73–74.
- ¹⁴ Волков Г.Н. Культура мышления // Общество и молодежь / Сост. В.Д.Кобецкий. – 2-е изд. – М.: Мол. гвардия, 1973. – С. 149.
- ¹⁵ См., напр.: Джисов О.И. Структура духовной культуры // Культура в свете философии. – Тбилиси: Мецниереба, 1979. – С. 150.
- ¹⁶ Хун Цзычэн. Вкус корней // Афоризмы старого Китая. – М.: Наука, 1988. – С. 122.
- ¹⁷ Фаблю. Старофранцузские новеллы. – М.: Худ. лит., 1971. – С. 35, 36.
- ¹⁸ См., напр.: Аристотель. Соч. в 4т. – М.: Мысль, 1984. Т.4. – С. 109, 281–282, 285, 287.
- ¹⁹ Аристотель. Соч.: В 4 т. – М.: Мысль, 1975–1984. – Т. 1. – С. 310.
- ²⁰ Платон. Федр. Соч. в 3 т. – М.: Мысль, 1968–1972. – Т.2. – 1970. – С. 184.
- ²¹ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – С. 197–199.
- ²² Фрагменты ранних греческих философов. – Ч.1. – М.: Наука, 1989. – С. 412.
- ²³ Гомер. Илиада. Одиссея. – М.: Худ. лит., 1967. – С. 511.
- ²⁴ Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека // Шиллер Ф. Собр. соч.: В 7 т. – М.: Худ. лит., 1955–1957. – Т.6. – 1957. – С. 302–303.
- ²⁵ См., напр.: Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1972. – С. 192.
- ²⁶ Старосельская-Никитина О. Очерки по истории науки и техники периода французской буржуазной революции. – М.-Л.: Соц.-эк. гиз., 1946, – С. 27.
- ²⁷ См.: Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. – СПб, 1914. – С. 38–39.
- ²⁸ Добролюбов Н.А. Избр. статьи. – М.: Современник, 1980. – С. 173.
- ²⁹ См., напр.: Пукшанский Б.Я. Обыденное и научное познание, их диалектическое взаимодействие // Диалектика познания: Компоненты, аспекты, уровни / Под ред. М.С.Козловой. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1971.
- ³⁰ См., напр.: Ойзерман Т.И. Философия и обыденное сознание // Вопр. философии. – 1967. – № 4.
- ³¹ См., напр.: Ядов В.А. Идеология как форма духовной деятельности общества. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1961.
- ³² Научное открытие и его восприятие / Под ред. С.Р.Микулинского, М.Г.Ярошевского. – М.: Наука, 1971.
- ³³ См.: Дилигенский Г.Г. «Общество потребления» и классовое сознание пролетариата // Мировая экономика и международ. отношения. – 1965. – № 7.
- ³⁴ См., напр.: Рождественский Ю.В. Введение в общую филологию. – М.: Высш. шк., 1979. – С. 47.
- ³⁵ Там же. – С.112
- ³⁶ О влиянии предмета деятельности на профессионалов, специализирующихся на умственном труде см.: Баталов А.А. Понятие профессионального мышления. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1985. – С. 54, 67–68.

- ³⁷ Виндельбанд В. Прелюдии. Философские статьи и речи / Пер. со 2-го нем. изд. С. Франка. – СПб: Изд. Д.Е. Жуковского, 1904. – С. 61.
- ³⁸ Аристотель. Соч.: В 4 т. – Т. 1. – 1975. – С. 74.
- ³⁹ Там же. – Т. 4. – С. 83.
- ⁴⁰ Гегель Г.В.Ф. Философия духа. – М.: Мысль, 1977. – С. 33.
- ⁴¹ Там же. – С. 134.
- ⁴² Там же. – С. 85, 87.
- ⁴³ Бергсон А. Собр. соч. – СПб: Изд-во М.И.Семенова, 1914. – Т.5. – С.180.
- ⁴⁴ Блаватская Т.В. Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. – М.: Наука, 1983. – С. 19.
- ⁴⁵ Лихачев Д.С. Первые семьсот лет русской литературы // «Изборник»: Сб. произведений лит. Древней Руси. – М.: Худ. лит., 1969. – С. 6. Приглушенное авторское начало характерно и для средневековой русской живописи. См. об этом: Солоухин В.А. Письма из Русского музея. – М.: Сов. Россия, 1967. – С. 46–47.
- ⁴⁶ Лихачев Д.С. Литература «государственного устройства» (середина XVI века) // Памятники литературы Древней Руси: Середина XVI века. – М.: Худ. лит., 1985. – С. 9.
- ⁴⁷ Лихачев Д.С. «Чем «несамостоятельное» любая культура, тем она самостоятельнее» // Вопросы литературы. – 1986. – № 12. – С. 112.
- ⁴⁸ Лурье С.Я. Демокрит: Тексты. Перевод. Исследования. – Л.: Наука, 1970. – С. 198.
- ⁴⁹ Пушкин В.Н. Эвристика – наука о творческом мышлении. – М.: Политиздат, 1967. – С. 264.
- ⁵⁰ См.: напр.: Левин А.Е. Научные сообщества // Природа. – 1981. – № 5. – С. 91; Малкей М. Наука и социология знания. – М.: Прогресс, 1983. – С. 41–43, 45–46.
- ⁵¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т.3. – С. 24.
- ⁵² См., напр.: Гоббс. Избр. произв.: В 2 т. – М.: Мысль, 1965. – Т.2. – С. 100.; Гельвеций К.А. Соч.: В 2 т. – М.: Мысль, 1973. – Т. 1. – С. 375.
- ⁵³ См., напр.: Гегель. Эстетика: В 4 т. – М.: Искусство, 1968–1973. – Т. 2. – 1969. – С. 47, 114.
- ⁵⁴ Интервью с М.А. Ульяновым // Неделя. – 1987. – № 38. – 21–27 сент.
- ⁵⁵ Лурья А.Р. Об историческом развитии познавательных процессов. – М.: Наука, 1974. – С. 112.
- ⁵⁶ Исаковский М.В. Собр. соч.: В 5 т. – М.: Худ. лит., 1981–1982. – Т. 4. – 1982. – С. 64.
- ⁵⁷ Гегель Г.В.Ф. Эстетика. – Т.1. – 1968. – С. 278–279.
- ⁵⁸ Руткевич М.Н. Марксистское понятие практики в его связи с другими философскими категориями // Взаимосвязь категорий / Под ред. М.Н.Руткевича. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1970. – С. 91. Ср.: Петров-Водкин К. О натюрморте // Юный художник. – 1987. – № 10. – С. 14–15.
- ⁵⁹ Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Незнакомые встречи. – М., 1980. – С. 161.
- ⁶⁰ Платон. Государство // Соч.: В 3 т. – Т.3. Ч.1. – 1971. – С. 411.
- ⁶¹ Ницше Ф. Соч.: В 2 т. – М.: Мысль, 1990. – Т.2. – С. 12, 29, 52.
- ⁶² Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцилию – М.: Наука, 1977. – С. 37.
- ⁶³ Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. – М.: Худ. лит., 1978–1985. – Т.15. – 1983. – С. 138.
- ⁶⁴ См., напр.: Ильин И.А. История искусства и эстетика. Избр. статьи. – М.: Искусство, 1983. – С. 83.
- ⁶⁵ Де Сент-Экзюпери А. Планета людей. – Нальчик: Эльбрус, 1980. – С. 552.
- ⁶⁶ См., напр.: Ильин И.А. История искусства и эстетика. – С. 7.
- ⁶⁷ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – С. 13.
- ⁶⁸ Некрасова М.А. Народное искусство как часть культуры: Теория и практика. – М.: Изобразит. искусство, 1983. – С. 84.
- ⁶⁹ Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – М.: Искусство, 1976. – С. 72.
- ⁷⁰ Кречмер Э. Строение тела и характер. – М.: Педагогика-Пресс, 1995. – С. 334.

⁷¹ Тард Г. Мнение и толпа // Психология толп. – М.: Ин-тут психологии РАН: Изд-во КСП+, 1998. – С. 364.

⁷² Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии // Философия в современном мире: Философия и наука. – М.: Наука, 1972. – С. 62.

⁷³ Цит. по кн.: Боголюбова Е.В. Современная буржуазная культура и «неогуманизм» // Критический анализ «философии культуры» в ФРГ. – М.: МГУ, 1971. – С. 8.

ЧАСТЬ III

¹ Микулинский С.Р., Ярошевский М.Г. Восприятие открытия как науковедческая проблема // Научное открытие и его восприятие. – М.: Наука, 1971. – С. 6.

² См., напр.: Сартр Ж.-П. Что такое литература? // Ситуации. – М.: Ладомир, 1997. – С. 45, 47–48.

³ Померанц Г.С. Выход из транса. – М.: Юрист, 1995. – С. 34.

⁴ Солоухин В.А. Письма из Русского музея. М.: Сов. Россия, 1967. – С. 60–61, 63.

⁵ Тард Г. Мнение и толпа // Психология толп. М.: Ин-т психологии РАН: Изд-во КСП+, 1998. – С. 313–314.

⁶ Там же.

⁷ Шопенгауэр А. О четвероюм корне... Мир как воля и представление. Т. 1. Критика кантовской философии. – М.: Наука, 1993. – С. 136.

⁸ Моль А. Социодинамика культуры. – М.: Прогресс, 1973. – С. 52.

⁹ Еремеев А.Ф. Лекции по марксистско-ленинской эстетике: В 4 ч. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1969–1975. – Ч. 2–3. – 1971. – С. 166–167.

¹⁰ Художественное восприятие / Под ред. Б.С.Мейлаха. – Л.: Наука, 1971. – С. 10.

¹¹ См., напр.: Медведева О.Ю. Предметное содержание и языковая форма научной картины мира в процессах общекультурного функционирования // Научная картина мира: общекультурное и внутринаучное функционирование / Отв. ред. И.Я.Лойфман. – Свердловск: УрГУ, 1985.

¹² Термин «популяризация» тщетно было бы искать в «Краткой литературной энциклопедии» (под ред. А.А.Суркова) — самом солидном справочном издании в нашей стране, специально посвященном различным аспектам литературоведения. О сущности популяризации см.: Алексеев М.Н. Сущность популяризации // Просто о сложном / Сост. С.В.Альтшулер и Г.С.Елигулашвили. – М.: Знание, 1977. – С. 45–52.

¹³ См.: Жураковский Г.Е. Очерки по истории античной педагогики. – М.: Академия пед. наук РСФСР, 1963. – С. 55–56.

¹⁴ Лихачев Д.С. Литература «государственного устройства» (середина XVI века) // Памятники литературы Древней Руси: Середина XVI века. – М.: Худ. литература, 1985. – С. 5.

¹⁵ Там же. – С. 11.

¹⁶ См.: Сытин И.Д. Страницы пережитого. – М.: Книга, 1978. – С. 156.

¹⁷ Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. – М.: Наука, 1977. – С. 32.

¹⁸ См., напр.: Шапоринский С.А. Обучение и научное познание. – М.: Педагогика, 1981. – С. 20–21.

¹⁹ Мигдал А.Б. Понски истины. – М.: Молодая гвардия, 1983. – С. 8.

²⁰ Там же. – С. 74.

²¹ Там же. – С. 74–75.

²² Кузнецов Г.В. ТВ-журналист. – М.: Издательство МГУ, 1980. – С. 236.

²³ Аллаярова В.С., Коган Л.Н. Научная популяризация и социалистическая культура. – М.: Наука, 1979. – С. 78.

²⁴ См. об этом: Ильенков Э.В. Гегель и герменевтика // Вопр. философии. – 1974. – № 8; Брай-

ович С.М. Герменевтика: ее метод и претензии // Филос. науки. – 1976. – № 6; Гайденок П.П. Герменевтика и кризис буржуазной культурно-исторической традиции // Вопр. литературы. – 1977. – № 5; Герменевтика: история и современность: (Критические очерки) / Под ред. Б.Н.Бессонова, И.С.Нарского. – М.: Мысль, 1985.

²⁵ Брудный А.А. Психологическая герменевтика. – М.: Лабиринт, 1998. – С. 5.

²⁶ См.: Кемеров В.Е. Взаимопонимание. – М.: Политиздат, 1984. – С. 4.

²⁷ Мегрелидзе К.Р. Основные проблемы социологии мышления. – 2-е изд. – Тбилиси: Мецниереба, 1973. – С. 100.

²⁸ См.: Университет, учитель, НТР (беседа с Ю.М.Лотманом) // Вестн. высш. шк. – 1986. – № 7. – С. 72.

²⁹ Чивилихин В.А. Память: Роман-эссе // Роман-газета. – 1982. – № 17. – С. 76.

³⁰ Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. – 2-е изд. – Л.: Прибой, 1930. – С. 104.

³¹ Набоков В.В. Дар. – Свердловск: Средне-Урал. книж. изд-во, 1990. – С. 358, 359.

³² Герцен А.И. Былое и думы // Собр. соч.: В 30 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1954–1965. – Т. 8. – 1956. – С. 125. Примеч. 2.

³³ Кондорсе Ж.А. Эскиз человеческой картины прогресса человеческого разума. – М.: Гос. изд-во соц.-экон. лит., 1936. – С. 163; см. также: – С. 164, 232.

³⁴ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: В 3 т. – М.: Мысль, 1974–1977. – Т. 3. – 1977. – С. 343–344.

³⁵ Соловьев В.С. Чтение о богочеловечестве // Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. – М.: Изд-во «Правда», 1989. – Т.2. – С. 92.

³⁶ Там же.

³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 20. – С. 524; Т. 21. – С. 281.

³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 38. – С. 163

³⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. – 5-е изд. – М.: Изд-во полит. лит., 1971–1975. – Т. 35. – 1974. – С. 201–202.

⁴⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 33. – 1974. – С. 101.

⁴¹ Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М.: Политиздат, 1974. – С. 151–152.

⁴² См.: Каптерев П.Ф. Избр. пед. соч. – М.: Педагогика, 1982. – С. 306.

⁴³ Там же. – С. 282.

⁴⁴ См.: Жураковский Г.Е. Очерки по истории античной педагогики. – С. 47, 181.

⁴⁵ См.: Ципико А.С. Образ жизни как социологическая категория. Историческая сущность и основные черты социалистического образа жизни // Советский образ жизни: сегодня и завтра / Сост. В.И.Добрынина. – М.: Мол. гвардия, 1976. – С. 26; Буева Л.П. Человек: деятельность и общение. – М.: Мысль, 1978. – С. 85–86; Уледов А.К. Духовная жизнь общества. – М.: Мысль, 1980. – С. 67.

⁴⁶ См.: Северцев В.А., Пахомов Н.Н., Гассель Е.М. Актуальные методологические проблемы образования // Современ. высш. шк. – Варшава. – 1984. – № 4. – С. 30, 34, 40–41, 43.

⁴⁷ Михайловский Н.К. Дарвинизм и оперетки Оффенбаха // Михайловский Н.К. Соч. – 2-е изд. – СПб. – Т. 2. – 1888. – С. 450. См. там же. – С. 452–453, 456.

⁴⁸ Чернышевский Н.Г. Антропологический принцип в философии // Избр. филос. соч.: В 3 т. – М.: Госполитиздат, 1950–1951. – Т.3. – 1951. – С. 183.

⁴⁹ Добролюбов Н.А. Органическое развитие человека в связи с его умственной и нравственной деятельностью // Собр. соч.: В 9 т. – М.-Л.: Худ. лит., 1961–1964. – Т.2. – 1962. – С. 442–443.

⁵⁰ Чернышевский Н.Г. Очерки гоголевского периода русской литературы // Избр. филос. соч.: В 3 т. – Т.1. – 1950. – С. 458–459.

⁵¹ Тимирязев К.А. Развитие естествознания в России в эпоху 60-х годов // Соч. – М.: Сельхозгиздат, 1939. – Т. VIII. – С. 174–175.

⁵² Куприн А.И. Поединок. Олеся. Гранатовый браслет. – Ярославль, 1966. – С. 172.

³³ Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии // Философия в современном мире. Философия и наука. – М.: Наука, 1972. – С. 58–59, 62.

³⁴ Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. – Т.3. – С. 53.

³⁵ Каптерев П.Ф. Избр. пед. соч. – М.: Педагогика, 1982. – С. 481–482; См. так же: Розанов В.В. Сумерки просвещения. – М.: Педагогика, 1990. – С. 52. Примеч.

³⁶ Старостин Б.А. Параметры развития науки – М.: Наука, 1980. – С. 89.

³⁷ См.: Журавковский Г.Е. Очерки по истории античной педагогики. – С. 66.

³⁸ Блаватская Т.В. Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. – М.: Наука, 1983. – С. 3.

³⁹ Журавковский Г.Е. Очерки по истории античной педагогики. – С. 46–47, 337.

⁴⁰ Вяземский П.А. «Ревизор». Комедия, соч. Н.Гоголя. – СПб, 1836 // Эстетика и литературная критика. – М.: Искусство, 1984. – С. 142.

⁴¹ Сартр Ж.-П. Что такое литература? – С. 81.

⁴² Писарев Д.И. Реалисты // Соч.: В 4 т. – М.: Гос. изд-во художеств. лит., 1955–1956. – Т.3. – 1956. – С. 98.

⁴³ Тард Г. Мнение и толпа. – С. 261.

⁴⁴ Там же. – С. 308.

⁴⁵ Там же. – С. 312.

⁴⁶ Сартр Ж.-П. Что такое литература? – С. 81.

⁴⁷ Там же. – С. 82.

⁴⁸ Моль А. Социодинамика культуры. – С. 92.

⁴⁹ Там же. – С. 297.

⁵⁰ Там же. – С. 122.

⁵¹ Там же. – С. 120.

⁵² Там же. – С. 298.

⁵³ Там же. – С. 47.

⁵⁴ Там же. – С. 120.

⁵⁵ Платон. Федр // Соч.: В 3 т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1970. – С. 217–218

⁵⁶ Эю У. Имя розы. – М.: Книжная палата, 1989. – С. 241.

⁵⁷ Закс Л.А. Конец XX века: усталость от культуры, овеществление духа // Уральская философская школа и ее вклад в развитие современной философии. – Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 1997. – С. 162.

⁵⁸ См., напр.: Психолингвистические проблемы массовой коммуникации / Под. ред. А.А.Леонтьева. – М.: Наука. 1974. – С. 8.

⁵⁹ Там же. – С. 9.

⁶⁰ Моль А. Социодинамика культуры. – С. 121.

⁶¹ Там же. – С. 293.

⁶² Бонди Г. Гипотезы и мифы в физической теории. – М.: Мир, 1972. – С. 7–8. См. также: Фейнман Р. Характер физических законов. – М.: Мир, 1968. – С. 193.

⁶³ См., напр.: Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. – М.: Наука, 1977. – С. 73–74.

⁶⁴ Ломоносов М.В. Соч. – М.: Худ. лит., 1957. – С. 238. Современная оценка этого учения дана, напр., в кн.: Головин Б.Н. Основы культуры речи. – М.: Высш. шк., 1980. – С. 255–258.

⁶⁵ Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. – СПб, 1914. – С. 29–30.

⁶⁶ Платонов А.П. Чевенгур // Дружба народов. – 1988. – №3. – С. 110.

⁶⁷ Цвейг С. Собр. соч.: В 7 т. – М.: Гос. изд-во художеств. лит., 1963. – Т.7. – С. 342.

⁶⁸ История XIX века / Под. ред. Лависса и Рамбо. – М.: Соц.-экон. изд., 1937. – Т.6. – С. 407.

⁶⁹ Рубайлова Н.Г. О реакции английского общества на теорию Чарльза Дарвина // Научное

открытие и его восприятие / Под. ред. С.Р. Микулинского и М.Г. Ярошевского. – М.: Наука, 1971. – С. 177.

⁹⁰ Дарвин Ч. Избранные письма. – М.: Иностран. лит., 1950. – С. 217.

⁹¹ См., напр.: Чайковский Ю.В. Кошмар Дженкина, или повесть об инженере, которого не могут забыть биологи // Химия и жизнь. – 1978. – № 12. – С. 115.

⁹² Ирвин У. Обезьяны, ангелы и викторианцы. Дарвин, Гексли и эволюция. – М.: Мол. гвардия. – 1973. – С. 196.

⁹³ Соловейчик С.Л. Час ученичества. Жизнь замечательных учителей. – 3-е изд. – М.: Дет. лит., 1972. – С. 222–223.

⁹⁴ Толстой Л.Н. Кому у кого учиться писать: крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят? // Пед. соч. – М.: Педагогика. 1989. – С. 276.

⁹⁵ См., напр.: Жуков Е.А. Педагогические условия развития литературно-творческих возможностей младших школьников на материале «Азбук» Л.Н.Толстого. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. пед. наук. – Екатеринбург: 1997.

⁹⁶ Лойфман И.Я., Стадник В.П. Единство природы и круговорот материи. – Свердловск, Урал. ун-т, 1988. – С. 175.

⁹⁷ Гершензон М.О. Гольфстрем // Лики культуры: Альманах. – М.: Юрист, 1995. – Т.1. – С. 7.

⁹⁸ Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М.: Искусство. 1970. – С. 99.

СЛОВАРЬ ОСНОВНЫХ ТЕРМИНОВ

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ЦЕННОСТНОГО СОЗНАНИЯ – это качество, обусловленное социокультурной полярностью двух основных субъектов ценностного сознания. Одним источником ценностных суждений выступает культурный «верх», а другим – культурный «низ». Взаимодействуя в едином поле общественного мнения, противоположные ценностные представления оказываются амбивалентными характеристиками одних и тех же объектов культуры. Благодаря общению культурная частичность любой социальной группы осознается ее представителями как односторонность в ценностном осмыслении мира. Отсюда полная и объективная оценка приобретает заметный оттенок двусмысленности и иронии. Аксиологическая рама, через которую уже в древности люди рассматривали свою жизнь, позволяла, с одной стороны, по-разному оценивать один и тот же вид деятельности, а с другой, под высокий ранг подводить не одну и ту же, а разные виды деятельности.

«ВЕРХ-НИЗ» КАК УНИВЕРСАЛИЯ КУЛЬТУРЫ. Человеческая культура выявляет аксиологическое измерение мира и по этому обнаружившемуся ориентиру люди стихийно или сознательно, в форме религии, искусства, морали или философии строят всю свою деятельность, осмысливают и переживают свои отношения с окружающей действительностью, с другими людьми. Аксиологические явления, прочно связанные с человеческим бытием и сознанием, выступают для людей особым типом объективной реальности, входят в глубинные структуры культуры, определяют судьбу человечества, смысл его существования. С глубокой древности формируются

топометрические аспекты аксиологического сознания, согласно которым ценностный «верх» отождествлялся с небом и Богом, а «низ» с землей и дьяволом, тогда как человек оказывался между этими двумя полюсами, связью «миров повсюду сущих» (Г.Р.Державин). Оппозиция «верх – низ» сегодня осознается как особая квазипространственная характеристика бытия, дающая о себе знать во всех видах культуры, в существовании уровней общественного сознания.

ДУХОВНОЕ ПРОИЗВОДСТВО – это комплекс институтов и учреждений современного общества (и среди них прежде всего СМК), которые порождают единое информационное пространство, консолидирующее мысли, чувства, желания людей в единое общественное мнение. Важнейшее качество Д.п. – его всепроникающая сила и тотальность, т.е. способность определять движение чувств и мыслей человека определенными идеями, заданными хозяевами и функционерами институтов и учреждений духовного производства. Возникнув в новоявленной истории, Д.п. постепенно приобрело свойства экономической категории, сплелось с материальным, промышленным производством, с государственными и финансовыми структурами. Как производство книг, газет, кинофильмов, телевизионных программ, музыкальных записей и т.д., Д.п. в современном обществе превратилось в часть комфортабельной жизни, стало продуктом и показателем высокого уровня благосостояния.

ОБРАЗОВАННАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ – это определенная социокультурная, социально-психологическая единица, которая служит посредником между «верхним» и «нижним» культурными слоями. Для этой

группы общение составляет основное содержание профессиональных обязанностей, решение проблемы понимания оказывается каждодневной задачей, и успех профессиональных усилий вытекает из результатов общения с людьми. Находясь посредине между полюсами культуры, работники образовательной сферы обращаются и к «верху», и к «низу», замыкая своей деятельностью поток культурной информации в единый цикл. Ориентируясь к «верху» культуры, образованные интеллигенты стимулируют сознательное индивидуальное творчество, а обращаясь к «низу» – они развивают стихийное творческое восприятие и освоение мира обыденным сознанием и извлекают духовный потенциал народной мудрости.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – это воздействие на человека, ведущее к его развитию как личности. Процесс передачи культурной информации совершается при этом в виде личностных контактов, общения. Такого рода отношения подразумевают сознательную или стихийную индивидуализацию, преднамеренный или интуитивный учет неповторимых свойств духовного мира образующего и образуемого. Отсюда вытекает, что образовательная сфера – это сфера воспроизводства человека как личности. Профессиональная активность образованного работника разворачивается как личностное общение с субъектами других видов деятельности. Здесь межпрофессиональное общение превалирует над общением внутрипрофессиональным. У специалиста О.д. предполагается в наличии развитая способность к общению – общительность и профессиональное владение средствами общения, использование различных функциональных стилей языка. Образованным специалистам приходится иметь дело и с «чистым», и с природным (обыденным) сознанием, но и в том и в другом случае предмет их профессионального внимания один – человек, с его неповторимыми индивидуальными качествами.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СФЕРА ОБЩЕСТВА – это особая область социума, расположенная между сферами специализированного и обыденного сознания, позволяю-

щая преодолеть смысловое пространство между культурными полюсами общества. В специализированной («чистой») сфере деятельности предметом выступает идея, в образовательной области идея перемещается на служебное положение, она вынуждена подчиниться законам общения образованного специалиста (образующего) с тем, кого он образует своим личностным влиянием. Таким образом, между полюсами общественного сознания возникает своеобразный мост общения (и следовательно, коммуникации). Потребность в коммуникации культурного «верха» и «низа» реализуется в формировании определенных социальных институтов, типичным примером которых является школа. Но, кроме школы, к сфере образования следует отнести все те учреждения, где происходит «обработка людей людьми» (К.Маркс, Ф.Энгельс): издательства, редакции газет, журналов, радио и телевидения, медицинские и юридические учреждения, экскурсионные бюро, планетарии и т.д.

ОБЩЕНИЕ – это процесс со-бытия людей, в котором они пребывают в качестве сопричастных друг другу субъектов и где психологические и духовные качества каждого входят в общую структуру их жизненной ситуации. О. людей включает в себя процессы коммуникации, взаимодействия и взаимного познания. Коммуникация как передача информации от человека к человеку оказывается необходимым и важнейшим элементом общения. Однако целостный акт общения – явление, несомненно, более богатое, многостороннее и сложное, чем коммуникативный компонент. Смысловая тяжесть понятий «общение» и «коммуникация» имеет тенденцию развиваться в разных плоскостях. «Общение» тяготеет к сфере личностного, экзистенциального начала, а «коммуникация» – социально-онтологического, технико-орудийного. Коммуникативный процесс, оторванный от других элементов общения, взятый сам по себе, не имеет внутреннего смысла, не способен объяснить суть человеческой культуры. Энергия движения социокультурной информации поступает из тектонических недр непосредствен-

ных отношений Я и Ты. Только благодаря этому неиссякаемому источнику «песенка – лесенка в сердце другое» (В.Хлебников).

ОБЫДЕННОЕ СОЗНАНИЕ – это сознание, которое, в отличие от специализированного, «непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни» (К.Маркс, Ф.Энгельс). О.с. критически не осмысливает правил и норм, по которым оно действует (отсюда традиционность этого сознания), оно носит природно-наивный характер (оказывается как бы детским) и относится к групповым, стихийно-анонимным феноменам. О.с. синкретично в социальном и психологическом планах, т.е. оно неотделимо от трудового процесса, от досуговой деятельности людей, не знает специализированного развития отдельных элементов сознания.

ПОНИМАНИЕ – феномен культурного дистанцирования людей и необходимости преодоления этой дистанции. Чем больше культурная (национальная, социальная, психологическая) разобщенность, тем более ярко должен сверкнуть луч понимания, рассеивающий мрак отчуждения между людьми, преодолевающий смысловое пространство между субъектами культуры. П. – результат непосредственного общения, диалога, разговора людей. «Всякое понимание диалогично», – справедливо утверждал В.Н.Волошинов. П. зависит не только от мышления, а опирается на все элементы индивидуального сознания. Более того, понимание – не столько результат познавательной деятельности, взятой самой по себе, сколько возникшей установки на экзистенциальную целостность человека, его родственность духовному миру, вступающих с ним в общение людей. Процесс передачи культурной информации подразумевает большие духовно-душевные усилия, затраченные и сообщаемым, и воспринимающим сообщением.

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ – важный аспект технологии распространения информации в обществе. П. как элемент педагогического мастерства, как определенные навыки и приемы известна по школьным годам каждому.

Уже в мусической школе древнегреческие учителя подчищали гомеровские тексты, приспособляя их для детского восприятия. Научно-популярная и учебная литература в настоящее время представляет собой определенный жанр благодаря заметному отступлению от канонов «чисто научного» текста. П. – процесс внутренне глубоко противоречивый, ибо он может быть успешным лишь тогда, когда в нем происходит определенное изменение изначального смысла «чистой теории» и в то же время некоторые смысловые структуры, подлежащие популяризации, сохраняются в полной неприкосновенности. Популяризатор имеет дело не с самой объективной реальностью, воспроизводящейся художником или объясняемой ученым, а с «готовым» творческим результатом – с текстом, с образным рядом, – которые он пересоздает, воспринимая их от лица определенного слушателя, зрителя, читателя, хорошо ему известных.

ПУБЛИКА – это большой социокультурный слой, вызванный к жизни капитализмом, буржуазным образом жизни, урбанизированной средой, где определяющую роль стало играть высокотехнологичное производство вещей и идей. П. – основной репродуктивный агент материального производства и массовидный потребитель духовной продукции. Возникновение публики (прежде всего читателей) означает расщепление единой народной культуры, фундаментом которой являлись обычай и верования данного этноса, его язык. П. как относительно пассивную категорию духовной жизни общества следует отличать от образованной общественности, стимулирующей авторское творчество и связывающей творцов культуры с остальной частью общества.

РАЗГОВОР – тип непосредственного общения людей. Это общение в сфере обыденного сознания, которое протекает между людьми лицом к лицу, Г.Тард называл разговором. При этом возможно максимальное сближение людей, общение становится как бы самоцелью, его утилитарные предпосылки оттесняются на смысловую периферию: «говорят для удовольствия, для развлечения,

для вежливости» (Г.Тард). Р. консолидирует людей, он, как утверждал Лис – персонаж известного произведения А. де Сент-Экзюпери, является средством «приручения» людей, он позволяет создать узы, объединяющие людей глубинными духовными связями.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ – перемещение в пространстве и времени культурных сообщений в обществе. Это могут быть коммуникативные связи между народами и континентами, т.е. горизонтальный тип коммуникации. Иное направление информационного потока, преодолевающего смысловое пространство между производителем и потребителем, мы назовем вертикальной культурной информацией. Последний тип коммуникации прямо указывает на ценностную структуру социума, которая в конечном счете обуславливает все виды не только вертикальных, но и горизонтальных культурных сообщений. Исторически социально-художественный, социально-научный и другие виды информационных потоков в обществе постоянно усложняются за счет технико-орудийных компонентов: устное распространение культурных сообщений сменяется письменной формой, затем вступает в дело печатная продукция, которая вытесняется электромагнитными носителями информации и т.д.

СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЕ («ЧИСТОЕ») СОЗНАНИЕ – это процесс и результат духовной деятельности, обособленный от материального производства и развиваемый многочисленной группой идеологов, но, как правило, широко известной за пределами этого элитарного круга. Открытие законов, норм и правил речевой деятельности, способов ее объективации в письменные и печатные тексты – грамматики, риторики, поэтики, стилистики, эвристики, логики – явилось важным этапом качественного приращения форм умственного труда, легших в основание сформировавшегося специализированного («чистого») сознания. Этот тип общественного сознания обладает правильностью, рефлексивностью, авторским характером в силу того, что оно – продукт особой институционализированной деятельности. «Чистое» сознание традиционно относят к верхнему уровню общественного сознания, а обыденное – к нижнему. Претензию представителей «чистого» сознания на культурный «верх» вряд ли следует считать обоснованной, адекватной реалиям духовной жизни, аксиологической структуре культуры. Однако сама установка на приоритет со стороны представителей «чистого» сознания существует, с ней следует считаться как с фактором, усложняющим аксиологический анализ культуры.

ОБ АВТОРЕ

МИРОШНИКОВ ЮРИЙ ИВАНОВИЧ. Окончил философский факультет Уральского государственного университета им. А.М.Горького в 1971 г., кандидат философских наук, доцент кафедры философии Уральской государственной медицинской академии. Автор более 90 научных, научно-методических и эссеистических публикаций.

Область научных интересов: аксиология, социальная психология, философия естествознания и образования. Кандидатская диссертация – “Познавательная сущность эмоциональных состояний”. Основное направление исследований – роль ценностных форм сознания в познании, в коммуникационных процессах, в духовной жизни человека.

SUMMARY

This study regards socio-cultural communication in a biological light. The author proceeds from the idea that the elements of culture and social consciousness are distributed not only in horizontal line of existence, but also in vertical line of value relationships. A biological dimension of the universe, the division of culture on «top» and «bottom» opens the very opportunity of human's inner life.

Modern life, characterized with the production, distribution and consumption of cultural phenomena, fully revealed the important fact that the creative work displays its value only being in moving state, making the certain way from one consciousness bearer to another.

As the study shows, the most important types of cultural information subjects appears the bearers of specialized («pure») and everyday consciousness/ They form the «poles» of culture, connect consciousness. The sphere of educated consciousness is valuable for the opportunity of the immediate intercourse between educating and being educated – this is the sphere of man reproducing himself as a personality. Immediate intercourse marks a secret spring of socio-cultural dynamics, the basis of its energetics. Educated community comes out to be the favourable surrounding for creative work in the sphere of specialized consciousness, being also the nutritious soil, which sprouts the spirituality of new generations.

These and others of the study are developed on the history-of-philosophy and history-of-culture material. Also the data of linguistics, literary studies, social psychology, pedagogics are used, allowing to understand not only the past, but the present of socio-cultural dynamics. On a level with the regularities of educational practice, the author analyses the processes of popularization and understanding.

The book is intended for scientists, mass media specialists, teachers, post graduate and higher school students.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
----------------	---

Часть I

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ

ГЛАВА 1. Развитие социокультурной коммуникации в истории европейской культуры	8
ГЛАВА 2. Духовные основы социокультурной коммуникации	19
Духовное производство	19
Субъект духовного производства	26
Социокультурная коммуникация как круговорот информации	29

Часть II

ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ: ПОЛЯРИЗАЦИЯ НА «ВЕРХ» И «НИЗ»

ГЛАВА 1. Социально-историческая противоположность «верха» и «низа» культуры	35
«Верх-низ» как универсалии культуры	35
Амбивалентность «высокого – низкого» в человеческой деятельности	39
ГЛАВА 2. Ценностная дифференциация общественного сознания	45
Специализированное сознание	47
Обыденное сознание	52
ГЛАВА 3. Оценка специализированного и обыденного сознания в их отношениях к «верху-низу» культуры	55

Часть III

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ЦИКЛ КОММУНИКАЦИИ: СВЯЗЬ «ВЕРХА» И «НИЗА»

ГЛАВА 1. Коммуникативные и рецептивные свойства сознания	62
Философские основания коммуникативного и рецептивного начал в культуре	62
Популяризация как аспект социокультурной коммуникации	66
Проблема понимания в коммуникативном процессе	71
ГЛАВА 2. Образовательная сфера общества	74
ГЛАВА 3. Социокультурный цикл коммуникации и роль образованной общественности	82
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	94
ПРИМЕЧАНИЯ	97
СЛОВАРЬ ОСНОВНЫХ ТЕРМИНОВ	106
ОБ АВТОРЕ	110
SUMMARY	111

CONTEXT

INTRODUCTION	3
--------------------	---

Part I

SOCIO-CULTURAL COMMUNICATION:

HISTORICAL DEVELOPMENT AND SPIRITUAL PRINCIPLES

CHAPTER 1. The development of socio-cultural communication in european culture history	8
CHAPTER 2. Spiritual principles of socio-cultural communication:	19
Spiritual production	19
The subject of spiritual production	26
Socio-cultural communication as the information cycle	29

Part II

SOCIAL COMSCIOUSNESS: «TOP» AND «BOTTOM» POLARIZATION

CHAPTER 1. Socio-historical opposition of culture «top» and «bottom»:	35
«Top-bottom» as the of culture	35
«High – low» contradiction in human's activity	39
CHAPTER 2. Value differentiation of social consciousness	45
Specialized consciousness	47
Everyday consciousness	52
CHAPTER 3. Specialized and everyday consciousness evaluation in their concern on the «top-bottom» of culture	55

Part III

SOCIO-CULTURAL COMMUNICATION CYCLE:

CONNECTION OF «TOP» AND «BOTTOM»

CHAPTER 1. Communicative and receptive characteristics of consciousness:	62
Philosophical principles of communicative and receptive origins in culture	62
Popularization as the aspect of socio-cultural communication	66
The hroblem of understanding in communicative hroccess	71
CHAPTER 2 Educational sphere of society.	74
CHAPTER 3 Socio-cultural communication cycle and the role of educated community	82
CONCLUSION	94
REFERENCES	97
GLOSSARY OF BASIC TERMS	106
ABOUT THE AUTHOR	110
SUMMARY	111

Научное издание

СЕРИЯ
«ФИЛОСОФСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»
Выпуск 6

Мирошников Юрий Иванович

**АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Художник: *Иван Мирошников*
Корректор: *Нина Зайцева*
Набор: *Марина Ковязина*
Верстка: *Степан Недвига*
Печать: *Игорь Зыкин*

Изд. лиц. № 071278 от 25 марта 1996 г.

Подписано в печать 21.12.98. Формат 60×84 ¹/₁₆.

Бумага для ксерокопирования Краснокамской бум. ф-ки.

Гарнитура «Times New Roman Cyr». Усл. печ. л. 6,62. Уч.-изд. л. 6,51. Тираж 200 экз.

Банк культурной информации. 620026, г. Екатеринбург, ул. Р.Люксембург, 56.

Тел./факс: +7 /3432/ 22–15–46.

**В БЛИЖАЙШИХ ВЫПУСКАХ СЕРИИ
«ФИЛОСОФСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»:**

**В.К. ТРОФИМОВ
ДУША РУССКОГО НАРОДА**

**Природно-историческая обусловленность
и сущностные силы**

В монографии представлен современный опыт комплексного обобщения взглядов русских мыслителей на своеобразие национального менталитета – души русского народа. На основе цивилизационного подхода исследуется детерминация душевных свойств русского народа со стороны природных, социальных и духовных факторов. Детально анализируются сущностные силы русской души и специально исследуются их влияние на самобытность исторического развития России, включая события конца XX века.

Книга адресована преподавателям гуманитарных дисциплин высших и средних учебных заведений, аспирантам, студентам и всем, кто интересуется проблемами русского национального самосознания.

**И.В. ЧЕРДАНЦЕВА
ИРОНИЯ: ОТ ПОНЯТИЯ К МЕТОДУ
ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ**

В книге определены основополагающие черты категории иронии, характерные для разных этапов ее развития, и проведен сравнительный анализ понятия романтической иронии с понятием юмора и остроумия. Анализируются возможности иронии как метода постижения бытия.

Книга адресована преподавателям философии, аспирантам, студентам гуманитарных вузов, а также всем читателям, интересующимся проблемами теории познания и философии культуры.

Н.В.БЛАЖЕВИЧ, Ф.А.СЕЛИВАНОВ
КУРС ЛЕКЦИЙ ПО ЭРИСТИКЕ

Эта книга – введение в предметную область теории искусства спора – эристики. Ее цель – сформировать у читателя понимание основных условий продуктивного спора, ознакомить с типичными ошибками и уловками, которые допускаются участниками спора. В лекциях рассматривается широкий круг проблем стратегии и тактики эриста, искусства осведомления и аргументации, искусства задавать вопросы и отвечать на них, а также истории эристики. Каждая лекция сопровождается практическими советами и упражнениями.

Книга адресована студентам, аспирантам и преподавателям, а также юристам, менеджерам, психологам и другим специалистам, которым полезно знание норм спора.

